

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ТВОЯ
ПРИМЕРНАЯ
КОВАРНАЯ
ЖЕНА

Будь собой,
что бы ни случилось,
и увидишь, как
изменится твоя
жизнь!

Желание женщины

Людмила Мартова

Твоя примерная коварная жена

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Твоя примерная коварная жена / Л. Мартова — «Эксмо»,
2018 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-090201-9

Муж бросил Элеонору, когда у нее начались серьезные проблемы на работе. И все из-за лучшей подруги, которая вдруг решила забрать успешный совместный бизнес себе! Эля хотела остановить ее, заручившись поддержкой своего мужа, третьего соучредителя, но тот выбрал не сторону жены... Так Элеонора в одночасье осталась без работы и в полном одиночестве, да еще и здоровье дало мощный сбой. Она надеялась, что со всем справится сама, но совершенно случайно оказалась подозреваемой в деле об убийстве незнакомого ей человека. Эля уверена – это совпадение: ни подруга, ни муж не способны так подставить ее. Но кто же мог подстроить все эти несчастья и заставить близких отвернуться?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090201-9

© Мартова Л., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	33
Глава шестая	39
Глава седьмая	47
Глава восьмая	55
Глава девятая	62
Глава десятая	68
Глава одиннадцатая	76
Глава двенадцатая	83
Глава тринадцатая	91
Глава четырнадцатая	97
Глава пятнадцатая	105
Глава шестнадцатая	112
Глава семнадцатая	119
Глава восемнадцатая	126
Эпилог	134

Людмила Мартова

Твоя примерная коварная жена

© Мартова Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Элеонора – женское личное имя.

Итальянское Eleonora происходит от др.-греч. Ἐλεος – «милосердие, сострадание».

Имя Eleonora связывается с древнееврейским элинор – «Бог мой свет». А также представляет собой видоизмененное провансальское Alienor, с элементом «ali» – «другой, чужой»¹.

---

¹ Из интернет-энциклопедии Википедии.

Глава первая

Наши дни

Элеонора Первая

Цок-цок-цок... По мрамору холла мерно и дробно простучали каблучки. Генеральный директор строительной компании «ЭльНор» Элеонора Бжезинская не признавала обуви без каблучков и появлялась на тонкой и высоченной шпильке, заставляющей вспомнить о существовании Эйфелевой башни, даже на строительной площадке.

Ее каблучки, странное дело, не увязали в песке, не обдирались о гравий, не застредали намертво в глине. Элеонора Бжезинская умела сохранять элегантность в любой ситуации. Кстати, туфли, у которых вместо каблучка была миниатюра Эйфелевой башни, в ее гардеробе имелись на самом деле. И в них Элеонора смотрелась стильно, роскошно и абсолютно естественно. Впрочем, как всегда.

Директорша «ЭльНора» была потрясающей женщиной. Мужчины не оборачивались ей вслед лишь оттого, что не смели. Высокая блондинка с гривой тщательно уложенных волос, осиной талией, высокой грудью, чарующей улыбкой и умопомрачительными ногами, изящество которых подчеркивалось все теми же обязательными каблучками, она была настолько хороша, насколько и недоступна.

Если к внешности Элеоноры добавить еще собственную построенную с нуля строительную империю, которой она руководила с размахом и изяществом, загородный дом в элитном поселке неподалеку от знаменитой усадьбы Ланских, лихую езду на огненно-красном, сделанном на заказ «Лексусе», депутатство в областной Думе, благотворительность, недвижимостью в Испании, привычку проводить уик-энды в Париже, а зимние каникулы в Куршавеле, умение кататься на горных лыжах и свободное владение английским, то абсолютно понятно, что соответствовать такой женщине мог только олигарх из первой пятерки российского «Форбс».

Однако в романах с олигархами Элеонора замечена ни разу не была, оставалась верной женой своего мужа, за которого вышла в студенческие годы и которому родила двоих детей. Старший сын Александр учился в Лондоне, а младшая дочь Варвара – в Париже. Супруг Элеоноры – Борис – тоже работал в «ЭльНоре». Финансовым директором.

Компанию они основали вместе в начале девяностых годов. Третьей в их дружном триумвирате была студенческая подруга Бжезинской главный инженер компании Элеонора Бутакова. Тому обстоятельству, что их зовут одинаково, они очень удивились двадцать с лишним лет назад, когда познакомились, сдавая вступительные экзамены в МГСУ – Московский государственный строительный университет. А потом за долгие годы дружбы привыкли и к имени, и к тому, что существуют, как сиамские близнецы, давно превратившись в единый организм.

Борис Бжезинский над этим «не разлей вода» посмеивался, а Сергея Бутакова временами это бесило. Он был бы счастлив, если бы в его жизни были только жена и дочка, но все разговоры в семье обязательно сводились к Бжезинским и их семейству. Элеонора Бутакова, ко всему прочему, была крестной матерью Вари Бжезинской. Варя крестную обожала, с удовольствием оставалась ночевать у нее дома и во всем подражала Вике Бутаковой, которая была старше ее на три года.

Семья вместе отмечали бесконечные дни рождения и именины, Новые года и Восьмые марта, годовщины свадеб и другие праздники, собираясь, по поводу и без, практически каждую субботу. Жарко топились камин в загородной резиденции Бжезинских, пахло корицей от сваренного Борисом глинтвейна, Элеонора Бутакова пекла пироги, до которых была большой мастерицей, а дети во дворе играли с огромным мастино неаполитано – любимцем семьи и всеобщим баловнем. И эти субботние посиделки Сергей Бутаков ненавидел.

Его Элеонора, хохотушка, умница, аппетитная пампушечка небольшого роста, с выразительными ярко-голубыми глазами и каштановой лихой стрижкой каре всегда оказывалась в тени своей роскошной подруги. Вечно вторая. Не такая красивая. Не такая стильная. Не умеющая носить дорогие наряды и предпочитающая удобную обувь на низком каблуке из-за растущей с годами косточки.

Она выглядела простолюдинкой рядом с королевой Бжезинской, хотя именно на ней, как знал Сергей, держался успех «ЭльНора». Бутакова обеспечивала качество строений, закупала необходимые материалы, контролировала подрядчиков, ругалась с прорабами. Для суровых мужиков, разговаривающих на языке, в котором цензурными были только предлоги, она была своей, в то время как Бжезинская оставалась инопланетянкой, феей, принцессой из сказки.

«У королев не бывает ног» – эту фразу Сергей Бутаков вспоминал каждый раз, когда видел Бжезинскую.

Бжезинская о неприязни мужа своей лучшей подруги не догадывалась, и если бы ей кто-нибудь сказал о том, что крепко сбитый, плотный, не улыбочивый Сергей ее недолюбливает, то в жизни бы в это не поверила. Сама она, казалось, любила всех людей без исключения, близких особенно, и искренне верила в то, что мир отвечает ей тем же.

Уверенно пробежав по скользким мраморным плиткам (нет, поскольку она не могла ни при каких обстоятельствах), Элеонора влетела в приемную, которую делила с собственным мужем, и ослепительно улыбнулась секретарше.

– Милка, привет. Ну что, свидание удалось?

Ни одна мелочь в работе с подчиненными, как правило, не ускользала от ее внимания. Вчера секретарша Милочка была наконец-то приглашена на свидание мужчиной, который ей очень нравился, и Элеонора знала, что девушке будет приятно, если начальница про это вспомнит. Так и случилось, услышав вопрос, секретарша разулыбалась, вспыхнув пионовым цветом.

– Ой, Элеонора Александровна, вы никогда ни про что не забываете. Спасибо вам. А свидание прошло хорошо. Мы в ресторане посидели и по городу полночи гуляли. Он, конечно, домой ко мне набивался, но я девушка приличная, после первой встречи в койку не прыгаю, так что провожали ночь и встречали рассвет. Ужасно не выспалась, но вы не думайте, на работе не скажется.

– Конечно, не скажется. В твои-то годы. – Бжезинская рассмеялась без тени зависти в голосе. Двадцатипятилетнюю Милу она соперницей не считала, да и к своим сорока трем годам относилась с равнодушной уверенностью в том, что настоящая женщина остается молодой и в семьдесят. – Минут через двадцать зови всех на совещание. У меня сегодня встреч много, раскачиваться некогда.

На сегодня самым крупным строительным объектом «ЭльНора» был возводимый отель «История», входящий во всемирно известную шведскую сеть. Строили его уже четыре года. На данный момент красавец-отель из стекла и бетона уже гордо смотрел на город над Волгой с высоты своих двенадцати этажей. Внутренняя отделка была закончена, благоустройство территории завершено. Оставались кое-какие ландшафтные работы, которые тоже делал «ЭльНор», и все, можно проводить торжественную приемку. Ее дата была назначена на конец сентября, и сейчас управляющая отелем Наталья Удальцова всю командовала расстановкой мебели, закупкой холодильного оборудования и составлением меню для ресторана.

Удальцова Бжезинской нравилась. Она была дельной, спокойной, хорошо знающей свое дело и не склонной к истерикам женщиной. Последнее качество Бжезинская особенно в ней ценила, предпочитая больше работать с мужчинами. С ними на истерики можно было не отвлекаться.

Усевшись в кресло, удобное, жутко дорогое кресло из натуральной кожи, она открыла ежедневник и быстро поставила зарубки на память. Итак, сейчас совещание по строящимся объектам, затем нужно заскочить в отель, Удальцова просила переделать кое-что в бассейне.

Потом встреча в мэрии, если повезет, можно будет взять в застройку целый жилой микрорайон. Десять двенадцатизэтажных домов, школа, детский сад, офис семейного врача, супермаркет и бассейн – о загрузке бригад можно будет не думать года два-три, а то и пять, что сейчас, в кризис, просто подарок судьбы. Хотя нет, не подарок, а заслуженное вознаграждение, завоеванное двадцатью годами безупречной работы, выстраданное бессонными ночами.

Своими силами, правда, такой проект не потянуть. Обратных средств не хватит. А кредиты сейчас недешевы, ох недешевы, да и дают их неохотно. Что ж, придется сходить на поклон к управляющему банком. Его имя открывает многие двери, хотя Борису это порой неприятно.

Она чуть заметно нахмурилась, выгнув дугой идеальные брови. Что ж поделать, если она, как управленец, эффективнее мужа. Он умеет считать деньги, этого у него не отнимешь. А она – принимать решения и быстро находить выход из любых кризисных ситуаций. Нестандартные решения, надо признать. Бжезинская усмехнулась. Ее последняя задумка была не то чтобы нестандартной. С точки зрения морали она просто не лезла ни в какие ворота. Но бизнес – жесткая вещь. Жесткая даже. Так что о морали она забыла еще в далекие девяностые, когда договаривалась с бандитами о «крыше» или отбирала самые выгодные заказы у конкурентов. Значение имеет только результат, а муки совести не мешают ей спать по ночам. Не испытывает она никаких мук.

Распахнулась дверь кабинета, и он начал заполняться людьми, спешащими на утреннюю планерку. На свое место, по правую руку от Элеоноры, сел Борис, по левую – Элеонора Бутакова. Рассаживались и остальные участники привычного ежеутреннего совещания. Работы предстояло много, и вид у всех был сосредоточенный и деловой.

– Вопрос первый, будем ли участвовать в тендере на строительство двух детских садов «под ключ»? – начала Бжезинская. – Вчера мы с вами взяли тайм-аут, потому что так и не пришли к окончательному решению. Борис?

– Мое мнение с предыдущего вечера не изменилось, – он пожал плечами. Под тонкой тканью безупречной льняной рубашки, купленной в Париже, перекачивались бугры мышц, но Элеонору это оставило равнодушной. Красота мужа не вызывала у нее таких бурных эмоций, как раньше. – Я считаю, что надо участвовать. Проект займет год, максимум полтора, деньги бюджетные, так что ничем не рискуем.

– Деньги бюджетные, но получим мы их только после выполнения работ, – Элеонора слегка повысила голос. Все эти аргументы она уже приводила накануне и начала раздражаться от того, что ее не слышали. – Мы оттянем все резервы, а они нам понадобятся при запуске «Изумрудного города». – Именно так назывался тот самый микрорайон, который она намеревалась построить с легкой руки мэрии.

– Я как раз против «Изумрудного города», – Борис слегка вздохнул. – Этот проект нам точно не по карману, а влезать в кредиты сейчас рискованно. Два детских сада как раз то, что нам нужно.

– Элеонора, а ты как считаешь?

Бутакова всплеснула полными ручками, выражая отчаяние.

– Я согласна с Борисом. За журавлем в небе погонимся, разобьемся. Синица в руках гораздо лучше. Так что я – за детский сад.

– Еще какие есть мнения? – Бжезинская обвела взглядом собравшихся. Все молчали, не желая вступать в перепалку начальства.

– Микрорайон – это выход на новый уровень, – неожиданно сказал Михалыч, самый уважаемый прораб «ЭльНора», сейчас отвечающий за строительство коттеджного поселка неподалеку от города. – Вот как четыре года назад за отель брались, помните? Тоже боязно было, потому что иностранные партнеры, сроки, жесткие требования. А справились же. Вот-вот закончим.

– Это не одно и то же, – в голосе Бориса теперь тоже слышалось раздражение. – На строительство отеля нам деньги предоплатой переводили. Они у нас на счетах лежали, и мы на них строили. Заодно и без кредитов обходились, те деньги прокручивая. А тут в такую долговую яму влезть надо, что утонем мы в ней. Навсегда останемся.

– Так, решение я приму после того, как сегодня еще раз встречусь с представителями мэрии, – решительно сказала Бжезинская. – Если мне пообещают отдать землю в долгосрочную льготную аренду и провести коммуникации в микрорайон за счет казны, а также отложить строительство большинства социальных объектов района на самый конец проекта, когда жилые дома уже будут сданы и квартиры в них проданы, тогда все у нас получится и риск окажется минимальным.

– Так ведь стройки стоят, – робко напомнила Бутакова. – Мы работаем, потому что у нас отель да коттеджный поселок, там у владельцев деньги есть. А все остальные площадки в городе консервируются. Массовое жилье никто не покупает, ипотека дорогая, уверенности в завтрашнем дне нет, люди боятся кредитной удавки. Мы и так закредитованы по максимуму. В еще большие долги влезем, дома построим, а квартиры не продадим. Что делать-то будем?

– Так, с этим все. Переходим ко второму вопросу, – отрубила Бжезинская. – Я уже сказала, что приму решение позже.

По лицу Бориса заходили желваки, но он сдержался, ничего не сказал. Лишь когда все остальные производственные вопросы на сегодня были решены и за участниками совещания закрылась дверь, он обратился к жене.

– Не круто берешь? – поинтересовался он. – Ведь мы с Элеонорой такой же голос, как и ты, имеем. У нас равное количество процентов в уставном капитале. Так что решение принимать не тебе, а нам всем, большинством голосов.

– Борик, – Элеонора засмеялась, выскочила из кресла, подбежала к мужу и взъерошила его когда-то роскошную, а сейчас начинающую редеть шевелюру. На пальцах у нее остались волосы, и она незаметно вытерла ладонь о летящую по бедрам шелковую юбку. – Борик, мы же с тобой оба понимаем, что ты проголосуешь так, как я скажу. За столько лет ты неоднократно имел возможность убедиться, что у меня потрясающее чутье. Я никогда не ошибаюсь, когда в чем-то уверена, а сейчас я уверена, что «Изумрудный город» будет иметь успех. И не спорь ты со мной, ради бога.

– А Бутакова?

– Что Бутакова? Она прекрасный тактик, но из нее никудышный стратег. Ей не будет цены, когда нужно будет разрабатывать проект и выбирать материалы для будущего микрорайона, а принимать решения уж оставьте мне, пожалуйста.

Впрочем, в глубине души она знала, что лукавит. Элеонора Бутакова обладала чудовищным упрямством, и никто бы не смог сдвинуть ее в сторону, если бы она что-то решила. Ее нежелание затевать новый проект грозило Бжезинской серьезными неприятностями, а потому нужно было срочно что-то придумать. Старая подруга не должна была встать на пути прорыва в будущее «ЭльНора». А именно такими словами Бжезинская оценивала перспективы «Изумрудного города». И никакие кредиты ее не пугали.

* * *

Наши дни

Элеонора Вторая

– А ты придешь ко мне на линейку первого сентября?

Элеонора Бутакова с улыбкой смотрела на задавшую вопрос крестницу Варю, смешно, по-птичьи, наклонившую голову набок в ожидании ответа. Это было традицией. Каждый год

«крёска», как называла ее с детства Варя, обязательно приходила в школу с неизменным букетом гладиолусов, предназначавшихся для учительницы.

Мать, конечно, заказывала для Вари школьные букеты – стильные, изящные, собранные из редких растений руками арт-директора «Мира цветов» – самого модного цветочного магазина их города. Букеты получались красивые и чуточку волшебные, на них хотелось смотреть, не отрывая глаз. В них чудилась волнующая мелодия, от их аромата немного кружилась голова. Такой букет был за счастье для любой из Вариных учительниц, но девочка отчего-то стеснялась их дарить, тайно мечтая о простеньких астрах, зажатых в маленькой ладошке, или о гладиолусах, которые срывались на даче накануне первого сентября. Вот только на их участке ничего подобного не росло.

Элеонора Бжезинская не признавала мещанства, а гладиолусы для нее были одним из его признаков. Приносить их в школу было пошлостью и дурновкусием. Именно поэтому гладиолусы для Вари из года в год поставляла крестная, разделяющая любовь девочки к этим цветкам-стрелам, украшенным яркими бутонами, похожими на огромные колокольчики.

Вообще-то Варя уже несколько лет училась в закрытой школе в пригороде Парижа, но в российской школе все-таки числилась. Именно поэтому каждый год она приходила на торжественную линейку, здоровалась с одноклассниками, показывалась учителям и назавтра убывала во Францию до зимних каникул, на которых исправно писала все положенные сочинения и контрольные. Ее следующие визиты в школу приходились на май, когда девочка закрывала все «хвосты» и сдавала переходные экзамены.

Фактически она училась экстерном, хотя документально это никак оформлено не было. Благодаря связям и влиянию Элеоноры Бжезинской, на это закрывали глаза, тем более что училась Варя хорошо и вообще была чудесной девочкой.

– Конечно, приду. – Бутакова еще раз улыбнулась, с нежностью глядя на бледные, с едва заметным румянцем щеки, темно-русые волосы и блестящие черные глаза. В ее понимании Варя была похожа на сороку. – Гладиолусы, правда, пока не расцвели, но у нас еще десять дней впереди, так что будь спокойна.

– С тобой я всегда спокойна. Крёска, я во Франции больше всего скучаю по тебе и по Вике.

– А по маме с папой?

– Ну, мама довольно часто приезжает, – девочка говорила немного неуверенно. – Хотя, конечно, я по ней скучаю, но не так, как по тебе.

– Неужто сильнее?

– Нет, – Варя немного подумала, перед тем как ответить. – Просто по-другому. Крёска, я очень-очень тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю. И должна тебе сказать, что очень рада тому, что ты через десять дней уезжаешь.

– Почему? – глаза у девочки округлились. – Что-то должно случиться? Что-то плохое?

Варя была слишком впечатлительной, причем с самого детства. В разговоре с ней это следовало учитывать, и забывшая об этом Элеонора прикусила язык.

– Да ну, что ты, Варезка, – в минуты особой близости она называла девочку так, как звала ее мать. – Что плохого может произойти? Просто у нас с мамой впереди очень много работы. Мы берем важный заказ, будем строить детский сад, так что заняты будем с утра до вечера. А ты ведь скучаешь, когда тебя некому развлечь, правда?

– Да ну, Крёска, – девочка надулась. – Не делай из меня дурочку. Я вполне могу сама себя занять, и мне не нужны няньки. Вы с мамой работаете все время, сколько я себя помню. Так что ничего нового. А точно ничего не случилось?

Элеонора вспомнила события последних дней и легонько вздохнула. Ну как расскажешь четырнадцатилетней девчонке о том, что ее мать совершенно утратила связь с реальностью и

вот-вот пустит по миру фирму, которую они все вместе годами создавали с нуля. «ЭльНор» ждали непростые времена, но знать про это Варя совсем ни к чему.

– Точно-точно, – заверила она. – Просто мы с мамой немного поссорились, поэтому у меня плохое настроение. Только и всего.

– Вы с мамой не можете поссориться, – Варя звонко рассмеялась. Россыпь колокольчиков наполнила кафе, в котором они с Элеонорой пили чай с пирожными. – Это совершенно невозможно. Скорее сегодня снег пойдет.

– Все, Варешка, допивай свой чай, доедай пирожное, а я побежала. – Элеонора отодвинула стул и встала, жестом призывая официанта принести счет. – Мне по делам нужно.

– А ты куда сейчас? В отель? – Девочка была в курсе всех дел «ЭльНора» и, бывая в России, с удовольствием посещала строительные площадки. Ее завораживали картины растущего дома, меняющегося ландшафта, изменений внутренней отделки. Варя мечтала выучиться на архитектора, поэтому наматывала на ус все связанное с будущей профессией.

– Да, там нужно плитку в бассейне поменять. Мама смету утвердила, теперь с меня техническая сторона. Меня Наталья Петровна ждет.

Наталья Петровна Удальцова, управляющая отелем, все работы контролировала лично. Для нее не существовало мелких деталей, и Бутакову этот подход одновременно и восхищал, и раздражал. Восхищал основательностью, а раздражал стремлением держать все под неусыпным контролем. Таким же точно качеством обладала Элеонора Бжезинская, что иногда доводило до иступления.

– Я с тобой. – Варя соскочила с удобного диванчика, залпом выпила остывший чай и закинула в рот оставшийся кусочек эклера. – Я обожаю бывать в отеле. Он как волшебное царство.

Минут через пятнадцать они уже входили во внутренний дворик новой гостиницы, где их ждала Удальцова. Варя получила разрешение бродить по зданию, как ей заблагорассудится, а женщины скрылись в пристройке, ведущей в спа-комплекс с бассейном.

Проводив их взглядом, Варя прошла через дверь, ведущую на ресепшен, заглянула в зал ресторана, в котором вешали огромную хрустальную люстру и расставляли столы, посидела на мягком угловом диване в лобби-баре, а затем отправилась в зимний сад. Она помнила, как мама рассказывала, что туда уже начали завозить растения, чтобы те акклиматизировались на новом месте к открытию отеля, и ей было интересно посмотреть, как изменилась огромная пятиугольная комната, словно пропитанная светом и воздухом благодаря большому количеству стекла.

Путь Вари лежал через второй внутренний дворик под прозрачной крышей, и, толкнув дверь в него, Варя застыла от изумления и ужаса. Все пространство дворика было засыпано снегом. Это было невозможно в середине августа, жаркого, удивительного августа, так редко выпадающего на долю центральной части России, но тем не менее это был снег, крупные хлопья которого равномерно усыпали пространство, образовав даже небольшие сугробы.

Снег... Сегодня уже шел разговор про снег, и с ним было связано что-то нехорошее. Варя силилась вспомнить, что именно, но никак не могла. Окружающая белизна пугала, вызывая головокружение. Сквозь наваливающуюся дурноту она услышала звонок телефона. Это была крестная, желающая узнать, где именно находится Варя.

– Варешка, ау? Ты где? – голос крестной был звонок и свеж. – Я закончила и могу отвезти тебя куда скажешь. Хоть домой, хоть к маме.

Слово «мама» словно сорвало пелену, туманом окутавшую мозг.

«Вы с мамой не можете поссориться. Скорее сегодня снег пойдет»... Это сказала Варя каких-то сорок минут назад. И вот он снег. Снег в августе. Значит, мама и Крёска действительно поссорились. А это означает, что все будет плохо, очень плохо. И Варя, не вынеся нава-

лившегося на нее ужаса, пронзительно закричала, теряя сознание и падая в мягко принявший ее снег. Последнее, что она ощутила, это удивление, что он совсем не холодный.

– Господи, девочка, ты что меня так пугаешь? – Элеонора Бутакова пошлепала крестницу по щекам и поднесла к ее носу смоченную нашатырем ватку. – Что с тобой случилось? Тебе плохо? У тебя что-то болит? Я попросила Наталью Петровну «Скорую» вызвать.

– Не надо «Скорую». – Варя попробовала сесть, и у нее получилось. Голова уже почти не кружилась. – Я испугалась, что так много снега.

– Это не снег, – напротив нее присела Наталья Удальцова – приятная женщина средних лет с мягкими серыми глазами. – Это пенопластовая крошка. Мешок разгрузили, и он порвался, вот она и высыпалась.

– Пенопластовая крошка? – Варя смотрела непонимающе.

– Ну да. Шарик из вспененных гранул пенопласта, – вступила в разговор Элеонора Бутакова. – Пенополистирольная крошка, если быть совсем точной. Мы ее применяем для утепления стен, полов и кровли. Материал экономичный, долговечный, да еще и экологически чистый. Убирает любые мостики холода. А тут зал большой, продуваемый, вот мы и решили дополнительное утепление сделать. Пара мешков осталась, вывезти не успели.

– Да и не надо вывозить. Мы им часть мебели для подсобных помещений наполняем, – подхватила Удальцова. – Удобно очень. Так что не бойся.

– Девочка очень впечатлительная, – чуть извиняющимся тоном заметила Бутакова – Вы уж простите, Наталья Петровна. Негоже это ребенка на строительный объект брать. Увидела снег летом, испугалась.

«Я не ребенок, и испугалась не того, что снег летом, а совсем другого», – хотела сказать Варя, но язык отчего-то не хотел выговаривать самые простые слова. Она сердито высвободилась из обнимающих ее рук крестной и встала. Впервые в жизни любимая Крёска не поняла, что с ней происходит. До этого Варя всегда именно с ней делилась всеми своими девичьими переживаниями, и Бутакова понимала ее гораздо лучше, чем мама. А сейчас вот не поняла. Что она будет делать, если Крёска перестанет быть самым близким ей человеком? Думать об этом не хотелось, и Варя, глотая непрошенные слезы, не оборачиваясь пошла к выходу из гостиницы.

Глава вторая

1984 год

Эля Яблокова

Запах яблок плыл над поселком, окутывая печные трубы, телевизионные антенны, листву и даже бескрайние просторы неба. Лето в этом году оказалось щедрым на урожай. Ветви клонились под тяжестью яблок, двор был засыпан хрустким, сочным, бело-желто-красным ковром. Не выключалась соковарка, и Эля как зачарованная сидела и наблюдала за бегущей розовой, густой, словно масляной струйкой из резиновой трубочки, натянутой на носик широкой алюминиевой кастрюли.

Мама по обыкновению была на работе, председатель сельсовета, «не хухры-мухры», поэтому сок гнала и джемы варила бабушка, маленькая, сухонькая, в кипельно-белом платочке, повязанном вокруг седой головы.

С хозяйством – доением коровы, приготовлением обеда в широкой русской печи, мытьем полов, стиркой и полосканием белья на реке бабушка справлялась как нельзя лучше, а вот с Элей сладить не могла. Бедовая росла девка, вот те крест, бедовая.

Пожалуй, наблюдение за падающими в недра бутылки яблочными каплями было единственным, что могло заставить подвижную Элю усидеть на месте. Бабушка называла ее не иначе, как «супарень». Эля даже общаться предпочитала с мальчишками, лазая по крышам сараев, через заборы в погоне за яблоками из чужого сада (как будто своих ей было мало), скача весной по тронувшимся на реке льдинам. Синяки на коленках не заживали практически круглый год, а ожоги от крапивы и порезы от травы все лето.

Эля пыталась на домашней кухне создать бертолетовую соль, взрывала пистоны, кормила паука, который сплел паутину в туалете, и не давала никому от этой паутины и ее жителя избавиться. Она была не толстой, но по-детски пухлой, с круглыми щечками, крепенькими ножками, ловкими ручками, немного нескладной, как все подростки, с зарождающимися на лбу прыщиками.

Впрочем, собственная внешность не интересовала ее ни капельки. Эля никогда не задумывалась о том, красивая она девочка или нет, и очень бы удивилась, если бы ей кто-то сказал, что можно так ставить вопрос. Девичьи заботы о завитости челки, пышности завязанного хвоста или марке джинсов казались ей никчемными. Думать о подобном было глупо, когда на свете существовало столько по-настоящему увлекательных вещей.

– Бедовая девка. Хлебнешь ты с ней, – приговаривала бабушка. Мама только вздыхала. После рабочего дня она обычно не могла разговаривать, не было ни сил, ни голоса. В центральном поселке крупного совхоза работа у мамы находилась всегда. Он у них считался одним из лучших в районе. Держать в узде крепко пьющих мужиков, блюсти паритет с председателем совхоза, искать общий язык с областными властями и райкомом партии было непросто. А еще и дочь растить без мужа. Девочка-то хорошая, умненькая, плохого не сотворит. А что не женственная, так, может, и не хуже. Внимания мужского сызмальства не привлекает. Да и мальчишечья ватага, в которой она на равных правах, тоже защитит, в обиду не даст.

Эля мамины сложности понимала прекрасно и подводить ее не собиралась. Дочка председателя сельсовета всегда на особом счету. С нее и спрос строже, чем с остальных. Как мама сможет кого-то раскритиковать, если ей в ответ на непослушную дочку показывать будут. Поэтому Эля и училась хорошо, лучше всех в классе, и старалась особо не бедокурить, чтобы маме не пришлось за нее краснеть.

Сейчас она стояла по шиколотку в глине посередине окраинной поселковой улицы и сосредоточенно думала, что ей делать дальше – бежать домой босиком, чтобы отмыть ноги от липкой грязи, или рискнуть испачкаться еще больше, но все-таки достать засосанные коварной

лужей сандалии. Сандалии было жалко, мама всего-то в начале лета привезла их из областного центра, да и бабушка будет ругаться, что она опять что-то потеряла. Но чмокающая под ногами глина казалась похожей на большую злую лягушку, грозящую сожрать ее целиком, и становиться на карачки, шарить под мутной жижей руками, пытаясь найти сандалии, было противно.

– Ты чего, застряла? – рядом с задумчивой Элей остановился велосипед, управляемый первым поселковым красавцем, которого звали отчего-то женским именем Тося.

Этим летом он закончил школу, поступил в Московский медицинский институт и на днях уже должен был отправиться на учебу, чему Эля втайне завидовала. Больше всего на свете она мечтала уехать из родного, пропахшего яблочным духом поселка в Москву, кажущуюся ей сказочным, волшебным местом, где сбываются любые мечты.

В прошлом году мама возила ее в столицу на осенние каникулы, и Эля потом долго не могла отойти от поездки, вспоминая широкие проспекты, высокие дома, нарядные театры, торжественные музеи и толпы вечно спешащих куда-то людей с невыспавшимися лицами. И вот теперь Тося будет там жить.

– Застряла, – призналась она, краснея. Тося нравился всем поселковым девчонкам без исключения, и если бы Эля была чуть менее гордой, то, пожалуй, призналась бы себе, что немного в него влюблена, так же, как остальные. – Сандалии в глину засосало. Вот стою, думаю, как достать.

– Доставать надо, а не думать. А то мамка заругает. – Он необидно засмеялся, спрыгнул с велосипеда, уложил его на дорогу аккуратно, как живое существо, смело шагнул в середину лужи, нагнулся, сунул руки куда-то Эле под пятки и ловко выдернул наружу сначала одну, а затем и другую сандалию.

– На, держи, вымой их вон там, на колонке. И ноги тоже, и натяни мокрое на мокрое, пусть прямо на ногах высохнут, тогда кожа не стянется.

– И откуда ты все знаешь? – девочка смотрела на него как зачарованная.

– Нехитра наука. Ладно, давай помогу.

Он снова забрал у Эли ее заляпанную обувь, дошагал до колонки, вымыл сандалии, протер их сорванным лопухом, жестом пригласил Элю подставить ноги под бьющую из колонки струю, и она послушно начала смывать грязь, невольно наблюдая, как убегают и впитываются в землю ручейки грязной воды, постепенно меняющие цвет с рыжего, почти коричневого на бесцветный. Она взяла свои сандалии, натянула их на ноги и благодарно посмотрела на Тосю.

– Спасибо. Выручил.

– Садись, домой отвезу. А то снова запачкаешься. Дождь сильный был, вся земля раскисла.

Эля представила, что начнут молоть чужие языки, если председательскую дочку Элю Яблокову провезет через весь поселок на велосипедной раме красавец Тося, и замотала головой:

– Не надо. Я сама, у меня тут еще дела.

– А, ну ладно, тогда давай. – Он поднял свой велосипед, вскочил на него и был таков. И много лет спустя Элеоноре Яблоковой снилось по ночам, как уезжает от нее по длинной-длинной, скользкой от мокрой глины улице чубастый красавец-студент с редким именем Тося.

Почему-то она никогда не спрашивала у мамы, как его звали на самом деле, по паспорту. Эле было трудно представить его Антоном или Анатолием. Поэтому в ее памяти он остался под тем несуразным именем, которым его звал весь поселок. Тося.

Да и вообще из всего детства больше всего запомнилось именно то лето. Жаркое, но с проливными дождями, щедро поящими потрескавшуюся на солнцепеке землю. Яблоневый аромат, стойко ассоциирующийся со счастьем и безмятежностью. До начала учебного года Эля лениво провалилась в гамаке, натянутом между двумя старыми яблонями.

«Яблокова лежит под яблонями и ест яблоки», – думалось ей, и она улыбалась своим глупым мыслям, пугая бабушку.

Беда ж с девкой. Лежит, не встает, все думает о чем-то и улыбается. Сглазили, что ли? Мама смеялась, не разделяя бабушкиных страхов.

– Она просто растет, мамуля, – говорила она. – Возраст такой, что детство кончается, вот и думает о разном. Она ведь у нас уже почти девушка.

– Свят-свят, скажешь тоже, – бабушка мелко перекрестилась, отвернувшись. Партийная дочь не любила, когда при ней крестились. – Ребенок она еще, а ты говоришь, девушка. Кабы не испортил кто девку. Или вдруг уже... – Бабушкин голос сорвался на фальцет.

– Не говори глупости, – мама начала сердиться. – Она хорошая девочка. Оставь ее в покое. Израстет. Все хорошо будет.

Эля слушала все эти разговоры, но ей было скучно объяснять, что все у нее в порядке. Мама права. Кто ее может «спортить»? И как это? Сглазить, что ли? Так она сглаза не боится, плюнет три раза через левое плечо, перекрутится вокруг себя на правой пятке, и все, чужие черные мысли и отлетят от нее, не причинив вреда. И что значит – израстет? Вытянется? А то она среди мальчишек в классе самая маленькая. Среди девчонок нет, но с ними и равняться-то неинтересно. А бабушке вообще не угодить. Бегаешь с мальчишками с утра до вечера, она ругается. Во дворе сидишь сиднем, опять не по ней. Как их понять, этих взрослых.

Накануне первого сентября мама, вернувшись домой, торжественно вкатила во двор велосипед. Эля давно мечтала о нем, чтобы ездить с мальчишками наперегонки по улице и лихо спускаться с обрыва к самой реке. Но велосипеды стоили дорого, да и ехать нужно было в областной центр, в их поселке их не продавали. Мама о дочкиной мечте знала, держала в голове, что нужно бы ее исполнить, но не удавалось. А тут, пожалуйста, на тебе.

– Велосипед? Мне? – Эля не верила собственным глазам.

– Тебе. У Анны Ивановны купила. Им теперь не нужен, она предложила, а я не стала отказываться. Знаю, что ты хочешь, да и по деньгам недорого совсем получилось. Ты уж не обижайся, что не новый.

Анной Ивановной звали мать Тоси. До Эли дошло, что велосипед был тот самый, Тосин, на котором он предложил неделю назад домчать ее до дома, да она отказалась. У нее зашипало глаза.

– А Тося уехал, да? – спросила она, стараясь, чтобы не дрожал голос.

– Да, вчера. Ему теперь велосипед без надобности.

– Но он же на каникулы приедет. Как же он без велосипеда.

– До каникул еще целый год. Чего без дела стоять да ржаветь. Да, может, и не приедет сюда больше Тося. Отца-то его вроде переводят на другое место, Анна Ивановна, по крайней мере, увольняться собралась. Вернее всего, к концу осени уедут они.

Тосин отец был офицером, служил в расположенной недалеко от поселка военной части, а Анна Ивановна – врачом в поселковой больнице. Говорили, хорошим врачом. Она и Элю принимала, когда та родилась. А теперь уедет. Жалко-то как. Эля обняла велосипед за руль, как будто взяла козу за рога, прижалась лицом к блестящему звоночку, прикрепленному к рулю, и в голос заплакала.

Мама остолбенела. Дочка не плакала даже тогда, когда распоролла ногу ржавым гвоздем, вошедшим в пятку чуть ли не на половину. И когда о печку в бане обожглась, тоже не плакала. А тут от известия об отъезде соседей рыдает. Или она от подаренного велосипеда так расчувствовалась?

– Ну что ты, доченька, не плачь, – расстроено бормотала мама, прижимая к себе дочь вместе с велосипедом. – До конца осени еще долго, не скоро Анна Ивановна уедет. Не переживай.

Велосипед определили жить в сарай, где он стоял, окруженный рассыпанными яблоками. Уже позднее, когда пришли первые холода, а родители Тоси так и не уехали из поселка, наврала людская молва, Эля собирала яблоки в старые посылочные ящики, пересыпая их сухим песком, чтобы хранились подольше, и все поглядывала на велосипед, с которым успела крепко подружиться за сентябрь и половину октября, словно спрашивала его о чем-то. А он безмолвно отвечал на вопросы, на которые не было ответа.

* * *

Наши дни

Элеонора Первая

Две подруги пили кофе и ели пирожные в недавно открытой кофейне с незатейливым названием «Сладости и радости». Управляющая отелем Наталья Удальцова и журналистка газеты «Курьер» Инна Полянская дружили уже почти двадцать лет и периодически встречались, чтобы потолковать «о своем, о женском». Вообще-то была еще и третья подруга в их дружном триумвирате, Алиса Стрельцова, но та сейчас путешествовала по Италии вместе со своим гражданским мужем, так что на встрече присутствовать не могла по признанной уважительной причине.

Уже были выпиты по две чашки кофе по-венски, съедены пирожные, вредные для фигуры, но вкусные, обсуждены дела мужей и детей, и разговор сам собой перекинулся на светские сплетни.

– Ты меня не забудь на презентацию своего отеля пригласить. Знаешь ведь, подруга, что я с таких мероприятий кормлюсь. И репортажики в раздел светской хроники сделать, и старые знакомства поддержать, и новые завести, – сказала Инна.

– Ага, и рекламу я тоже тебе закажу. Лучше тебя все равно никто не напишет, – подхватила Наталья. – Кстати, хочешь свежий скандал? Ты еще о нем не знаешь.

– Я и не знаю? – усомнилась Инна. Она была профессионалом от бога, а потому горячие новости в их городе всегда узнавала первая, чем вызывала обожание главного редактора и стойкую зависть коллег.

– Ага. Вот ты слышала о том, что Бжезинскую выгнали из генеральных директоров «Эль-Нора»?

– Чего? А ты разом не свистишь, подруга? – глаза у Инны округлились от изумления. – Как Бжезинскую можно откуда-то выгнать, она ж в «ЭльНоре» главная.

– Так то-то и оно. Я с ними уже четыре года как сливаюсь в ежедневном глубоком экстазе. А тут все работы закончили, я сделала акты, за подписью Бжезинской, разумеется, а мне их обратно прислали с просьбой переделать на и.о. генерального директора Бориса Бжезинского. Я позвонила в приемную уточнить, что это значит. Знаешь, когда речь идет о таких деньгах, то сто раз перестраخуешься, и мне их секретарша, милая такая девочка, дрожащим голосом сказала, что решением совета директоров Элеонора Александровна отстранена от занимаемой должности.

– погоди, Наташ. – Инна нервно взмахнула рукой, подзывая официантку, и заказала еще одну чашку кофе. – Но этого ж не может быть. Насколько я помню, по данным системы «Спарк», у «ЭльНора» три учредителя с равными долями уставного капитала. Это сама Бжезинская, ее муж Борис и Элеонора Бутакова. Принять решение они могут только двумя третями голосов. Ты хочешь сказать, что Борис Бжезинский пошел против жены?

– Получается так. Хотя я тоже удивилась. Сколько я их видела вместе, они производят впечатление очень гармоничной пары.

– А вот я их вместе как раз никогда не видела, – задумчиво сказала Полянская, прихлебывая горячий кофе. – Я с Борисом вообще только раз встречалась. Он на какой-то пресс-кон-

ференции выступал по финансовым перспективам строительного рынка. А я ж про экономику пишу, поэтому слушала внимательно. А так я все больше с Элеонорой встречаюсь. Которая Бжезинская. И по рекламе «ЭльНора», и по депутатским делам. Нравится она мне. Смелая, решительная, стремительная. А одевается как... Загляденье.

– Да, она красивая, – согласилась Наталья. – И стильная очень, даже чересчур.

– Как можно быть чересчур стильной? – засмеялась Инна.

– Ну, не знаю. Я в ее присутствии всегда начинаю чувствовать себя человеком второго сорта. Сразу замечаю, что и юбка у меня помялась, и туфлями я в лужу наступила, и голову мыла только вчера, а сегодня не успела. Она такая... Звезда, одним словом. Мне с Бутаковой проще. Она не королева. Обычная земная женщина. Рядом с ней не думаешь о собственном несовершенстве.

– Я о собственном несовершенстве никогда не думаю, – фыркнула Инна. – Потому что я – само совершенство. Бжезинская, конечно, звезда, но и баба хорошая. И сверху вниз никогда не смотрит. Интересно все-таки, какая кошка между ними пробежала. Послезавтра сессия областной Думы, пожалуй, загляну-ка я к Бжезинской на чашечку кофе. Заодно и выведаю аккуратненько, что там такое случилось.

Элеонора Бжезинская вряд ли могла ответить на вопрос, что случилось. Она чувствовала себя обескураженной. Лучшая подруга на совете директоров подняла вопрос о смещении ее с должности генерального директора. А Борис, ее Борис, с которым она прожила более двадцати лет, встал на сторону Бутаковой. Предатель.

Управление «ЭльНором» он взял на себя, а Элеонору перестали пускать в собственный кабинет. Об этом со смущенной улыбкой ей сообщил начальник службы безопасности, который вообще-то всегда относился к ней хорошо. Элеонора ценила, что его, бывшего офицера, настоящего мужика, не унижала работа под начальством женщины.

Она сидела в машине перед входом в роскошный офис, выстроенный, благодаря ее упорству, ее работоспособности, ее умению вести бизнес. Большое двухэтажное здание в самом центре города. Стоило немалых трудов получить здесь землю. И разве Бутакова выбивала эту землю? Разве Борис унижался перед мэром города, выпрашивая подпись о разрешении на строительство? С самого начала существования фирмы она все везла на себе. Да, Элеонора была техническим исполнителем, Борис вел финансы, но никогда бы «ЭльНор» не набрал такую мощь, которой обладал сейчас, если бы не она. А теперь ее даже в здание не пускают.

В глубине души Элеонора понимала, почему муж и подруга так поступили. Они боялись ее решения взяться за строительство «Изумрудного города». Они не хотели рисковать, предпочитая получить контракт на строительство детского сада. Они были готовы принести стратегию в жертву тактике, и в этом крылась их главная ошибка. Бжезинская видела ее совершенно отчетливо. Но что ж поделать, если ее муж и подруга не обладали таким чутьем.

Ей было так обидно, что хотелось плакать. Впрочем, слезы никак не могли помочь найти выход из создавшегося положения, а оставаться долго в этой ситуации она не собиралась. Не на ту напали. Из окон на нее смотрели сотрудники. Она физически ощущала на себе их взгляды – сочувствующие, расстроенные, злорадные, ехидные. Позволить себе расстраиваться на глазах у них она никак не могла. Поэтому решительно завела мотор, лихо развернула свой красный «Лексус» и рванула прочь, лихорадочно соображая, куда направиться. Ей нужно было место, где можно было бы спокойно подумать, что делать дальше.

В том, что делать что-то надо, она не сомневалась. Не в ее правилах было сложить руки и тихо уйти на дно, не пытаясь сопротивляться обстоятельствам. Если бы она в критических ситуациях сдавалась без боя, то не было бы ни «ЭльНора», ни политической карьеры, ни загородного дома. Вообще ничего бы не было.

Из любой сложной ситуации обязательно был выход. Это Бжезинская знала совершенно точно. Ее мозг всегда просчитывал направления движения, и из любых приключений и непри-

ятностей она выскакивала, хотя и изрядно потрепанная, но невредимая. А бизнесу любые сложности и подавно шли во благо, заставляя подниматься все выше на новый уровень. Сегодня «ЭльНор» был практически недостижим для конкурентов, и если бы еще вчера Бжезинской сказали, что на него захотят «наложить лапу» самые близкие ей люди, то она бы ни за что не поверила, посмеявшись над буйной фантазией завистников. Сегодня абсурд стал реальностью, и, несмотря на всю ее растерянность, мозг уже включился, просчитывая варианты действий. Ничего хорошего Борису и Элеоноре Бутаковой это не сулило.

Борис слаб. Она всегда умело им управляла, и этот раз не станет исключением. Она сыграт именно на его слабостях – любви к дочери и любви к деньгам. Кстати, еще совершенно неясно, что он любит больше. Он давно мечтает открыть ресторан. Такая у него, видите ли, блажь. Уже несколько лет Элеонора сдерживает эти порывы, объясняя это тем, что деньги нельзя вынимать из основного бизнеса. Что ж, деньгами придется пожертвовать. Все равно ей нужен кредит на строительство «Изумрудного города». Придется взять побольше, только и всего. Зато Борис отвлечется на новую игрушку, и дела «ЭльНора» ему станут неинтересны. Настолько неинтересны, что она получит в управление его долю акций и снова станет полноправным руководителем фирмы.

Подруга, посмеявшая пойти против нее, останется с носом. Впрочем, зная ее упертость, она все равно будет протестовать, возмущаться, путаться под ногами и мешать работе. Что ж, значит, Элеонора Бутаковой в «ЭльНоре» больше не будет. Добиться этого, конечно, непросто, но Элеонора Бжезинская никогда не боялась трудностей.

Асфальт расстилался под колесами ее автомобиля, словно расписываясь в вечной преданности. Теперь-то она знает, что это ложь. Преданности не бывает. Бывает только предательство, подлое, как удар под дых, нанесенный тем, от кого не ждешь. Предатели будут наказаны, осталось только придумать, как именно это произойдет.

Элеонора приехала в усадьбу Ланских, бросила машину на парковке перед барским домом и медленно пошла по березовой аллее к белевшему на обрыве реки храму. Недавно отреставрированный, он переливался сказочной красоты изразцами, на которых горел узор, называемый павлиньим оком.

Год назад семья директора усадьбы нашла клад, спрятанный подальше от злых глаз. Изразцы, сделанные ценинником XVII века Степаном Полубесом, были извлечены на свет божий и теперь украшали тот самый храм, для которого и были сделаны искусным мастером².

Толпы туристов в усадьбе теперь не переводились, поэтому Элеонора прошла мимо храма (да и нельзя ей было в него заходить с той чернотой, что лежала на сердце) и углубилась в яблоневый сад, ровесник самой усадьбы. Здесь стоял волшебный – густой, сладковатый, тронутый осенью запах спелых яблок, лежащих под ногами разноцветным переливающимся ковром. Бжезинская подняла одно, потеряла о тонкую лайку плаща, поднесла к губам, понюхала, затем откусила. Кисло-сладкий сок брызнул, наполнил рот, потек по подбородку, закапал, норовя испачкать одежду, но Элеонора ловко наклонилась, быстро достала салфетку, привела себя в порядок и доела яблоко аккуратно и элегантно, как ела всегда.

Зажав еще два яблока в кулаке, как камни для невидимой пращи, она вышла на берег, не боясь испачкать светлый плащ, уселась на начинающей желтеть траве и, машинально поглаживая пальцами глянцевого яблочного бока, задумалась, глядя на неспешный и величавый бег воды.

Река словно шептала что-то, давая советы, непрошенные, ненужные. И без нее Элеонора Бжезинская знала, что и как она будет делать. Минут через сорок она встала, отряхнулась, ловко бросила ставшие ненужными яблоки в реку и быстрым шагом пошла обратно к машине. В голове у нее был четкий план действий, не суливший пощады врагу.

---

² Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Страсть на грани».

Глава третья

1984 год

Эля Фалери

В полумраке комнаты таинственно мерцало зеркало. Зеркала вообще казались двенадцатилетней Эле чем-то волшебным. С той их стороны обитали сказочные эльфы. Вот только добрые они были или злые, девочка не знала, а потому каждый раз заглядывала в зеркало с некоторым испугом.

Впрочем, испуг никогда не оправдывался. В зеркале отражалось лишь прекрасное Элино лицо.

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое –
От неизбежного.

Так писал поэт Мандельштам, которого очень любила мама. Десятилетняя Эля как-то попробовала почитать лежащий у маминой кровати пухлый томик, ничего не поняла, заскучала. Но эти строки, которые частенько цитировала мама, ей нравились. Мама, конечно, относилась стихи к себе, но девочке хотелось думать, что они про нее, Элю.

Поразительно красивый ребенок. Так родителям говорили все, кто видел Элю впервые. И в год, и в три, и в пять, и в десять она была похожа на ангела. Ангел рос, менялась его фигурка, менялись пропорции лица, но внешность оставалась ангельской – большие, распахнутые миру ярко-голубые глаза, белокурые волосы, вьющимися локонами ниспадающие на плечи, тонкой лепки носик, и весь профиль точеный, словно вырезанный из алебаstra.

Неземная девочка. Так называли Элю мамини знакомые. Маме нравилось такое определение. Она и сама была неземная – балерина Большого театра, пусть не прима, но весьма успешная, не кордебалет. Мама была тоненькая, как тростиночка, с выразительными глазами и подвижным лицом, которые могли изобразить любую эмоцию – от восторга до негодования.

Гневалась мама часто. На пролитый Элей суп, разбитую домработницей чашку или плохо выведенное с парадного платья пятно. Мамин гнев всегда был обращен на прислугу – домработницу, шофера, няню, но никогда на саму Элю или папу – сановного чиновника из Мосссовета.

Благодаря папе у них была квартира в центре Москвы, служебная «Волга», личный «Фиат», штат шоферов и домработниц, няня для Эли, каракулевая шубка для нее же и соболиная для мамы. А благодаря маме в их доме всегда царил атмосфера праздника и бывали творческие люди, не дававшие «закиснуть», как она говорила.

Папа Мандельштама и балетных в доме не приветствовал, но и не возражал, потому что худенькая, легко взмывающая на пуантах ввысь мама характером обладала железным и мужа держала в кулаке. Она никогда не повышала голос, лишь изгибала бровь. Да еще глаза ее – огромные, черные, живые – умели по желанию хозяйки мгновенно наполняться слезами, прозрачными, как вода в горном озере. Эля думала, что, когда вырастет, обязательно научится у мамы этому фокусу, от которого папа терял запал и, кажется, весь набранный в грудную клетку воздух.

Для семьи Фалери практически не было невозможного. Маленькую Элю возили к морю и в Коктебель, и в Юрмалу, и в Сочи, и в Анапу. После первого и второго класса она побывала в Болгарии, на Солнечном Берегу и Золотых Песках, а минувшим летом – на озере Балатон. Папа частенько ездил в командировки за границу, привозя красивые туфельки, жевательную резинку, фирменные джинсы и кроссовки, магнитофон, не на бобинах, а на диковинных кассетах. Мама пользовалась духами исключительно из Парижа. В ее шкафу висели шубки из натурального меха, даже по снегу она ходила в туфельках из тонко выделанной натуральной кожи, в ее ушах блестели бриллиантовые капельки, а губы мерцали дорогой французской помадой. Мама была королевой, а Эля – папиной принцессой, которую любили и баловали до невозможности.

Она вошла в темную комнату, преодолевая страх, заглянула в зеркало, вделанное в дверцу старинного, из натурального дерева шкафа. Мама предпочитала исключительно антикварную мебель. В зеркале в очередной раз не оказалось никаких эльфов, лишь сама Эля – высокая, тоненькая, в красивом платье с пышной юбкой, с собранными в прическу волосами, в которую была вдета переливающаяся диадема из блестящих камушков.

Она собиралась на новогоднюю елку в Кремлевский дворец съездов. Эля каждый год ходила именно туда, на главную елку страны, и это не считалось подарком судьбы, а было чем-то само собой разумеющимся. Маленьким принцессам место именно там, а не в пыльных затхлых Домах культуры. На елку в Большом Эля тоже всегда ходила, но там было менее торжественно, менее нарядно, да и вообще, благодаря маме она чувствовала себя там как дома, отчего праздник терял частичку волшебства и становился практически семейным.

Эля подняла руки над головой и встала на пальцы. Она училась в школе при хореографическом училище, мечтая стать балериной, как мама, и найти себе любящего и надежного мужа, такого, как папа. Лакированные туфельки мало походили на пуанты, но все-таки девочка попробовала сделать фуэте, обернувшись вокруг себя. Раз, второй, третий.

Голова приятно закружилась. Делая очередной разворот, Эля глянула в зеркало и в испуге отшатнулась. Из него смотрело черное страшное чудовище. Открыв пасть с красным мокрым зевом и огромными острыми зубами, оно готовилось выпрыгнуть наружу и напасть на танцующую девочку. Эля закричала, потеряла равновесие и упала, ударившись головой об угол шкафа. Чернота, сродни пугающему чудовищу, навалилась на нее, давя и мешая дышать. Захрипев, девочка потеряла сознание.

С сотрясением мозга она пролежала до конца третьей четверти. В больнице она все время плакала и звала родителей. Мама, испуганно косясь на кровати с металлическими спинками, серое больничное белье и морща нос от запаха вареной капусты, подняла на мужа полные слез глаза, и Элю забрали домой, на постельный режим. Папа согласился, что районная детская больница – совсем не место для его потрясающего ребенка.

Лежать дома было скучно, потому что ни читать, ни смотреть телевизор, ни рисовать Эля не могла. Сразу кружилась голова, наваливалась боль в висках, начинало тошнить. Противная волна поднималась откуда-то изнутри, заставляя желудок поджиматься, сворачиваться, а потом выстреливать мутной, дурно пахнущей жижей. Делались ватными руки, слабели и начинали мелко дрожать ноги.

Мама репетировала партию Розы в «Маленьком принце», поэтому днями пропадала в театре. Папа был на своей ответственной работе, возвращаясь по вечерам и привнося в детскую запах свежего коньяка и крупные ароматные мандарины. Няня пыталась читать ей вслух, но дикция у нее оставляла желать лучшего, да и декламировать с выражением она не умела. Неправильно поставленные логические ударения лишали тексты смысла, и силящаяся вникнуть в замысел автора Эля быстро уставала и отправляла няню прочь, оставаясь одна.

Довольно быстро пришлось признать, что с балетом покончено. Сказалась пропущенная четверть, оставшиеся даже после выздоровления приступы дурноты, запрет на любые физические упражнения и уж тем более любимое фуэте.

Когда ей разрешили вставать, а потом и потихоньку гулять по улицам, опираясь на руку няни и дыша свежим воздухом, Эля как-то внезапно открыла для себя красоту Москвы. Старинные благородные дома возвышались над ней, когда она шла по улице. Она задирала голову, этого делать ей было категорически нельзя, чтобы разглядеть балконы, и тут же останавливалась, чтобы переждать головокружение.

Дома были не похожи один на другой. Все разные, как и люди. Один высокий, другой низкий. Один стройный, другой толстый, один с горбатым носом, а другой с «пуговкой» или «картошкой». Вечерами в домах зажигались окна. За их стеклами кипела чужая жизнь, разыгрывались настоящие, а не балетные страсти. Там ссорились, мирились, воспитывали детей, варили супы, шили платья, плакали от разлуки с любимыми и радовались рождению детей.

К тому моменту, как врачи разрешили Эле ходить в школу, она уже точно знала, кем мечтает быть. Архитектором. Проектировать и строить дома. Идея, озвученная папе, встретила горячую поддержку. Ребенок не хотел погрязнуть в сложном мире искусства. Ребенок хотел строить социалистическое будущее. И это было прекрасно.

Впрочем, на дороге к мечте встретилось еще одно препятствие – Эля Фалери совсем-совсем не умела рисовать. Из-под ее руки выходили не четкие и ровные линии, складывающиеся в ожившие изображения домов, которые она придумывала, а что-то кривое и кособокое, не подлежащее ни малейшему улучшению.

Будущее в очередной раз пришлось подкорректировать. Эля решила, что станет не архитектором, а инженером-строителем. У нее оказался технический склад ума. Математика и физика давались ей легко, так что к строительному институту она могла подготовиться без особого надрыва. Да и папа, несомненно, мог помочь.

В двенадцать лет девочка-ангел внезапно повзрослела. Она была все так же хороша собой. По-прежнему любила красивую одежду и немецких кукол. Носила кудряшки с разноцветными бантами и лакированные туфельки. Но ее внутренний мир внезапно оказался строгим и серьезным. Она не ходила в театр и с некоторым недоумением смотрела на приходящих к маме гостей. Творческий беспорядок ее больше не увлекал. Девочка во всем искала гармонию четких линий и прямых углов.

– Ты знаешь, я ее боюсь, – как-то сказала мама папе. Эля случайно подслушала их разговор, возвращаясь из туалета, а услышав, застыла в дверях, потому что ей стало интересно. – Это сотрясение мозга изменило ее до неузнаваемости. У меня такое чувство, что это – не моя дочь. Она больше не слушает музыку, не танцует. Сидит, рассматривает какие-то строительные справочники и изучает марки бетона. Зачем это женщине?

– Она просто повзрослела, – мягко ответил папа. – Серьезная болезнь заставляет ребенка стать старше, переосмыслить отношение к жизни. Ты разве не заметила, что наша девочка во всем пытается быть лучшей. Она выбрала новое направление для развития взамен того, что по здоровью стало для нее невозможным, и теперь совершенствуется в нем. Это неплохо. Она не превратила расставание с балетом в трагедию. Она с головой погрузилась в новое, ранее неизведанное для нее дело. Она понимает, что в нем ей придется конкурировать с мужчинами, а это непросто.

– Какая скука, – мама повела совершенным плечиком. – Женщине нужно конкурировать только с другими женщинами. Или ты хочешь сказать, что она станет этакой карьеристкой, которая вынуждена сама зарабатывать себе на жизнь? Если в ней не будет загадки, женской манкости, на ней не женится никто серьезный. Если бы я разбиралась в марках бетона, ты бы на меня и не посмотрел. Согласись...

– Соглашусь, – в папином голосе прозвучала нежная насмешка. – Мне нравится женская слабость. Но есть и другие мужчины, и они вовсе не хуже меня. Умение добиваться поставленной цели и быть лучшим в своем деле еще никогда никому не вредило. Ни мужчинам, ни женщинам. Не волнуйся. Наша девочка красива, поэтому мужчина, умеющий облачить ее в достойную оправу, обязательно найдется.

– Ой не знаю, – мама любила, чтобы последнее слово оставалось за ней. – Бетон – это так неженственно. И совершенно неромантично.

Из подслушанного разговора Эля вынесла только то, что, впрочем, прекрасно знала и до этого. Она умница, красавица, у нее волевой характер, в ее жизни все обязательно будет хорошо, и ее полюбит достойный мужчина.

* * *

Наши дни

Элеонора Вторая

Вот все-таки Борька – слабак и предатель. Впрочем, это было понятно с самого начала. Ведь он полностью согласился с тем, что ввязываться в строительство «Изумрудного города» – полное безумие. Он и на сторону Бутаковой встал только потому, что эта авантюра несла прямую угрозу не только финансовому благополучию, но и самому существованию «ЭльНора», и вот вам, пожалуйста, сдулся, слился, сломался при первом же порыве ветра.

Элеонора Бутакова в отчаянии смотрела в окно, за которым раскачивались на ветру гроздь рябины. От мельтешения красных точек перед глазами немного кружилась голова. Элеонора зажмурилась и вытерла непрошеные слезы. Ее давняя подруга, внезапно ставшая врагом, перетянула мужа на свою сторону легко и непринужденно. Оно и понятно, муж и жена – одна сатана. Уж что она пообещала своему супругу, чем пригрозила, непонятно, но он передал ей в управление все свои акции предприятия, прописав в договоре право последующего выкупа, и теперь в руках у Элеоноры Бжезинской был контрольный пакет, а значит и возможность принять любое решение в одиночку.

Получив нотариально заверенную мужнину подпись под договором, Бжезинская собрала совет директоров, большинством имеющих у нее голосов снова назначила себя на должность генерального директора, воцарилась в своем роскошно обставленном кабинете, разжаловала Бутакову из главных в рядовые инженеры и отозвала заявку «ЭльНора» на участие в аукционе по строительству детского сада.

Договор на аренду участка городской земли под строительство жилого микрорайона «Изумрудный город» находился на стадии регистрации, и спасти «ЭльНор» от будущего банкротства отныне могло только чудо. А чудес, как известно, не бывает.

Как это было непросто – возвести с нуля мощную строительную империю, которой при разумном управлении были не страшны никакие бури. Конечно, вклад Бжезинской был огромен. Ее напор, ее харизма, ее воля и связи сыграли немалую роль, но ведь и вторая Элеонора была более чем полезна «ЭльНору».

Это она руководила технической составляющей всех проектов. Это благодаря ее работе к качеству строительства не возникало вопросов ни у контролирующих органов, ни у заказчиков, ни у будущих жильцов. Она придумывала инженерные решения, которые позволяли экономить на строительстве без ущерба качеству. Она обеспечивала безопасность объектов. Она моталась по стройплощадкам, не боясь ни морозов, ни проливных дождей, ни летней жары.

Что ж, она будет бороться за свой бизнес, который казался нерушимой и надежной опорой в будущей старости. Она не сдастся без боя. Надо просто найти человека, который замолвит за нее словечко и даст понять Бжезинской, что не представляет себе «ЭльНор» без главного инженера Бутаковой.

Такой человек у нее на примете был. Наталья Удальцова, управляющая роскошным отелем, который они только что достроили и торжественный запуск которого должен был состояться через несколько дней. Элеонора Бутакова всегда находила с Натальей общий язык и была уверена, что у нее получится обо всем договориться с ней и сейчас.

Если на торжественную церемонию открытия Бутакова будет приглашена отдельно, если ей дадут слово и ее поблагодарят за безукоризненное качество работ, то в глазах общественности она наконец-то выйдет из тени великой Бжезинской. Тогда и в СМИ можно будет обратиться за поддержкой. Не одной подруге красоваться на обложках глянцевого журнала. Элеонора Бутакова тоже кое-что из себя представляет и сожрать себя не даст.

С этой мыслью она решительно встала из-за стола, натянула относительно новый, но отчего-то бесформенный плащ (никогда она не умела носить вещи с тем небрежным шиком, который был свойственен Бжезинской, ну что ж поделать), выбежала на улицу, села в скромный «Хёндай», на котором ездила, отказываясь менять его на более дорогую и престижную машину, и поехала в отель, к Наталье Удальцовой.

Центральный вход «Истории» был закрыт от любопытных глаз, и Элеонора прошла через зимний сад, той же дорогой, которой десять дней назад они шли вместе с Варей. При мысли о девочке сердце сжалось от горечи. Что подумает о ней крестница, выросшая практически у нее на руках, которой она в некоторых вопросах была ближе, чем мать? Вон как она испугалась от одной только мысли о возможной ссоре матери и крестной. Что же с ней будет, когда она узнает, что их пути совсем разошлись?

Впрочем, Бутакова тешила себя надеждой, что она сумеет сохранить с Варей нормальные отношения. В конце концов, любая умная, почти взрослая, уже сформировавшаяся и красивая девочка должна испытывать усталость от постоянной тени своей прекрасной богини-матери. Элеонора знала, что Варя страшно комплексует, постоянно сравнивая себя с мамой. Именно оттого с ней, простоватой, полненькой, совсем не идеальной женщиной, девочке было гораздо проще и спокойнее. Ей не надо было соответствовать.

Господи, как хорошо, что Вика Бутакова не живет с таким грузом на сердце. От нее не ждут успехов в учебе на чужом языке, не заставляют сдавать экзамены и писать контрольные сразу в двух школах, не сажают на диету, не учат сочетать одежду и грамотно подбирать украшения. Они с Сергеем просто любят свою дочь такой, какой ее создала природа. Может, от этого она растет гораздо более счастливой, чем Варя. У той вон нервы совсем расшатаны. Видится ребенку черт знает что. Снег в августе. Ну надо же!

Элеонора даже фыркнула, вспомнив, какой переполох устроила в отеле Варя. Но тут же ее мысли переключились на то важное дело, ради которого она приехала сюда сегодня. Как ей лучше начать разговор с Удальцовой? Пройти к той в кабинет и сразу изложить свою просьбу? Или притвориться, что заехала по делу и лишь потом, в разговоре, посетовать на разногласия с Бжезинской?

Немного подумав, она остановилась на втором варианте и, вместо того, чтобы повернуть налево, к двери, ведущей на ресепшен и к лифтам, свернула вправо, к бассейну, на ходу доставая из сумочки телефон.

– Наталья Петровна, – сердечно сказала она, когда ей ответили. – Здравствуйте, это Бутакова. Я приехала в отель, чтобы посмотреть, как обстоят дела в бассейне. Да-да, я знаю, что все закончили и вчера набрали воду. Я решила своими глазами удостовериться, что все нормально и чаша не подтекает. Я как раз иду туда, может быть, вы присоединитесь ко мне? Мне неловко бродить тут без вас, вы же хозяйка. Хорошо-хорошо, я обожду вас. Не торопитесь.

Удальцова обещала спуститься вниз минут через десять. Что ж, есть время хорошенько обдумать, как именно построить весь разговор. От него зависит очень многое, поэтому тут главное – не сплеховать. Элеонора Бутакова всегда отличалась тем, что тщательно планировала

любое начатое дело. И сейчас не отступит от собственного правила. Слишком многое поставлено на кон.

Элеонора толкнула тяжелую дверь из толстого матового стекла, ведущую в бассейн. Здесь царил полумрак, потому что расположенные высоко под потолком окна пропускали немного света, а осенний день оказался достаточно пасмурным. Электрические светильники, выписанные для этого помещения из Италии, сейчас были погашены. Глубокая чаша бассейна, выложенная зеленоватой плиткой, отчего набранная вода напоминала морскую, тускло мерцала, блики казались ленивыми, медленными, неяркими.

У дальней лестницы, спускавшейся в воду, что-то темнело. Бутаковой вдруг почудилось, что это кит, приплывший откуда-то из океана, и она мимолетно удивилась своей разыгравшейся не к месту фантазии. Она прошла вдоль бассейна, невольно отмечая качественно сделанную работу. Плитки пола и стен подогнаны одна к одной. Бордюр выложен затейливым рисунком. Все выглядит дорого и солидно. Посетители будут довольны.

Она дошла до конца бассейна и опустила глаза, пытаясь разглядеть то, что находилось в воде. Несколько секунд Элеонора Бутакова непонимающе смотрела в ее толщу, пытаясь осмыслить увиденную картину. В супердорогом, только что запущенном бассейне под ласковой зеленоватой водой, так похожей на морскую, покачивалось безжизненное тело.

Элеонора вдруг приобрела фасеточное, как у стрекозы, зрение, воспринимая картинку не в целом, а частями. Взгляд сфокусировался на голубых, не очень новых, набухших от воды джинсах с бахромой по низу штанин. Затем на нечищенных коричневых ботинках. Потом она зафиксировала светлую, легкую, совсем не по сезону надетую куртку, пузырящуюся на спине, потом нечесанные лохмы, извивающиеся в воде, как клубок змей. И лишь затем осознала, что в воде находится мужчина. Утопленник.

С того момента, как понимание этого обрушилось на нее, придавливая своей тяжестью, вытесняя воздух из легких, она вдруг ощутила, как ее тянет туда же, в водную бездну бассейна, глубина которого в этой части достигала пяти метров. Мертвый мужчина словно манил ее в свои объятия, предлагая разделить с ним это последнее плавание. Превозмогая искушение прыгнуть в воду, Элеонора отпрянула от бассейна и сипло закричала.

Глава четвертая

Наши дни

Элеонора Первая

Труп в бассейне отеля стал для нее полной неожиданностью. Впрочем, как горько усмеялась про себя Элеонора, первые дни осени вообще оказались богатыми на неожиданности. Жизнь дала такой резкий крен, что все привычное и само собой разумеющееся исчезло, разбилось на мелкие осколки, развеялось как дым, а все новое, чему она еще не знала названия, упорно лезло в ее жизнь, будто проверяя на прочность.

Впервые за двадцать шесть лет рядом не было ее второго «Я», Элеоноры Второй, как их часто называли подчиненные. Бжезинская знала, как болезненно реагирует сама Бутакова на слово «вторая», как ей хотелось все эти годы быть первой. Видит бог, она была бы не против быть второй, уступить старинной подруге пальму первенства, но не получалось.

Все решения принимала она, за советом сотрудники ходили к ней, прибавку к зарплате просили у нее. Бжезинская водила важных гостей по строительным площадкам, организовывала «круглые столы» и финансовые семинары, ездила с областными правительственными делегациями заграничным опытом, светилась на телеэкранах, давала интервью в журналах местного и федерального масштаба. Она была прирожденным лидером. В «ЭльНоре» все начинало двигаться и вертеться только при ее вмешательстве, и первая роль никак не менялась местами со второй, как и прилипшие клички. Элеонора Первая, Элеонора Вторая.

Ее всегда удивляло, как могут старые закадычные друзья в одночасье стать непримиримыми врагами. Это казалось невозможным. Ведь не может же правая рука поссориться с левой. Оказалось, что может. Еженедельные посиделки с Бутаковыми под яблонями во дворе или перед пышущим огнем камином в гостиной остались в прошлом, и Бжезинская ловила себя на мысли, что субботними вечерами ей некуда себя деть.

С бывшей подругой они теперь встречались только на работе. Бутакова, не поднимая глаз, тенью прошмыгивала по коридору в комнату, где сидели инженеры, в которой отныне стоял ее стол. Кабинет главного инженера пустовал, и Бжезинская не отдавала эту должность новому работнику не потому, что собиралась через некоторое время помиловать Бутакову, а просто потому, что тщательно подбирала претендентов на столь важный для компании пост.

Прощать Элеонору она не собиралась. В конце концов, есть вещи, которые прощать нельзя, да и предательство, совершенное единожды, обязательно повторится в будущем. В этом она была уверена. Все решения она теперь принимала единовластно, поскольку перевела на себя Борькин пакет акций. Согласие Бутаковой роли не играло, и Элеонора не увольняла ее совсем только потому, что подруга действительно была хорошим специалистом в строительной сфере. Гораздо лучшим, чем она сама.

Впрочем, работать Бутакова все равно не желала. Приходила на свое рабочее место, включала компьютер и демонстративно сидела в социальных сетях, или разгадывала горячо любимые ею японские кроссворды, или читала всяческую дребедень, не имеющую к строительной отрасли ни малейшего отношения.

Ее поведение было настолько демонстративным, что Бжезинская все чаще и чаще думала: чем резать собаке хвост по частям, лучше отрубить его одним ударом, что в данной ситуации означало уволить бывшую подругу без выходного пособия. Доля в «ЭльНоре» у нее, конечно, все равно оставалась, но тот проект, который увлеченно разрабатывала Бжезинская, требовал огромных инвестиций, так что о дивидендах на ближайшие года три можно было забыть.

Кстати, именно по этой причине у нее испортились отношения еще и с Борисом. Муж, конечно, на сделку по передаче акций в управление пошел, подкупленный идеей открытия собственного ресторана, первые деньги получил, начал подыскивать себе помещение и строить

планы ремонта, но вследствие этого совершенно «забил» на финансовые дела «ЭльНора», и это именно в тот момент, когда Элеоноре требовалась помощь в оформлении огромного кредита на строительство «Изумрудного города».

– Я в твою затею не верю, – ответил Борис на ее упреки. – Я по-прежнему согласен с Бутаковой, что ты гробишь компанию, однако меня это больше не касается. Ты изъявила желание выкупить мою долю? Так будь добра, выплати мне мои деньги, и за то время, что еще есть до похорон «ЭльНора», я успею открыть ресторан и раскрутиться. Тратить время и интеллект на дело, в которое я не верю, мне кажется глупым. Так что рули сама, дорогая супруга. Совершай свои глупости, раз уж тебе так приспичило, только вперед отдай мне мое бабло.

Доля Бориса оценивалась примерно в пятнадцать миллионов рублей. Естественно, что такой свободной суммы у Элеоноры не было, а вынимать ее из бизнеса сейчас было смерти подобно. Новый проект требовал консолидации всех сил и средств.

– А меня это не касается, – спокойно сообщил Борис в ответ на ее замечание. – Если я не заберу деньги сейчас, то через год-два я не получу ничего. Пока «ЭльНор» еще на плаву, отдай мне мою долю. Иначе я отзову свое решение и снова объединюсь с Бутаковой. И ты будешь руководить компанией только во сне.

Бжезинская напряглась, договорилась с нужными людьми, затянула пояс потуже, взяла на «ЭльНор» еще один кредит, в нынешней ситуации уже явно лишний, выплатила Борису восемь миллионов рублей, написала расписку с обязательством до конца года отдать оставшиеся семь и попросила съехать.

– Откуда съехать? – удивленно спросил он. – Из кабинета? Так ради бога, мне этот офис и этот кабинет ни к чему. Сниму себе помещение над будущим рестораном. Все равно нужно самому все контролировать.

– Нет, из дома, – сквозь зубы сообщила Элеонора. – Если ты можешь так со мной поступать, бросить меня одну в не самый легкий период моей жизни, так можешь убраться из нее совсем. Когда я выходила замуж, то была уверена, что мужчина в семье – надежда и опора, за ним как за каменной стеной.

– И что мы будем вместе в горе и радости, – подхватил Борис. – Какие еще пошлости ты припомнишь? И откуда у тебя такие допотопные представления о браке?

– Любая женщина, какой бы самостоятельной она ни была, мечтает, чтобы за нее принимали решения, ее обеспечивали и о ней заботились, – Бжезинская начала заводитьсь. – К сожалению, мне в жизни не пришлось этого испытать. Все всегда я решала сама. Когда рожать и чем кормить детей. Как создавать бизнес. Какие брать заказы. Я пахала с утра до вечера, а ты снисходительно позволял платить тебе зарплату. Мне это надоело. Убирайся.

– Ты что, хочешь сказать, что со мной разводишься? – в голосе Бориса звучало искреннее потрясение. – А дети?

– Дети у нас уже взрослые. Кстати, если ты считаешь, что оплачивать их учебу, посылать им деньги на жизнь, одевать и возить в путешествия я и дальше буду сама, то очень ошибаешься. Я посчитаю расходы на оставшиеся годы, поделю их пополам и вычту твою часть из причитающейся тебе суммы.

– А дом останется тебе? – Борис нехорошо сощурился.

– Дом останется мне, Сашке и Варе. Тебе я куплю однокомнатную квартиру. Думаю, что это справедливо.

– Двухкомнатную. Нет, ты что, серьезно собралась со мной развестись?

– Абсолютно. Серьезнее не бывает, – сказала Элеонора. Чувствуя, что теряет контроль над собой, она выскочила из кухни, в которой они разговаривали, взбежала по лестнице на второй этаж, захлопнула за спиной дверь спальни и только тогда расплакалась.

Уткнувшись лицом в подушку, она вспоминала свое знакомство с Борисом. Она училась на третьем курсе и очень часто ходила в театр, в основном на балет. Происходящее на сцене завораживало настолько, что мир кругом терял реальные очертания, размывался, и ей казалось, что это она сама парит на сцене, встает на пальцы в атласных пуантах, крутит бесподобное фуэте.

Учась в строительном институте, каждый день занимаясь обыденными, совсем приземленными вещами, ей хотелось чего-то иного, более творческого, волшебного, романтического. В состоянии легкого безумия, почти транса она пребывала практически после каждого спектакля и однажды, выйдя на улицу, пошла, не разбирая дороги и ничего не видя перед собой.

– Осторожнее. – Со всего размаху она столкнулась с высоким парнем, одетым в солдатскую шинель, отлетела от его крепкой груди, пошатнулась и упала бы, не подхвати он ее. – Что же вы, девушка, на людей-то кидаетесь?

– Извините, я задумалась. – Она улыбнулась и посмотрела в глаза парня, для чего ей, с ее немаленьким ростом, пришлось поднять голову, таким высоким он был. – Меня зовут Эля.

Отчего-то она представилась детским своим именем, которым ее давным-давно уже никто не называл, кроме мамы. В институте, с легкой руки подружки, ее все звали иначе.

– Борис, – сказал он в ответ. Затем шаркнул ногой и склонил голову в полупоклоне. – Позвольте представиться. Борис Бжезинский. Служу Советскому Союзу.

– Это я заметила. – Она засмеялась, невольно оценивая, что форма сидит на нем ловко и справно. – Вы в Москве проездом?

– Нет, я здесь служу. Точнее, под Москвой. Так что в увольнительные всегда приезжаю, чтобы побродить по московским улицам. Всегда мечтал жить в Москве, тут воздух особенный, и люди тоже. Вот вы, к примеру, Эля, – очень особенная. Я бы с удовольствием вас проводил, да только мне на электричку уже нужно. Иначе в часть опоздаю. Вас как найти?

– Я в строительном институте учусь, – сообщила Эля. – В Московском инженерно-строительном институте имени Куйбышева. Знаете, где это?

– Нет, но найду. – Это он прокричал уже практически на бегу, впрыгивая в уходящий от остановки троллейбус.

Эта случайная встреча состоялась морозным январским вечером, и довольно скоро Эля совершенно про нее забыла, потому что недостатка в кавалерах не испытывала. К тому же среди сотен студентов их института найти случайно встреченную на улице девушку было утопией. Ведь Эля даже не сказала ему ни свою фамилию, ни полное имя.

Однако в середине июня, когда она сдавала экзамен не любимому ею профессору Дьякову, открылась дверь в аудиторию и в нее заглянул высокий черноволосый парень в редких в ту пору джинсах и яркой футболке. Привлеченная шумом двери, она подняла на парня глаза и сразу же уткнулась обратно в лист бумаги, на котором пыталась соорудить какое-то подобие приличного ответа на вытщенный ею билет. Парня в джинсах она не знала.

Он обвел аудиторию глазами, коротко кивнул, словно удовлетворенный увиденным, закрыл дверь, и она тут же забыла о нем, потому что пришла ее очередь отвечать. Получив выстраданную, но справедливую четверку, Эля выскочила из аудитории, размахивая зачеткой и счастливо улыбаясь (впереди были заслуженные каникулы), и уткнулась в чью-то широкую грудь. Не ожидая столкновения, пошатнулась, чуть не упала, но удержалась на ногах, подхваченная крепкой рукой.

Смутное воспоминание шлохнулось у нее в голове, и Эля запрокинула лицо, чтобы посмотреть на подхватившего ее человека. Он был намного выше ее.

– Эля, я к тебе пришел, – сказал он, и тут она наконец-то его узнала.

– Ты Борис Бжезинский, – полуутвердительно, полувопросительно сказала она, вспомнив красивую фамилию, которой он ей представился.

– Точно. Я отслужил, демобилизовался, поступаю в экономический институт, чтобы жить и учиться в Москве, рядом с тобой. Если ты не против, конечно.

И отчего-то она сразу и навсегда поняла, что нет, не против. Мама будущего зятя тоже восприняла хорошо. Он ей сразу понравился. Высокий, красивый, да и Элю любит, сразу видно. Свадьба их пришлась на время «сухого закона», была «комсомольской», поэтому вино разливалось из чайников, но менее весело от этого не было.

Тогда, летом после третьего курса, Элеонора, ставшая Бжезинской, была уверена, что выходит замуж раз и навсегда. И если бы ей кто-нибудь сказал, как спустя почти четверть века она будет плакать в подушку от предательства Бориса, она бы ни за что не поверила.

Впрочем, думать об этом дальше было нельзя. Элеонора решительно села на кровати, вытерла лицо краем пододеяльника и усилием воли заставила себя переключиться на что-нибудь другое. Да вот хотя бы на труп, который Элеонора Вторая нашла в бассейне. Отличная тема. Ничем не хуже всех остальных. По крайней мере, занимательнее. Элеонора любила детективы, да и к тому же была уверена, что случившееся убийство (а человека в бассейне сначала ударили по голове, а лишь потом утопили) к ней не имеет никакого отношения.

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

Больше всего на свете майор Воронов не любил, когда служебные дела вдруг становились личными. Холодная голова – главный инструмент розысника, а как отстраниться от эмоций, когда расследование начинает касаться близких тебе людей?

Убийство в только что построенном и еще не открытом отеле, которым руководила подруга его жены, оказалось как раз из того самого, столь не любимого Вороновым разряда. Подруга, к ее чести, в обмороке не валялась и в истерике не билась, хотя происшествие за две недели до назначенного торжественного запуска первого пятизвездочного отеля в их городе трудно было назвать своевременным.

Впрочем, как успел убедиться Воронов за недолгую историю их знакомства, Наталья Удальцова относилась к той редкой категории женщин, которую он уважал и ценил безмерно. В ней, впрочем, как и в его собственной жене Лельке, был внутренний стержень, основанный на глубинном чувстве собственного достоинства, позволяющий «держать лицо» даже при самом невероятном раскладе.

Обычно сдержанную Наталью ему было жалко. Четыре года она билась с возведением отеля, относилась к нему как к собственному ребенку, вникала в строительные тонкости, получение лицензий, разобралась в марках постельного белья и принципах работы ресторана, провела набор и обучение кадров, вела непрекращающиеся переговоры с инвесторами и соответствовала, соответствовала, соответствовала.

Наталья на жалость реагировала спокойно, ходила на бесконечные допросы, участвовала в оперативно-следственных мероприятиях, ответы давала толковые, работать не мешала и к сотрудникам полиции и следственного комитета относилась с пониманием. Скорее всего, сказывался «опыт, сын ошибок трудных». Четыре года назад Наталья уже была втянута в историю с убийствами, вышла из нее победителем, помогла задержать опасного преступника, так что удивить ее чем-то подобным, пожалуй, было трудно.

А вот сам Воронов, занимаясь убийством в бассейне, удивлялся практически постоянно. Слишком много странного и непонятного было в этом преступлении. Начать следовало с того, что убитого никто не знал и сказать, откуда он взялся в еще не открытом для широкого круга посетителей здании, никто не мог.

И Удальцова, и все остальные сотрудники, готовящие отель к открытию, лишь пожимали плечами. Никто из них убитого не опознал. Не приоткрыли завесу тайны и работники строительной компании, сдавшей объект. Нашедшая тело Элеонора Бутакова, когда отошла от первого шока, заявила, что потерпевший ей неизвестен. То же самое сообщили вызванные на опознание директор компании, холеная красавица с властным голосом и королевской осанкой Элеонора Бжезинская, прораб, строители, отделочники, сметчики и все остальные сотрудники «ЭльНора», когда-либо бывавшие на объекте.

Пропавших граждан, находившихся в розыске, на территории их области не значилось. В соседних была парочка «потеряшек», но их описание не подходило к убитому. Возникло чувство, что труп в воде появился неведомо откуда. Хотя все члены следственной группы, и Дмитрий Воронов в первую очередь, были реалистами и в подобное не верили.

Настораживало и то, что обе совладелицы «ЭльНора» в беседе дали понять, что данное убийство направлено против них. Бжезинская заявила о том, что некие злые силы намерены разрушить имидж компании, потому что хотят пошатнуть ее лидерство на строительном рынке. Бутакова же, сморкаясь в совершенно мокрый платочек, заявила, что убийство затеяла Бжезинская, чтобы испортить репутацию второй совладелицы компании, своей бывшей подруги.

– Что за чушь? – Услышав эту версию, Элеонора Бжезинская изогнула совершенную бровь. – У Элеоноры Константиновны совсем крыша поехала на почве служебных неприятностей. Я, конечно, уволила ее за нарушение корпоративной этики, но портить ей репутацию мне ни к чему. Она у нее и так несовершенна. А уж убивать ни в чем не повинного человека, чтобы насолить ей, это вообще бред, не стоящий внимания. В одном вы правы. Кто-то усиленно копает под «ЭльНор».

Так как отель был еще не открыт и случайные люди туда не забредали, было понятно, что преступление могло быть совершено, во-первых, из личных целей, и тогда поиск убийцы нужно было вести среди знакомых потерпевшего, для чего было бы неплохо установить его личность. Во-вторых, оно действительно могло быть направлено против компании, выступившей подрядчиком, а также против заказчика строительства, то есть российского филиала крупной шведской фирмы во главе с Натальей Удальцовой.

Все эти размышления, конечно, были крайне интересными, но не проливали на личность убитого и преступника ни капли света. Воронов физически ощущал, как хлопает над его головой птица «глухарь», суля всевозможные взбучки и неприятности на службе, включая лишение премии.

И все-таки отчего Бжезинская была так уверена, что происшествие имеет отношение к «ЭльНору»? Немного подумав, Воронов напросился еще на одну встречу со стильной совладелицей фирмы, которая пусть и очень неохотно, но все-таки согласилась уделить ему время.

– Элеонора Александровна, на нашей первой встрече вы сказали, что неизвестного мужчину убили в бассейне отеля для того, чтобы бросить тень на «ЭльНор»...

– Да, это несомненно так. – Она переложила стопки ежедневников с правого края стола на левый и поправила очки в тоненькой золотой оправе. Воронов раньше никогда не видел ее в очках. Хотя он, простой российский мент, раньше вообще видел Элеонору Бжезинскую лишь по телевизору.

– А на основании чего вы делаете такой вывод?

– Видите ли, – она снова поправила очки, – компания сейчас переживает не самые простые времена. Мы – хороший жирный куш, который мечтали бы оттяпать очень многие. Однако раньше мы были единым целым, и каждый держал свою линию обороны. Я обеспечивала взаимодействие с госорганами. Мой муж, – она непроизвольно поморщилась, как будто в этом слове было что-то болезненное, – мой муж отвечал за общение с банками, моя подруга прикрывала технические тылы. А сейчас мне приходится за все отвечать самой, что, несомненно, ослабляет

компанию. Кроме того, чтобы решить некоторые внутренние проблемы, я была вынуждена повысить уровень закредитованности. Сейчас «ЭльНор» находится на грани, и это прекрасно понимают не только я и остальные соучредители, но и наши многочисленные враги, которые только и ждут удобного случая, чтобы осуществить рейдерский захват.

– На грани чего, банкротства?

– До этого не дойдет, – она улыбнулась на мгновение, и улыбка преобразила ее прекрасное, но измученное последними неурядицами лицо. – Я убеждена, что у моей компании хорошее будущее, а нынешние трудности сугубо временные. Но это я знаю, а остальные вовсе не разделяют моей убежденности, а потому прикладывают все силы, чтобы раскачать лодку. Любой скандал сейчас играет против «ЭльНора», а значит, на руку моим врагам. Понимаете?

– Но тогда было бы логичнее совершить убийство в вашем офисе, извините.

– У меня хорошая служба безопасности. Проникнуть к нам в офис не так-то просто, тем более что у нас везде расположены камеры. Отель, который мы построили, – наша гордость. Наша визитная карточка. Благодаря тому, что четыре года назад мы заключили контракт на его строительство, мы перешли совсем на иной уровень. Поэтому нанести нам удар, убив человека в самом сердце только что сданного объекта, – это тонкий расчет. Тот, кто это придумал, несомненно, хорошо разбирается в психологии.

– Камеры, – тупо повторил Воронов. – Про них я, признаться, не подумал. Старею, видимо, теряю квалификацию.

– Не кокетничайте, мужчине не идет. Вы в прекрасной форме. И не смотрите на меня с таким изумлением. Ваша супруга – лучший мастер в нашем городе, и, естественно, я пользуюсь ее услугами. Так что я вас несколько раз видела. И про вас слышала. Скажем так.

Жена Воронова, по-домашнему Лелька, а для окружающих Любовь Молодцова, действительно была самым популярным парикмахером в городе. Ей принадлежал открытый ею и продуманный до мелочей салон красоты «Молодильные яблоки», и удивляться тому, что Элеонора Бжезинская посещала именно его, в общем-то, не приходилось. Ну надо же, оказывается, богини, когда ходят на процедуры, обсуждают простых смертных.

– Спасибо. Но все-таки вернемся к камерам. – Дмитрий невольно покраснел и тут же рассердился на себя за это. – Вы сказали, что в офисе «ЭльНора» они на каждом шагу. А в отеле их, получается, нет?

– Есть, но далеко не везде. В номерах, к примеру, нет. И в бассейне тоже нет. Вы бы стали посещать место, в котором вас записывают на камеру в полуголом виде? А отель дорогой, пятизвездочный. Это предполагает уважительное отношение к клиентам.

– Жаль, – искренне сказал Воронов. – Неуважительное отношение к клиентам сэкономило бы нам кучу времени и сил. А кого из ваших конкурентов вы конкретно подозреваете?

– Я? – Теперь она выглядела действительно изумленной. – Я никого не подозреваю.

– Но ведь вы только что сказали, что убийство совершено вашими конкурентами, чтобы бросить тень на «ЭльНор». Значит, вы имели в виду кого-то конкретного?

– Да упаси бог. В городе около трех десятков строительных фирм. Из них порядка десятка довольно крупные и вполне сопоставимы с «ЭльНором». Попытаться осуществить рейдерский захват и вырваться в лидеры может в принципе любой. Это бизнес. В нем действуют довольно жесткие правила.

– Да. Любой, – согласился Воронов. – Вот только далеко не любой ради выгоды может убить.

Уходя, в коридоре и в холле он, как мог, крутил головой, но ни одной камеры видеонаблюдения не заметил. Служба безопасности здесь действительно хорошо знала свое дело. Воронов решил немного задержаться и переговорить с ее начальником. В конце концов, ее сотрудники вполне могли знать, видеть, а то и чувствовать гораздо больше, чем госпожа директор.

Бдительный охранник, сидящий на вахте в холле, проводил Дмитрия в кабинет, сопоставимый размерами с кабинетом Бжезинской. Одну из стен полностью занимали мониторы, на которых в режиме реального времени двигались люди, работали башенные краны, выгружали кирпичи и месили растворы. Картинка с офисных камер здесь была тоже, и на одном из экранов Воронов успел разглядеть Элеонору Бутакову. Она сидела, поставив локти на стол и закрыв лицо руками.

Впрочем, он не успел подумать о том, чем вызвано такое вселенское горе. Ему навстречу шел невысокий, плотный человек средних лет с отличной выправкой, выдающей бывшего военного.

– Меркурьев, – коротко представился он. – Вы следователь?

– Нет, опер. Меня зовут Дмитрий Воронов. А к вам мне как обращаться?

– Все Олегом величают. Проходи, садись. Чай, кофе или, может, – он щелкнул себя по горлу, и рот Воронова залила волна кислой слюны. Было время, когда он уходил в запой, и, хотя ему удалось взять себя в руки, организм нет-нет да и выдавал такие вот фортели, заставляющие верить в наличие генетической предрасположенности и мышечной памяти.

– Воды, если можно, – сказал он суше, чем хотелось бы. Кругленький плотный мужичок ему отчего-то понравился.

– Слушаю тебя. – Олег прошел к стоящему в углу холодильнику, достал зеленую пузатую бутылку дорогой французской воды, пробка издала мягкий хлопок, тугая струя ударила о дно хрустального стакана, пузырьки повыпрыгивали из него, как дельфины в бассейне в погоне за брошенным дрессировщиком мячиком. – Думаю, что ты по поводу убийства этого проклятого пришел. Так что спрашивай, не стесняйся.

– А ты про убийство, похоже, уже знаешь. – Воронов принял подачу и обратился к собеседнику на «ты».

– Так про него весь город знает. Шутка ли, об этом отеле уже четыре года разговоры не утихают. Все ждут не дождутся, чтобы посмотреть, как там внутри, а накануне открытия там человека грохнули. Погоди, еще газета «Курьер» выйдет. Будет там все расписано, от А до Я. Как Инесса Перцева умеет.

Журналист Инесса Перцева, в миру Инна Полянская, действительно умела многое. Она была второй подругой его жены, так что о ее настырности, остром пере и умении добывать «горячую» информацию Воронов знал не понаслышке.

– Олег, твоя начальница считает, что убийство совершил кто-то из конкурентов, но отказывается назвать, кто именно на это способен. Может, ты подсобишь?

– Так ведь дело-то не благодатное. Не в адюльтере же обвиню, в убийстве, а это не шутки. Я кидаться такими заявлениями не привык. Другую школу прошел, знаешь ли.

– Полиция? Армия? – мент Воронов никогда не слышал фамилии Меркурьев и ломал голову над тем, где мог раньше служить его визави.

– Разведка. Но об этом не будем. Я тебе лучше так скажу. Все крупные бизнесмены у нас не святые и не пушистые. У всех за спиной мелкие грешки имеются, да и покрупнее тоже. Но с откровенным криминалом, однако, один Эдик Горохов связан.

– Фирма «Ганнибал», бывший мент, – в памяти Воронова всплывали какие-то обрывки воспоминаний, видимо приходящиеся на тот период его жизни, когда он не совсем адекватно воспринимал окружающую действительность³. – Тот, который свидетелей пытал, и его за это из органов поперли.

– Он самый, – Меркурьев согласно кивнул. – Лет семь назад два кента дали показания, что Горохов надевал на них противогаз во время допроса и шланг пережимал. Только они потом в камере повесились, и дело развалилось за отсутствием доказательств. Из органов его,

---

³ Подробнее читайте в романе Людмилы Мартовой «Февральская сирень».

конечно, убрали по-тихому, так он открыл строительную компанию и стал солидным бизнесменом. Только нутро ведь не переделаешь. Оно ведь если гнилое, так завсегда наружу гниль свою выплеснет.

– И у него был зуб на «ЭльНор»?

– Еще какой. Он ведь тоже на заказ строительства отеля пасть разевал. Да не смог прибрать кусок этот. Слишком крупным он для него оказался. Удальцова тогда всех возможных подрядчиков проверила, как рентгеном. И выбрала именно «ЭльНор». Ух, сколько мы тогда наслушались. Элеонора Александровна по моему совету два месяца с охраной ходила, потому что Эдик бесновался так, что пена изо рта летела. А потом вроде подуспокоился, но затаил. К бабке не ходи.

– Ну что ж, Олег, спасибо тебе за наводку. Теперь хоть есть что проверять. А то давно такого глухого дела не припомню.

– Не за что. Ты обращайся, если что. Я всегда подсоблю. – Меркурьев встал из-за стола, пожал Воронову руку, и они сердечно распрощались, вполне довольные друг другом.

Глава пятая

1989 год

Элла и Нора

Москва ошеломила приехавшую поступать в институт Элю Яблокову, несмотря на то что в столице она уже бывала и с сумасшедшим ее ритмом сталкивалась. Однако оказалось, что приехать с вокзала в гостиницу, чтобы оставить вещи, сопроводить маму по каким-то командировочным делам в серьезное партийное заведение, а потом пообедать в ресторане, погулять по Красной площади, съесть мороженое, купленное на первом этаже ГУМа, – это одно. А готовить себе завтраки на кухне студенческой общаги, куда тебя поселили на время поступления, готовиться к экзаменам, пытаясь еще раз повторить, впечатать в память математические правила и физические законы, сливаться со спешащей в метро толпой, чувствуя всей кожей, что уже завтра ты сможешь стать ее частью, своей в этом многолюдном и многоликом городе, – совсем другое.

Эля любила Москву какой-то жадной, болезненной любовью, с которой всегда относятся к тому, чего не имеют. Она страстно мечтала о том, что будет жить здесь все пять лет учебы, а потом выйдет замуж за москвича и обязательно останется в столице насовсем, чтобы с брезгливым недоумением смотреть на приезжих, беспомощно озирающихся в метро, произносить сквозь зубы классическое «понаехали».

Мечтой покорить Москву она как-то поделилась со своей новой подружкой, с которой познакомилась перед первым экзаменом, дожидаясь очереди на сдачу и отчаянно трусая. Подружку тоже звали Элеонорой, бывают же такие совпадения. Но на этом сходство между ними закончилось. Та, другая Эля, была москвичкой, носила красивую, экзотическую фамилию Фалери, мама у нее когда-то танцевала в Большом театре, сама она тоже интересовалась балетом и была прекрасна, как утренняя, только что расцветшая роза.

Хрупкая, белокурая, с большими, словно подернутыми поволокой глазами, в которых, казалось, частенько вставали слезы. Несколько месяцев назад у Эли Фалери скончался отец, которого она очень любила, и с этим, как поняла, Эля Яблокова, было связано не только огромное горе от утраты, но и некоторые трудности материального характера.

Папа – партийный бонза – обеспечивал безбедное существование семьи, и поступление Эли в институт теперь проходило в более нервной обстановке, чем могло бы. Был бы жив папа, Эле не нужно было бы мучиться с экзаменами, но сейчас ей приходилось поступать на общих основаниях.

Видимо, именно психическая нестабильность и привела к тому, что Элеонора Фалери среди всей абитуриентской толпы вычленила невзрачную, нескладную, плохо стриженную Элю Яблокову, которую и выбрала себе в наперсницы. Уж как ни далека была Эля от дворцовых интриг и партийных раскладов, но умом прекрасно понимала, что Элеоноре она не пара.

То же самое твердила и мама, которой Эля по телефону похвасталась, какая замечательная у нее подружка, как красиво и богато у нее дома и какие вкусные пирожные печет домработница Клава.

– Ой, доченька, ты бы держалась от них подальше, – встревожилась мама, выслушав дочкин рассказ. – Фалери-то большим человеком в Москве был, много я про него слышала... Не ровня они нам...

– Плохого слышала или хорошего? – поинтересовалась любопытная Эля.

– Разного, – у мамы тоже была партийная закалка, а вместе с ней и привычка держать язык за зубами. – Но большого полета человек был. Говорили, что не просто так он умер. А застрелился.

– Как застрелился? – у Эли от любопытства даже голос изменился.

– Да так. Финансовые нарушения там какие-то вскрылись, вот он испугался тюрьмы да позора и покончил с собой. Не сближайся ты с этой семьей. И домой к ним не ходи. Не дело это.

– Да ну, глупости какие, – искренне возмутилась Эля. – Вот ты же, мама, столько лет коммунисткой была, как ты можешь такое мне советовать. У моей подружки горе. Если правда то, что ты говоришь, то оно еще более горькое, чем просто смерть любимого человека. Как же я ее брошу? Нехорошо это. Подлю.

– Так-то это так, – стусевалась мама, которую вроде как поймали на трусости. – Ты, доченька, уже взрослая. Ты делай, как сама считаешь нужным. Но береги себя. Не лезь никуда особо, чтобы неприятностей не было. Эти Фалери сейчас как прокаженные.

– А мне наплевать, – заявила Эля. – Элеонора – моя подруга, у меня, кроме нее, в Москве никого нет. Так что дружить я с ней буду.

О разговоре с мамой она подруге не рассказала, чтобы не травмировать ее. Не надо было Фалери знать, что Яблокова в курсе ее семейной тайны. Ведь и сдружилась-то она с ней во многом потому, что Эля Яблокова никого в Москве не знала, а потому не могла знать о случившемся в семье Фалери скандале. А вот своей мечтой покорить Москву, стать в этом городе своей она с подругой поделилась.

– Это провинциализм, – безапелляционно сказала красавица Элеонора. – Его надо выжигать из себя каленым железом. Если ты, конечно, хочешь чего-то добиться в жизни.

– В смысле?

– Стремление закрепиться в Москве, врасти в нее корнями – мечта любого провинциала. И то, что он делится ею с каждым встречным, – выдает провинциальное происхождение с головой. Сразу видно, что ты из Урюпинска.

Последнее прозвучало с легкой насмешкой в голосе, потому что многочисленных анекдотов про Урюпинск ходило по стране немало. А Эля Яблокова была именно из-под Урюпинска, чем новая подруга подкалывала ее постоянно. Вот и сейчас Эля отчаянно и густо покраснела. Была у нее такая особенность. В минуты сильного волнения, связанного с чувством стыда или неловкости, красная горячая волна заливала ее с головы до ног.

Эля Яблокова вообще была румяной, аристократической бледности Эли Фалери у нее не было и в помине, но, когда она краснела, пунцовым жаром заливало не только щеки, но и нос, подбородок и даже лоб, а по шее шли некрасивые пятна с неровными краями. От привычки краснеть Эля не могла избавиться, как ни старалась. И каждый раз волновалась еще больше, понимая, что над ней все смеются.

– Запомни, дорогая, – Эля Фалери смотрела на подругу без всякой жалости и качала совершенной ножкой, затянутой в гладкий, без единой морщинки, черный капрон. Этим шиком, с которым московская подруга носила колготки, Эля Яблокова тоже восхищалась, поскольку вокруг ее тощих ног колготки все время перекручивались, а еще сползали. – Ты должна всегда выглядеть уверенной в себе. Не важно, как ты себя в этот момент чувствуешь, важно, как ты выглядишь. Жизнь – это сцена, и выходить на нее стоит только с выученной наизубок партией. Меня так мама учила.

– Партией? – Эля Яблокова смотрела на подругу непонимающе. – Какой партией? Коммунистической?

– Балда. Балетной партией. В балете так называют роль.

– А-а-а. – Эля снова пошла красными пятнами, которые к тому же отчаянно зачесались. Никак у нее не получалось поддерживать беседу, не выставляя себя неотесанной деревенщиной. И про балетную партию она, разумеется, слышала. Просто сейчас не соотнесла это слово со сказанным подругой.

– Тебя будут воспринимать всерьез только тогда, когда ты будешь держать свои комплексы под уздой, а не выставлять их напоказ. Стремление уложить Москву у своих ног – комплекс провинциала. Поэтому никому никогда больше про это не говори. Ты живешь здесь, и

это само собой разумеющееся. Ты, если захочешь, будешь жить здесь всегда. А не захочешь, поедешь в Питер, или в Минск, или в Тбилиси. Все всегда в твоей жизни будет так, как ты захочешь. В это нужно верить. Всегда. Понятно тебе?

Эле Яблоковой было не совсем понятно. Ну как она останется в Москве, если, к примеру, не поступит в институт? И как она может быть уверена в своем будущем, если она в нем не уверена? К примеру, вдруг заболит бабушка и Эле придется вернуться домой, чтобы за ней ухаживать? И как она вдруг поедет в Тбилиси, где у нее никого нет?

Лежа на общежитской кровати, Эля не могла заснуть от всех этих мыслей, разбуженных нравоучениями Элеоноры Фалери. Если бы она могла относиться к жизни с такой же легкостью, как подруга. Та вон папу похоронила, брони его могущества лишилась, мама у нее уже пенсионерка (хоть и смешно считать пенсионеркой тридцативосьмилетнюю женщину, но Эля объяснила, что балетные выходят на пенсию рано, вообще в тридцать пять), живут они на какие-то старые денежные запасы, которые лежали на книжке у мамы, да на то, что осталось от отца.

Самоубийство Фалери спасло его не только от позора, но и его семью от изъятия ценностей и денег на счетах. Это не подруга рассказала, это Эля Яблокова, будучи у нее в гостях, случайно подслушала телефонный разговор домработницы Клавды. И несмотря на все эти неприятности, что Эля, что ее мама цветут и пахнут, с утра наряжаются, красятся, надевают элегантные туфельки и выходят в люди с высоко поднятой головой. Подруге Эля Яблокова не завидовала. Она искренне ею восхищалась, впитывая каждой клеточкой своего тела вот это умение в любых обстоятельствах чувствовать себя королевой.

Думая об Элиных словах, она постепенно приходила к мысли, что подруга права. Действительно, каждый человек – сам хозяин своей судьбы. Точнее, в их с Элей случае – хозяйка. Ну, допустим, не поступит она в институт. Она все равно сможет остаться в Москве, устроиться на работу, стать лимитчицей, про которых снят не один фильм. Вон в любимом кино «Москва слезам не верит» как раз показано, как можно завоевать столицу, если много работать и упорно идти навстречу своей мечте. И в неведомый Тбилиси можно уехать, и во все другие города, о которых говорила Эля. Как всегда твердит бабушка? Глаза боятся, а руки делают... Вот и надо идти вперед, не зная сомнений.

В институт они поступили обе, сдав экзамены на три пятерки и две четверки. На свою фамилию в списке зачисленных Эля Фалери смотрела без малейшего волнения. Для нее это была просто галочка в списке поставленных целей. Она мечтала быть строителем, она поступила в строительный институт. Всего и делов-то. Эля Яблокова смотрела на список, не видя его из-за набежавших на глаза слез. Трудно поверить, что впереди у нее пять лет учебы в институте. И хоть ей было и стыдно перед подругой за то, что она опять позволила эмоциям взять над собой верх, тем не менее сдерживать слез не могла. Она – студентка. Она – москвичка. Она – самый счастливый человек на земле, и мама может ею гордиться.

Поступление в институт подруги решили отметить в кафе «Мороженое». Взяли по три шарика пломбира, по стакану лимонада, уселись за столик в углу и стали захлеб обсуждать счастливые студенческие будни.

– Вот что, – деловито сказала одна. – У нас с тобой нарисовалась новая проблема. Экзамены мы сдали. В институт поступили. Будем учиться пять лет в одной группе. У нас будут общие компании и общие друзья. Понимаешь, к чему я клоню?

– Нет, – честно призналась вторая.

– Смотри сама. Нас с тобой зовут одинаково, и это, мягко говоря, неудобно. Вот представь, сидим мы в кафе, однокурсник зовет: «Эля!», и мы с тобой обе, как сиамские близнецы, голову поворачиваем.

– А что делать? Не может же одна из нас имя поменять. Хотя это действительно неудобно, я согласна. Просто до встречи с тобой я никогда не была знакома ни с одной Элеонорой.

– Ничего менять и не нужно. Давай с этого момента одну из нас будут звать Элла, а другую Нора. То есть дома все останется по-прежнему. Для наших мам мы как были, так и останемся Элями. Но для друзей нас будут звать по-разному.

– Здорово, – обрадовалась вторая девушка. – Тогда можно я буду Норой? Я читала «Кукольный дом» Ибсена, мне еще тогда это имя понравилось.

– Нет уж. Норой буду я. В конце концов, это я придумала разделить наши имена на составляющие, чтобы окружающие не путались. Так что имею право выбрать первой.

– Ну ладно, – горестно вздохнула вторая. Имени Нора ей было очень жалко. Она покатила его на языке, восхитительное, округлое, элегантно. Оно бы ей пошло. Но не ссориться же с подругой из-за такой малости. Придется уступить и стать Эллой. Имя ей не нравилось. В нем было что-то деревенское, твердое, упрямое, холодное. Но спорить она не стала.

* * *

Наши дни

Элеонора Вторая

Больше всего Элеонору Бутакову удивляло, что она не нашла взаимопонимания и поддержки у мужа. Ее Сергей, который терпеть не мог Бжезинскую и ее извечное доминирование, в разразившемся конфликте однозначно встал не на сторону своей жены. Для Элеоноры это стало полной неожиданностью.

– Она низвела меня до уровня простого инженера, практически клерка, – кипятилась она как-то вечером, заваривая чай на кухне. Отдельного дома у них с Сергеем не было, но хорошая просторная квартира в самом центре города имелась. – Если раньше я была вторым человеком в «ЭльНоре», то теперь даже в первую десятку не вхожу. Я! Основавшая компанию вместе с ней. Да я пахала, как раб на галерах, создавая безупречную репутацию компании. И все наши заказы – это моя заслуга, ничуть не в меньшей степени, чем ее.

– А чего ты хотела? – спросил Сергей, спокойно отхлебывая огненный чай, в котором плавали золотистые кусочки яблок. Их сочный запах плыл по кухне. Год оказался необычайно урожайным, они были везде, и от них было некуда деться. Элеонора физически чувствовала, что ее укачивает от этого аромата. – Ты же первая начала войну, Эля. Ты вступила в сговор с Борисом, вы сместили Бжезинскую с поста гендиректора. И меня удивляет, что, совершая все эти действия, ты совершенно не просчитала последствия. А зная Элеонору, можно было предположить, что последствия обязательно будут и удар, который она нанесет в ответ, будет схожим по силе.

– Ты хочешь сказать, что я – дура? – В Бутаковой вдруг проснулось ее юношеское упрямство, которое она всю жизнь старательно скрывала от окружающих. Женщина должна быть мягкой и нежной, а не танком, прущим напролом, таким, как Бжезинская. Это она знала совершенно твердо.

– Нет, ты не дура, – Сергей разговаривал нехотя и будто устало. – Ты совершила подлость по отношению к подруге, хоть и не хочешь это признать. Ты – крестная ее дочери, и это не помешало тебе за ее спиной поступить вероломно. Меня это удивляет и огорчает. Но еще больше меня огорчает, что ты даже не понимаешь всей некрасивости своего поступка и обвиняешь во всем Бжезинскую.

– Это она поступила подло, а не я, – закричала Бутакова, чувствуя, как ком подкатывает к горлу, а к глазам – непрошеные предательские слезы. – Как ты можешь так говорить? Ты же знаешь, что я хотела всего лишь спасти фирму от разорения вследствие непродуманной политики, которую вела Бжезинская.

– Эля, Эля, ну зачем ты сама себя уговариваешь, что в это веришь? За все эти годы Элеонора не приняла ни одного неверного решения. Мы же еще всегда смеялись, что она

словно заколдованная. Все авантюры сходили ей с рук, и она выходила из них победительницей, выводя «ЭльНор» на более высокий уровень. Так почему сейчас ты решила, что ее затея закончится провалом? К примеру, я так очень верю в проект «Изумрудный город». Элеонора права, а ты нет.

Это был первый случай за двадцать лет семейной жизни, когда Сергей сказал что-то подобное. Познакомились они в первый же месяц, как приехали вместе с подругой в небольшой областной центр на Волге. Их курс был последним, для которого распределение еще существовало, и отправили их в одно и то же строительно-монтажное управление, набравшее инженеров-строителей. Две молоденькие, симпатичные, не нюхавшие порошу москвички, одна коренная, другая приезжая, Эля Яблокова и Эля Фалери оказались в новой непривычной для себя обстановке, где пришлось с нуля доказывать, что ты что-то из себя представляешь.

С детства мечтающей о карьере строителя Эле Фалери нравилось ходить на работу, и, несмотря на то что выросла она при «мамушках и нянюшках», неприкаянный быт ее совсем не смущал. Эля Яблокова, за пять лет учебы наевшаяся казенного общежитского уюта, тут же принялась обустраивать их общий дом, мечтая о собственной квартире, но пока с азартом переклеивая обои в выделенной им на двоих комнатушке.

Впрочем, собственные квартиры им обещали дать довольно скоро. СМУ, в котором они очутились, строило дома довольно активно и жильем работников обеспечивало. Правда, только семейных. Одиноким, как в одном хорошем фильме, предоставлялось только общежитие.

Впрочем, одинокими подруги оставались недолго. Бжезинская была уже два года как замужем, и ее Борис не стал оканчивать институт в Москве, чтобы не расставаться с женой. Доучился до Нового года и бросил, переехав вслед за супругой в город на Волге. Спустя месяц им дали квартиру. За второй Элеонорой практически с первых дней жизни в новом городе начал ухаживать Сергей Бутаков, молодой, подающий надежды врач, тоже оказавшийся здесь по распределению. Их свадьба была менее шумной, но такой же веселой, как у Бжезинских, и квартиру Элеонора Бутакова получила практически сразу после этой свадьбы, в апреле.

Бжезинская на их с Сергеем свадьбе была уже беременна Сашкой, ее первенец родился в сентябре, а Бутакова несколько лет не могла забеременеть, без устали ходила по врачам, ужасалась возможному бесплодию, мучилась сама, мучила Сергея, плакала и успокоилась лишь спустя два года, когда у них с Сергеем родилась Вика. Красавица и умница.

У Бжезинских через три года появилась еще и Варька, которой Элеонора Бутакова стала крестной. А им с Сергеем второго ребенка бог так и не дал. Впрочем, они и за первого были очень благодарны Всевышнему. К рождению Варьки они уже создали «ЭльНор» и работали не покладая рук все трое – две Элеоноры и Борис. Сергей же все эти годы оставался чуть в стороне, продолжая трудиться в медицине. Элеонора ему не мешала. Денег им хватало с лихвой благодаря процветанию «ЭльНора», к предпринимательству муж был не склонен совершенно, занимался тем, чем хотел, и коллеги его уважали, а больные любили.

Женой он гордился, ее боготворил, а дочку обожал, так что семейных ссор и конфликтов у них никогда не возникало. И вот поди ж ты, впервые за столько лет Сергей Бутаков вдруг решил, что его жена не права. Да еще и обвинил ее в предательстве. Все рушилось. Бутакова ощущала себя стоящей на вершине высокой скалы, от которой откалывались и летели в пропасть огромные валуны, площадка под ногами становилась все меньше и меньше. Пронзительный ветер свистел в ушах, оставляя чувство неизбывного одиночества. У нее не было теперь любимого дела, которым она жила. Финансовой защиты. И, как оказалось, опоры на Сергея, которому она привыкла доверять безоговорочно.

– Ты хочешь от меня уйти? – спросила она дрогнувшим голосом. Понимание, что муж не хочет больше с ней жить, пришло откуда-то из космоса, зацепилось за неведомый, острый, торчащий в мозгу крючок и больше не уходило, перекрывая доступ кислорода.

– Не уверен, что все так окончательно и безвариантно, – усмехнулся он. И это была не его усмешка, непривычно холодная и издевательская. – Я вообще ни в чем не уверен, Эля, кроме того, что в последние дни ощущаю рядом с собой не ту женщину, на которой когда-то женился.

– Ну и пожалуйста, я и без тебя проживу, – крикнула Бутакова, поставила на стол, практически отбросила от себя чашку, горячий чай выплеснулся на скатерть, оставляя некрасивые пятна, выскочила из кухни и заперлась в спальне. Плакать.

Чудище под названием «ЭльНор» пожирало всю ее прежнюю жизнь, уютную, спокойную, комфортную. Но сдаваться на милость врага без боя она не собиралась.

Слез больше не было. Лежа на огромной кровати, которую они с Сергеем делали на заказ, потому что в магазинах ничего подобного не продавали, она прокручивала в голове варианты своих последующих действий. Ее первая попытка – раздуть скандал с помощью Натальи Удальцовой и ее связей – закончилась тем, что Элеонора нашла труп в бассейне отеля. Это были не самые приятные воспоминания, и она передернула плечами, вспомнив плавающее в воде безвольное тело, бывшее когда-то человеком. И откуда оно там взялось, вот что интересно.

Что ж, раз план «А» не удался, переходим к плану «Б». Он был у нее в голове, четкий, прекрасный, разработанный до мельчайших деталей. На этот раз все должно было получиться. Репутации Бжезинской, а вместе с ней и могуществу «ЭльНора» нужно было положить конец. Элеонора Бутакова встала с кровати, вытерла все еще мокрое лицо краем атласного одеяла, достала из ящика туалетного столика ручку и лист бумаги и начала писать заявление на увольнение. Она была уверена, что Бжезинская подпишет его сразу и с радостью, тем самым сжигая за собой все мосты.

Спустя два дня деловые круги города со всех сторон обсуждали и обсасывали небывалый скандал – второе лицо «ЭльНора» Элеонора Константиновна Бутакова назначена главным инженером в фирму «Ганнибал», возглавляемую непримиримым врагом Элеоноры Бжезинской Эдуардом Гороховым. Небывалая рокировка могла объясняться только одним – «ЭльНору» объявлена война не на жизнь, а на смерть. И в этой войне пленных не будет брать ни одна, ни вторая сторона, а любая стрельба будет вестись на поражение. Как в прямом, так и в переносном смысле.

Глава шестая

Наши дни

Элла

Вялость не проходила. Каждое утро Элла вставала с кровати такой уставшей, словно и не ложилась в постель накануне, а проводила все ночи, разгружая вагоны. Когда они еще не были врагами, а близкими людьми, муж любил вспоминать, как в юности разгружал вагоны, чтобы заработать немного денег и помочь матери.

Слушая его рассказы, она всегда пыталась представить, каково это – подставить спину под тяжеленный мешок с мукой или сахаром, произвольно согнуться под его тяжестью, сделать несколько неуверенных шагов, а затем пойти ровно, аккуратно, боясь упасть со своей неподъемной ношей.

Сейчас ей казалось, что она физически ощущает, как наливается болью каждая мышца, растянутая, надорванная тяжеленным грузом, как дрожат ноги, как слабость разливается по всему телу, противная, нудная, как осенний дождь, морозящий за окном, как мутится в глазах, заливаемых холодным потом, как гулко бухает сердце и покалывает губы от нечеловеческой нагрузки.

Когда они с Норой недолго жили в рабочем общежитии того СМУ, куда их отправили по распределению, вахтерша, тетя Маиса, называла такое состояние словом «надсада». Они тогда обсуждали прораба Степана Петровича, который ходил неуверенной походкой, тяжело кашлял, отчего на лбу у него вздувались синие жилы, толстые, узловатые, страшные, он дрожащими, неверными пальцами скручивал папиросу, просыпая махорку, вытирал струящийся пот со лба, чуть слышно бормотал под нос какие-то витиеватые ругательства.

По Степану Петровичу всегда было видно, что ему худо. Так худо, что и не описать. И на вопрос, чем же он таким болеет, заданный как-то вскользь Норой, тетя Маиса и объяснила серьезно, что у прораба «надсада».

Из ее путаных объяснений Элла тогда так и не поняла, что же это такое, но запомнила, что возникает надсада, когда работы слишком много, когда постоянная ответственность за дело, за других (а Степан Петрович после смерти жены один тянул четверых сыновей) подтачивает изнутри, забирая не только силы, но и само желание жить.

Вот она сейчас чувствовала себя именно так. Новые условия, в которых ей приходилось работать, непривычная атмосфера в коллективе, новые задачи, не встречавшиеся ранее, но поставленные перед ней во всей своей суровой очевидности, заставляли организм функционировать на каком-то новом, доселе неизвестном уровне выносливости.

Надсада проявлялась постоянным чувством голода и при этом отвращением при виде любой поставленной перед носом пищи, наваливающейся несколько раз в день дурнотой, заставляющей садиться в кресло и опускать на сложенные на столе руки голову. Однажды ей стало плохо так внезапно, что она поняла, что не дотянет до стула, а потому села прямо на пол, изрядно напугав сослуживицу.

По утрам она просыпалась в мокрой пижаме, хоть выжимай, на влажной, даже липкой простыне, отчего чувствовала к самой себе небывалое отвращение и тихо радовалась, что в постели рядом больше нет мужа. Пожалуй, она бы со стыда сгорела, если бы он видел ее такой, мокрой, жалкой, беспомощной.

Но хуже всего были не физические, а моральные муки. Ее душу терзали демоны, и впервые за очень долгое время она была не в ладу сама с собой. Она совершила подлость по отношению к лучшей подруге, которая за двадцать шесть лет стала ей ближе, чем сестра, которой у нее никогда не было. Эта совершенная подлость выжигала изнутри, и Элла была уверена, что ее надсада вызвана именно этим. Более того, из-за совершенной подлости ее разлюбил муж.

И это обстоятельство тоже отравляло жизнь, хотя Элла всячески уговаривала себя, что ей все равно, что она взрослая, самостоятельная, эмансипированная женщина, которая и сама со всем справится. Мама же справилась.

Тяжело вздохнув, она встала с постели, с отвращением сдернула влажные простыни, ежась от утреннего холода, стянула мокрую от пота пижаму и пошла в ванную комнату, волоча за собой все тряпье. Под душем она немного согрелась и пришла в себя, почувствовав зверский голод. Дрожа, теперь уже от нетерпения, выскочила из душа, натянула махровый халат, накрутила на голове тюрбан из полотенца и помчалась на кухню, щелкнула кнопкой чайника, забросила специальные таблетки в швейцарскую, варившую очень приличный кофе машину и открыла холодильник в поисках того, чем можно было бы поживиться.

На верхней полочке лежали круассаны с джемом, сырокопченый сервелат, который Элла с детства очень любила, розовые мясистые азербайджанские помидоры, даже в унылом сентябре сохраняющие радостную праздничность лета. Слюна наполнила рот в предвкушении вкусоности и тут же стала горькой, вязкой, вызывающей тошноту. Элла в отчаянии захлопнула холодильник и позавтракала двумя чашками кофе с куском черного хлеба. От этой еды ее не тошнило.

Заставив себя «собраться в кучу», она натянула свободные черные брюки, тонкий свитерок, мазнула помадой по губам, с неудовольствием оглядев в зеркале бледное лицо с синяками под глазами, и снова привычно подумала: «Хорошо, что муж не видит».

В машине у нее снова закружилась голова и в желудке засосало от голода. «Совсем ты, мать, плоха стала», – сердито подумала она и поехала на работу, воевать с ветряными мельницами, выстраивая в голове план на предстоящий день.

Примерно за квартал до офиса Элла увидела стоящего на перекрестке мужа и обрадовалась так, что сердце вновь забилось стремительно, подскочив куда-то к горлу. Несмотря ни на что, он был когда-то горячо любимым, а нынче просто близким ей человеком, и видеть родное лицо было радостно и приятно. Слишком холодные чужие лица окружали ее в последнее время.

Она начала притормаживать, чтобы открыть стекло, помахать ему рукой, крикнуть что-то хорошее, например, что она будет ждать его на парковке и они смогут поговорить о том, что происходит между ними. Муж тоже поднял руку, и Элла решила, что он приветствует ее, но тут что-то ударило в лобовое стекло, отчего оно рассыпалось на мелкие осколки, засыпавшие приборную доску, руль, ее колени и живот. Она интуитивно зажмурилась на мгновение, но тут же силой воли заставила себя открыть глаза, чтобы не попасть в аварию, автоматически повернула на нужную ей улицу, въехала за поднявшийся перед ней шлагбаум, завернула на парковку и остановилась, оглушенная тем, что только что произошло.

Муж швырнул в ее машину камень. Швырнул на скорости, что многократно увеличило риск травмы. Если бы она не притормозила, то камень мог попасть в голову. Получается, что муж хотел ее убить? Боже мой, это же бред какой-то. Этого не могло быть, но тем не менее крошево разбитого стекла неопровержимо доказывало правоту ее страшной догадки. Как с этим жить дальше? Опустошенная, она сидела в машине, пытаясь найти внутри себя подсказку к ответу на этот вопрос, но в голове звенела пустота. Гулкая, мертвая, немая.

Со стороны входа в офисное здание бежал охранник. Кажется, его звали Глеб. Сейчас она не могла точно назвать даже свое собственное имя, не то что имя какого-то охранника. Вновь навалилась дурнота, в которой качалось перепуганное мужское лицо. Шевелились губы, но звука она не слышала. Эти губы отчего-то показались ей смешными. Он вообще был смешным парнем, этот самый Глеб. Кажется, Глеб. Интересно, есть ли у него жена, и если есть, то швыряет ли он в ее машину камнями? Или у этих молодых еще нет машины?

Да, вот еще смешное. Ее пытались забить камнями, как будто она прелюбодейка. Или это наказание за измену? Но ведь изменила она не мужу. Кажется, в Библии существовало восем-

надцать грехов, за которые полагалась подобная казнь. Нужно будет как-нибудь найти, в чем именно эти грехи заключались. Глядишь, и найдется, за что именно муж хотел ее наказать. Это была последняя мысль, за которую зацепилось сознание Эллы перед тем, как она погрузилась в глубокий обморок.

* * *

Наши дни

Нора

Ее пожирало пламя. Она просто физически ощущала, как гудит внутри ровный мощный огонь, как трещат снопы и разлетаются искры, как жар струится по венам, разогревая кровь, заставляя голову и тело пылать, несмотря на сентябрьскую сырость.

У пламени было имя. Ненависть. Мощная, целенаправленная, неукротимая ненависть, от которой во сне скрежетали зубы. Если бы ей в детстве сказали, что когда-нибудь она сможет так яростно ненавидеть, Нора ни за что бы не поверила. И если бы в молодости ей сообщили, что объектом столь страстной нелюбви станет Элла, верная, надежная Элка, с которой они были свидетельницами на свадьбах друг друга, она бы рассмеялась фантазеру в лицо.

Подружка давно стала ее тенью, ее вторым я. Она знала все Норины тайны и робкие радости. Кроме мужа, только она знала, что Нора спит, не выключая маленького ночника, потому что до остановки дыхания боится темноты и живущих в ней чудовищ. Только при Элле она не стеснялась в минуту задумчивости ковырять пальцем в носу. Была у нее такая оставшаяся с детства то ли слабость, то ли просто дурная привычка.

Она и сама не знала, кто из них первый придумал создать «ЭльНор». За давностью лет кануло в вечность, чья это была идея, но название фирмы родилось сразу у обеих, и ни у кого не вызывало вопросов. «ЭльНор». Элла и Нора. Две половинки единого целого.

Нет, с самого первого дня их знакомства было понятно, что они очень разные. Одна – коренная москвичка из балетно-чиновничьей среды. Вторая – деревенщина из маленького поселка под Урюпинском. Одна – роскошная, элегантная, уверенная в себе красавица, вторая – неуклюжая простушка, обожающая пончики с корицей. Одна рискованная и смелая, вторая вечно сомневающаяся в себе. Они оставались непохожими всегда, даже тогда, когда обе очень сильно изменились под воздействием обстоятельств.

В какой момент эта непохожесть стала раздражать Нору? У нее не было ответа на этот вопрос. Ей казалось, что просто в какой-то момент она проснулась утром и поняла, что ей не будет покоя, пока по земле ходит Элла. И даже тот факт, что сейчас своими действиями Элка угрожала безопасности и стабильности их бизнеса, не имел основополагающего значения.

Элла могла вести себя тише воды, ниже травы, ничего не предпринимать и вообще не ссориться с Норой, согласившись на все ее предложения и условия. От этого Нора не стала бы ненавидеть ее ни на йоту меньше. Ее внутренний жар могло остудить только полное физическое устранение раздражающего фактора. А это означало, что Элле нужно убить.

Мысль эта, промелькнув в голове впервые, ужаснула, оставив чувство опустошения. Нора не была убийцей. То есть та Нора, которую она привыкла каждое утро видеть в зеркале, не могла быть убийцей. С этим убеждением она прожила сорок три года и, как оказалось, ошиблась.

По крайней мере, когда мысль вернулась, а потом начала приходить регулярно, снова и снова, в ней уже не было ничего пугающего. Убить – на самом деле просто, особенно если обладаешь высоким интеллектом и умеешь продумывать мельчайшие детали. Нора умела.

План убийства был простым, легко выполнимым, а главное, практически ненаказуемым. И человек, готовый помочь Норе воплотить его в жизнь, нашелся очень быстро. Это был человек из самого ближнего Элкиного круга, ближе не бывает.

Маховик преступления был уже запущен, оставалось только ждать. Но именно ждать Нора не умела. Так было с раннего детства. Ожидания Нового года, экзамена, первого свидания с новым кавалером были одинаково невыносимы. Минуты растягивались на часы, часы на сутки. Норе всегда казалось, что циферблат издевается над ней, отодвигая стрелки все дальше и дальше от заветной цели.

Ее одинаково раздражало стоять на остановке в ожидании автобуса и терпеть, пока закипит чайник. Она сама была стремительной и порывистой, и растянутая вечность ожидания кололась как чужой, кусачий свитер, который хотелось стянуть через голову и отбросить в сторону. Нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Это действительно правда. Особенно когда долго и мучительно ждешь чьей-то смерти.

Она отдавала себе отчет, что задуманный ею план может оказаться несмертельным. Что ж, Элкина инвалидность ее тоже вполне устраивала. По крайней мере, не будет путаться под ногами, сосредоточится на собственном здоровье и перестанет строить планы, как уничтожить «ЭльНор». Такое избавление от проблемы, хоть и не было радикальным, тоже годилось. В конце концов, она не зверь.

Нора прошла в ванную комнату, скинула невесомый халат – пышную пену умопомрачительно дорогого кружева, критически оглядела в большом зеркале свою обнаженную фигуру и переступила порог душевой кабины.

«Пожалуй, нужно сауну включить, – лениво подумала она, подставляя лицо колким струйкам воды, бившим наотмашь, не жалея. – Когда на улице осень, причем такая, как в этом году, классическая, мокрая и холодная осень, заставляющая все время мечтать о том, чтобы, как кошка, закрыть нос мягкой пушистой лапой, нет ничего более приятного, чем влажный, горячий жар сауны, сравнимый с бушующим в ней самой пламенем».

Сауна, потом бокал глинтвейна, упоительно пахнущего корицей, яблоками и апельсинами, затем мохнатый шерстяной плед, привезенный Эллой из Англии. Нора сама бывала в Англии десяток раз, но почему-то так и не догадалась купить себе тяжелый плед из овечьей шерсти, под которым можно было бы спокойно провести ночь на Северном полюсе. Плед ей привезла Элла, и оказалось, что он очень уютный и домашний. Именно такой, какого не хватало ей в хозяйстве.

Черт, как-то некомфортно от того, что все лучшее, что было в ее жизни, каким-то образом связано с Эллой. Хотя нет, так думать нельзя. Эти мысли разъедают ее решимость избавиться от заклятой подруги раз и навсегда. В ее жизни было счастливое детство без Эллы, и будет стабильная и спокойная старость, в которой бывшей «подружайке» тоже не место. Нельзя тащить за собой в счастливое будущее груз из прошлого, каким бы привычным он ни был.

Точно. Элла – чемодан без ручки. Нести тяжело, а бросить жалко. Нора прислушалась к себе. Нет, в ее сердце нет места жалости, только неукротимая решимость. Все остальные чувства выжжены ненавистью дотла. А раз так, значит, пусть все идет своим чередом. Ждать осталось недолго.

Нора вылезла из душа, натянула на влажное тело мужнин махровый халат, в котором любила бродить по квартире, спасаясь от осенней сырости, решительно прошагала в гостиную, сгребла с дивана разостланный там красно-зеленый клетчатый шотландский плед, аккуратно и тщательно свернула его, запихнула в черный полиэтиленовый мусорный пакет, немного подумала, стянула с плеч халат, добавила его к пледу, накинула на голое тело длинное кашемировое пальто, не утруждая себя усилием завязать пояс, прошествовала к расположенным на улице мусорным бакам, спиной чувствуя на себе изумленные взоры наблюдающих поодаль соседей, и сгрузила свою тяжелую и неудобную ношу.

Освободившимися наконец руками она запахнула полы пальто, защищаясь не столько от возможных любопытных взглядов, сколько от осеннего ветра, и решительно зашагала обратно домой. Плед и мужнин халат были символами исчезнувшей навсегда жизни, и они не должны

были больше заставлять ее думать о прошлом и мучиться воспоминаниями и сомнениями. Только вперед! Она – победитель. И у нее обязательно все получится.

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

Определить личность мужчины, убитого в бассейне нового отеля, пока так и не смогли. Наиболее вероятная причина его гибели крылась в компании «ЭльНор», точнее, в той неразберихе, которая в последнее время творилась вокруг нее.

Борис Бжезинский и Элеонора Бутакова из фирмы уволились, и Бжезинская, по слухам, выкупила долю своего мужа и послала к черту свою ближайшую подругу и теперь рулила всем в одиночестве. Опять же по слухам, она взяла просто фантастический по размерам кредит, который грозил разрушить фирму, похоронив под обломками благополучие и самой владелицы, заключила договор на аренду огромного участка земли на краю города и затеяла строительство нового микрорайона. Продажа квартир в двух будущих домах была уже открыта, в прессе и на телевидении шла широкомасштабная рекламная кампания, требующая немалых ресурсов, и если бы не скандалы, сопровождавшие деятельность «ЭльНора», то она наверняка принесла бы результат.

«ЭльНор» строил качественно, цена на квартиры в новых домах была весьма привлекательной, а преимущества нового микрорайона, имеющего на своей территории все необходимое для автономной жизни, очевидны. Вот только ссора между учредителями, которая не сходилась со страниц газет и обсуждалась на всех углах, а также убийство в отеле сослужили «ЭльНору» плохую службу. Потенциальные покупатели ждали, что Бжезинская, в одиночку руководящая фирмой, надорвется, совершит ошибку и угробит компанию. А потому не спешили расставаться с деньгами, вкладывая их в жилье и не зная, построят ли его. И в этом плане преступление работало против репутации «ЭльНора» и случилось, если, конечно, можно так выразиться в отношении убийства, очень вовремя.

Воронов запомнил слова главы службы безопасности «ЭльНора» Олега Меркурьева о том, что главным конкурентом компании является фирма «Ганнибал». Ее руководителя Эдуарда Горохова он лично не знал, но наслышан о нем был достаточно, чтобы понимать, что этот человек не отягощен избыточной моралью. Поставив цель развалить и подмять под себя «ЭльНор», он мог идти к ней любыми путями и добиваться любыми средствами. Горохова характеризовали как человека циничного, хитрого и жестокого. И давняя история с внезапной смертью двух свидетелей, давших показания против него, показывала, что на убийство он способен.

Сегодня Воронов приехал в «Ганнибал», чтобы встретиться с Гороховым и задать ему несколько вопросов. Офис его располагался тоже в центре города, практически в одном квартале от «ЭльНора», что Воронов считал дурным знаком. Правда, если Бжезинская сумела выстроить себе отдельное современное здание, стильное и удобное, то компания Горохова располагалась на третьем этаже обычной офисной многоэтажки, построенной в пятидесятые годы прошлого века, много и часто переходящей из рук в руки, а потому нуждающейся в серьезном ремонте.

Если в «ЭльНоре» все кричало об основательности, серьезности и отличном вкусе ее владельцев, то «Ганнибал» был просто безликим офисом с натяжными потолками «Армстронг» и без малейшего намека на изящество.

Секретарша Мила, сидящая в приемной у Элеоноры Бжезинской, тоже давала сто очков форы секретарше Горохова – расплывшейся, плохо одетой тетке непонятного возраста. На вид ей могло быть от тридцати пяти до шестидесяти.

– Вы к Эдуарду Николаевичу? – нелюбезно спросила она, когда Воронов зашел в приемную. – Вам назначено?

Воронов заверил, что он к Эдуарду Николаевичу и ему не назначено, но он уверен, что его примут. Лицо секретарши выразило недоумение, грозящее перейти в гнев, но произойти этой нехитрой трансформации Воронов не дал, достав служебное удостоверение. На лице отразились новые эмоции, среди которых Дмитрий без труда вычленил страх, а затем секретарша поднялась и, топая, помчалась в кабинет к шефу с тем, что им интересуется полиция.

О природе страха на лице секретарши стоило подумать. К примеру, у симпатяшки Милочки из «ЭльНора» личико страхом не обезображивалось, и полиции она не боялась. Но думать оказалось некогда, поскольку дверь открылась, и майор был приглашен в святая святых, кабинет бывшего мента, а ныне директора крупной строительной корпорации Эдуарда Горохова.

Внешне он оказался именно таким, как смутно помнил Воронов, – невысокий, плотный, лысый мужичок лет сорока – сорока пяти с неприятными глазами, в которых вместо зрачков прятались острые буравчики. Воронов просто физически ощущал, как они пропарывают кожу, пытаясь разобраться, что у него на уме, и принял вид «лихой и придурковатый», как предписано было Петром Первым вести себя перед начальством.

– Чем вызван интерес правоохранительных органов к моей скромной персоне? – спросил Горохов, не вставая из широкого удобного кожаного кресла. – Да ты проходи, садись, не стесняйся.

– Да вот, решил к тебе обратиться за советом, – делая упор на слове «тебе», сказал Воронов. – Ты же в прошлом мент, так что вдруг поможешь коллеге.

– Тамбовский волк тебе коллега, – Горохов засмеялся, обнажая редкие и гнилые зубы. Воронов невольно подумал, что, будучи человеком не бедным, он вполне мог позволить себе хорошего стоматолога, но отчего-то этого не сделал. Не считал нужным? Жалел деньги? Боялся врачей? Ответ на этот вопрос мог бы дать дополнительный штрих к портрету этого человека. – Я из конторы давно утек. Расстались мы не по любви. Развод наш мирным не был. Так что извини, помогать я тебе не буду. Если где накосячил, повесткой вызывай.

– И даже не поинтересуетесь, чем вызван мой визит? – Дмитрий специально перешел на «вы», меняя манеру разговора.

– А я не любопытный.

– И все же я бы хотел обсудить с вами убийство, случившееся в отеле «История».

– А я к нему каким боком? – казалось, Горохов не на шутку удивился. – Я к этому отелю не имею отношения. Его Бжезинская строила, у нее и спрашивайте, кого на ее еще не сданном объекте пришили.

– Во-первых, объект уже был сдан, и не знать этого вы не можете, – сухо сообщил Воронов. – А во-вторых, насколько мне известно, вы были крайне заинтересованы в получении заказа на строительство этого отеля, так что утверждение, что вы не имеете к нему отношение, ложно.

– Тю-у. Так это почти четыре года назад было. Конечно, я был заинтересован в таком жирном заказе. И переговоры с той дамочкой, что рулит отелем, проводил, и расчеты наши давал, и даже взятку предлагал. Но Бжезинская меня обставила тогда, обошла на повороте. Я с этим и не спорю.

– И что, взяла Удальцова взятку? – весело спросил Воронов. Зная Наталью, он представлял тот ответ, который получил от нее Горохов.

– Нет, – бизнесмен тоже засмеялся. Смех у него был скрипучий, неприятный. – Такой скандал устроила, истеричка. Бабу в бизнес пускать нельзя. Ее место у плиты – щи варить да детям сопли вытирать. Как только ее к серьезному делу допускают, так все, кранты, туши свет, сливай воду.

– Гендерное неравенство я с вами, пожалуй, обсуждать не буду. – Воронову ужасно захотелось дать Горохову в морду, аж руки зачесались. – Вернемся лучше к убийству в «Истории». Вы хотели получить этот заказ, но Элеонора Бжезинская, как вы выразились, обошла вас на повороте. Не захотелось ли вам, выждав время, взять реванш?

– Захотелось, – Горохов снова неприятно улыбнулся. – Не в моем характере спускать с рук бабские фортели. Поэтому реванш я обязательно возьму, это как пить дать.

– И как я должен расценивать ваше заявление? После сдачи объекта, незадолго до торжественного открытия отеля в нем находят труп неизвестного мужчины. К владельцам отеля и к его коллективу труп никакого отношения не имеет. И совершенное убийство кидает такую мощную тень на репутацию «ЭльНора», что продажи у фирмы падают. И все это как раз на стадии запуска нового крупного проекта. Вы следите за моей мыслью?

– Слежу-слежу, не беспокойся. Я все-таки мент, хоть и бывший. Хочешь сказать, что это я мужика грохнул, чтобы на фифу Бжезинскую тень навести и жизнь ей изгадить? Не-а, не получится у тебя трупак этот на меня повесить.

– А если получится?

– Все, мужик. – Горохов наконец-то встал из своего кресла, видимо, давая понять, что аудиенция окончена. – Разговора у нас с тобой не будет. Накопашь чего, вызывай повесткой. Я тебе уже это сказал. Сейчас повторяю. А пустой базар вести мне некогда.

Воронов тоже встал и пошел к дверям, обдумывая все, что только что услышал.

– Да, вот еще, – остановил его Горохов. – Что касается Бжезинской, то ты запомни, что фирмы ее скоро не будет. И дай бог ей не оказаться погребенной под обломками великолепного «ЭльНора».

– Я запомню, – кивнул Дмитрий. – Но и ты, – он снова сделал упор на этом слове, – запомни. Если с головы Бжезинской упадет хоть один волос, я лично тебе яйца оторву.

– У тебя на нее стоит, что ли? – удивленно спросил Горохов. – Ты чего, как цепной пес, на ее защиту кидаешься? Никогда не понимал, чего в ней мужики находят. Баба должна быть в теле. А эта плоская, как доска. Ни кожи, ни рожи, одно кривлянье. Строит из себя королеву, а сама – обычная... – И он произнес грязное ругательство.

Воронов в мгновение ока пролетел через весь кабинет и, не владея собой, все-таки выбросил кулак в сторону круглого, похожего на блин лица. Лязгнули зубы, костяшки пальцев засадили, и рука тут же стала мокрой и липкой от крови. Бизнесмен Эдуард Горохов пролетел полметра, что отделяли его от белой стены кабинета, и смачно впечатался в нее головой.

– Можешь жаловаться, – громко сказал Дмитрий и слизнул кровь с ободранных пальцев. – За такого козла, как ты, и ответить не жалко. – Широкими шагами дошел до двери и захлопнул ее за собой.

В приемной ему навстречу рванула давешняя секретарша с перепуганным лицом. Орал он, видимо, за дверью сильно. В комнате был кто-то еще, но Воронов от бешенства сейчас не очень четко видел и не очень ясно соображал, поэтому смотрел только на секретаршу.

– Чаю сделайте своему начальнику, – велел он. – И, если его тошнить будет, «Скорую» ему вызовите. Хотя у таких, как он, сотрясения мозга не бывает.

Секретарша ойкнула и скрылась за дверью кабинета, оттуда сразу же раздалось ее взволнованное чириканье.

– Вас, кажется, Дмитрий зовут? – услышал он приятный мелодичный голос и обернулся. – Мы можем с вами выйти в коридор? Мне нужно с вами переговорить.

Перед Вороновым стояла Элеонора Бутакова. Он еле удержался от того, чтобы не протереть глаза от неожиданности. Причем стояла она не в пальто и сапожках, как человек, забежавший в чужой офис по каким-то делам (хотя какие дела могли быть между «ЭльНором» и «Ганнибалом»), а в тонком трикотажном платье, на вкус Воронова слишком обтягивающем ее кругленькую фигуру, и элегантных открытых лодочках на устойчивом невысоком каблуке.

– Элеонора Константиновна? А вы что здесь делаете? – глупо спросил он.

– Я здесь работаю, – нетерпеливо объяснила она и повторила: – Мне нужно с вами поговорить. Но не здесь. Не при Ларе. – Ларой, видимо, звали не имеющую возраста секретаршу.

– Ну хорошо, пройдемте в коридор или на лестницу, – согласился он, все еще не понимая, как совладелица «ЭльНора» может работать в «Ганнибале». И не удержался: – А вы тут кем трудитесь?

– Главным инженером, – горько ответила Бутакова. – Бжезинская меня выгнала, а прокормиться только на зарплату моего мужа наша семья не может. Он у меня врач, а мы привыкли жить на широкую ногу. Так что я теперь здесь. – На Воронова она смотрела с некоторым вызовом. – Можете думать обо мне все, что хотите, но только, пожалуйста, выслушайте. Я совершенно точно знаю, что меня хотят убить.

Глава седьмая

Наши дни

Элла

С лобовым стеклом машины, разбитым метко брошенным камнем, нужно было что-то делать. Отчего-то именно в бытовых вопросах, связанных с автомобилем, Элла всегда чувствовала себя неуютно. Высокая температура у близких вызывала в ней меньше паники, чем спущенное колесо. И если раньше при возникновении нестандартной ситуации она всегда звонила мужу, который улаживал неприятности легко, хоть и с недоумением, то сейчас эта самая нестандартная ситуация была вызвана именно мужем и прибегнуть к его помощи было решительно невозможно.

Придя в себя после постыдного обморока, Элла решительно отвергла помощь напуганного охранника и прошествовала в офис. До конца дня о машине можно было не думать, благо стояла она на охраняемой офисной стоянке, и проникнуть в нее через отсутствующее лобовое стекло все равно никто не мог. Мысли о том, что будет вечером, как придется добираться домой и как чинить автомобиль, она загнала в самый дальний закоулок сознания, понимая, что откровенно пасует перед обстоятельствами.

И все-таки случившееся нервировало ее настолько, что она никак не могла сосредоточиться на работе. Это было не вовремя. От того, как она покажет себя в новом для нее деле, зависело если не все, то очень многое. Понимая, что мысль о машине не даст ей покоя, она решительно набрала номер телефона Олега Меркурьева, начальника службы безопасности «ЭльНора».

Как-то так сложилось с самого начала их совместной работы, что именно Олег ненавязчиво оказывался рядом в самые трудные минуты. Нет, он не ухаживал за ней, боже упаси. Между ним и Эллой – замужней дамой, совладелицей фирмы – всегда была необходимая дистанция, и ни разу за все время (а Олег пришел в «ЭльНор» лет шесть-семь назад) он не позволил себе ни одного лишнего слова или неприличного взгляда. Но Элла знала, что он ей симпатизирует. Такие вещи женщины всегда чувствуют интуитивно. Знала и пользовалась, в разумных пределах, разумеется. Вот и сейчас она позвонила именно Олегу, потому что была уверена – он обязательно что-то придумает и спасет ее машину и Эллу вместе с ней.

– Привет, – пророкотал знакомый и отчего-то довольный голос в трубке. – Я сижу и жду, когда же ты мне позвонишь и про свою ненаглядную машинку скажешь.

– Знаешь уже? – спросила Элла, удивляясь наивности своего вопроса. Меркурьев знал все и всегда. Как это у него получалось, оставалось загадкой, но он был в курсе того, что происходило вокруг, вне зависимости, имело ли это отношение к нему или его служебным обязанностям.

– Канэшн... Еду я себе мимо парковки, по делам отправился, – зачем-то счел нужным пояснить он, – смотрю, стоит знакомая мне машинка, а лобовое стекло тью-тью. Вдребезги. Где ж это тебя так угораздило-то?

То, что они общались на «ты», было их маленькой тайной, которую никто из сослуживцев не одобрил бы. В «ЭльНоре» не было принято держать себя с учредителями запанибрата, но где теперь корпоративные правила этики «ЭльНора»...

– Олег, ты только никому, пожалуйста, не говори, но лобовое стекло мне муж разбил. Представляешь?

– Му-уж? – в голосе Меркурьева сквозило неприкрытое удивление. – Муж объелся груш. Это что, ревность у него разыгралась? Или обидка, что ты его бросила?

– Он уверен, что это он меня бросил, – сообщила Элла, чувствуя ставшую уже привычной тяжесть в груди. – Но дело не в этом. Он действительно бросил. Камень в мою машину, когда я проезжала мимо. У меня до сих пор руки и ноги трясутся, а если бы он мне в голову попал?

– Если бы он попал тебе в голову, то мы бы сейчас не разговаривали, – душевно сообщил Меркурьев. – А с чего ты взяла, что это он?

– Да я сама видела. Он стоял на перекрестке, я начала притормаживать, машинально, конечно, а он поднял руку, я сначала решила, что в приветствии, и в ту же секунду стекло рассыпалось в мелкую крошку. Я чуть в столб не врезалась. Олег, он хотел меня убить?

– Странный способ для убийства, – задумчиво сказал Меркурьев. – Ненадежный. Ладно, я сейчас действительно отъехал на другой конец города, но ближе к обеду загляну, посмотрю на твою красавицу да в мастерскую ее отгоню. Денежки есть?

– Есть. Я тебе на карточку переведу, – сказала Элла, – ты только скажи мне, сколько надо.

– Узнаю, сообщу. Ты это, спустись вниз, ключи на вахте оставь.

Теперь, когда машина была в надежных руках Меркурьева, о ней действительно можно было не думать, поэтому усилием воли Элла все-таки заставила себя погрузиться в работу. Она ни за что бы не призналась в этом самой себе, но ей не хватало Норы с ее холодным и трезвым взглядом на вещи. Не хватало ее постоянной критики и знакомой с юности улыбки. Улыбки женщины, хорошо знающей себе цену.

Элла вздохнула и снова отложила в сторону строительный проект, над которым работала. Как же все-таки помириться со старой подругой. Ведь обеим же ясно, что они в сиюминутном порыве злости наделали немало ошибок. Как объяснить Норе, что на самом деле она не хотела ругаться, а действовала лишь из-за желания сохранить «ЭльНор», защитить его от возможных неприятностей. И ведь не позвонишь первой. Как там гласит один из законов Мэрфи? «Ситуация становится необратимой, когда нельзя сказать: «Давайте все забудем!»

Как забыть предательство Норы? Как забыть, что муж бросил в нее камень? Как забыть все то, что они все четверо наговорили и наделали друг другу? Сердце подскочило к горлу и затрепыхалось, мешая дышать. Лоб стал влажным, руки липкими. В животе противно засосало от голода. Господи, всего лишь двадцать минут назад она попросила в приемной чаю и выпила целую чашку с предложенным секретаршей печеньем. И теперь отчего-то опять ужасно проголодалась.

Промокнув капли пота на лбу салфеткой, Элла невольно вспомнила разговор с матерью. Мама по-прежнему волновалась за свою девочку, как будто она до сих пор была маленькой глупышкой, а не взрослой, сорокатрехлетней женщиной. Хотя, наверное, так поступают все мамы на свете. Сама Элла тоже все еще считает дочь несмышленышем, несмотря на то, что во многих вопросах та ей еще и фору дает.

Маму волновало здоровье Эллы. И хотя обычно Элла относилась к ее тревогам равнодушно, сейчас призналась – с ней действительно происходит что-то не то. Организм давал сбой, и это проявлялось каждый день и каждую ночь. Она по-прежнему плохо спала и просыпалась разбитой и совсем не отдохнувшей. У нее практически постоянно болела или кружилась голова и дрожали руки. Пожалуй, мама права и нужно посоветоваться с врачом. Но с каким?

Мама настаивала, чтобы дочь поехала на обследование в немецкую клинику, но уехать сейчас Элла не могла. На работе ее бы не поддержали.

– Пойми, сейчас слишком многое поставлено на карту, – объясняла она маме.

– И здоровье? – наседала та.

– Да, и здоровье, – со вздохом соглашалась Элла. – Я должна доказать, что в меня не зря поверили. Я не могу подвести людей, с которыми работаю. Мне предстоит начать все заново, и я должна показать, что мне можно доверять, со мной можно работать. Понимаешь? Ладно бы отпроситься на день-два. Но Германия? Это неделя минимум. Я не могу сейчас себе этого позволить. Да и, если честно, у меня нет на это лишних денег. Ты же знаешь, все изменилось.

– Тогда попроси Сергея. – Мама не сдавалась. – В конце концов, он врач, и его долг тебе помочь.

– Нет, мамочка. Просить Сергея я не буду. Это совершенно невозможно. Пойми, мы с ним отныне враги.

– Для врача нет врагов и друзей. А в данной ситуации он – врач, а ты пациентка. Доченька, не накручивай ты лишнего. Здоровье – это серьезно, и я не хочу, чтобы ты им рисковала. На саване нет карманов, так что всех денег на заработаешь.

Пусть и нехотя, но Элла признавала мамину правоту. Переждав очередной приступ дурноты, она достала телефон и набрала номер Сергея. В конце концов, в ее характере было преодолевать все неприятное быстро, одним махом. Сделала и забыла. Звонки, отдававшие в ухо, дарили трусливую надежду, что Сергей занят, однако он все-таки ответил на ее вызов. Его «алло» было таким далеким, усталым и безысходным, что внутри у Эллы невольно все сжалось.

– Привет, – поспешно сказала она. – Это я. Узнал?

– Как будто я могу тебя не узнать, – спокойно ответил он.

– Сергей... Мне кажется, что между нами было не только плохое...

– Что ты хочешь, Элла?

– Мне нужен врач.

– Врач? Ты больна?

– Я не знаю. – Она вдруг заплакала и по его смущенному покашливанию поняла, что слезы привели его в замешательство.

– Элла, что у тебя болит? Какой именно врач тебе нужен?

– У меня такое чувство, что у меня болит все и ничего. Голова постоянно тяжелая. Губы немеют. Все время есть хочется. Иногда я в обморок падаю. И спать совсем не могу. Просыпаюсь вся мокрая и больше не могу уснуть. Мне кажется, что меня сглазили.

– Это антинаучно, ты же знаешь.

– Знаю. Сергей, я не понимаю, что мне делать.

– Вот что, – он как будто собрался и заговорил четко, по-деловому, как говорил всегда, когда дело касалось работы – Сергей Бутаков действительно был очень хорошим врачом: – Поезжай в Москву. Здесь ты все равно не сможешь пройти нормально обследование, потому что город у нас маленький, ты будешь вся на виду, а это сейчас совершенно не нужно, ни тебе, ни Норе. Про вас и так шепчется весь город. Я запишу тебя на прием к очень хорошему специалисту. Только учти, у него частная клиника и его услуги стоят довольно дорого.

– Ты же знаешь, деньги я найду, хотя их у меня значительно меньше, чем раньше, – она слабо улыбнулась в трубку, как будто Сергей мог ее видеть.

– Да. Деньги. Будь они неладны. Мне всегда казалось, что рано или поздно они отнимут у меня жену. Так и вышло.

– Давай не будем об этом, – попросила Элла. – Мне трудно об этом говорить.

– Ладно, не будем, – легко согласился он. – Записывай. Доктора зовут Витольд Михайлович Семенов. Вот его телефон, – он продиктовал номер, и Элла послушно записала, словно находясь под легким гипнозом. – Позвони ему завтра с утра. До этого времени я его предупрежу. Элла...

– Что?

– Ты уверена, что твои проблемы связаны не с наркотиками?

– Ты с ума сошел, – возмутилась она.

– Не обижайся, просто по перечисленным тобой симптомам очень похоже.

– Ты хочешь сказать, что меня кто-то травит наркотиками?

– Тебе виднее, кто...

– погоди, ты считаешь, что я – наркоманка?

– Я ничего не считаю, – его голос снова стал усталым и безразличным. – Ты обратилась ко мне за советом, я тебе его дал. Дальше разбирайся сама. Надеюсь, что Семенов тебе поможет. Он – очень хороший врач.

– Сергей...

– Что?

– Как ты думаешь, мы можем все отыграть назад? – Спрашивая это, Элла словно отдирала слова, намертво прилипшие к шершавому сухому языку.

– Давай не будем об этом. Мне трудно об этом говорить.

– Ладно, не будем. До свидания, Сережа. И да, спасибо тебе.

Она положила трубку и, словно успокоившись, наконец-то занялась рабочими делами. Жизнь, пусть немного, но налаживалась. Олег починит машину. Сергей запишет ее на прием к хорошему врачу. Она поправится, а потом, собравшись с силами, обязательно придумает, как помириться с Норой. И, если получится, с мужем. Может быть, он вовсе и не хотел ее убивать.

Зазвенел телефон, вновь вырывая ее из мира строительных схем, цифр и планов. Не глядя, она схватила трубку.

– Да. Слушаю.

– Душа моя, – услышала она бодрый, но какой-то странный голос Меркурьева. – У меня для тебя две новости. Одна хорошая, другая плохая. С какой начинать?

– Давай с хорошей, – ответила Элла, чувствуя, как сердце падает куда-то в пятки. От нехорошего предчувствия тут же вспотел лоб и снова затряслись руки.

– В твою машину никто не кидал никакого камня.

– Да ты что? – Она озадаченно помолчала. – Но я же сама видела, как мой муж что-то бросил в сторону машины. И если это был не камень, то отчего разбилось стекло?

– А вот в этом и заключается вторая новость. Твое стекло разлетелось вдребезги от попавшей в него пули. В тебя стреляли, дорогая моя.

Секунду-другую мозг пытался переварить поступившую в него информацию, но явно не справлялся с задачей. Эле казалось, что внутри головы у нее что-то взрывается и трещит. Затем сознание прояснилось ненадолго, формируя четкую мысль, что нужно обратиться в полицию. Она не справится сама. Даже имя того полицейского, который приходил в «ЭльНор» по делу об убийстве в отеле «История», всплыло неизвестно откуда. Его звали Дмитрий Воронов, хотя Элла понятия не имела, когда и как умудрилась запомнить это имя. Затем мир вокруг снова взорвался яркими всполохами, которые замелькали перед глазами, вызывая головокружение и тошноту. И второй раз за сегодняшний день Элла потеряла сознание, пытавшееся зацепиться за спасительную мысль... Дмитрий Воронов.

* * *

Наши дни

Элеонора Первая

Назло всем врагам и недоброжелателям «Изумрудный город» начали строить. Выделенная земля уже была обнесена забором, на стройплощадку загнали технику и начали рыть котлованы под первые два дома. Компания «ЭльНор» не могла вести масштабное строительство без главного инженера, и, немного подумав, Элеонора Бжезинская взяла на работу нового специалиста, обосновавшегося в кабинете предательницы Бутаковой.

Улыбчивый и веселый молодой парень, которого звали Степан Ушаков, окончил институт всего пять лет назад, опыта практически не имел, зато горел энтузиазмом, мечтал проявить себя, на Бжезинскую смотрел, как на сошедшее с небес божество, и только что не целовал следы ее ног. Элеонору подобное преклонение сместило и радовало одновременно.

Степан был похож на щенка, уже достаточно крупного, но все-таки не повзрослевшего до конца. Таким месяцев в девять был ее мастино неаполитано по кличке Поль. Огромный, лопоухий, он так же смешно и бестолково скакал вокруг Элеоноры, стуча лапами по паркету, скидывал голову, чтобы заглянуть хозяйке в глаза, и звонко лаял при ее появлении. Что-то подобное выкидывал и Степан.

Коллектив на его появление отреагировал настороженно и угрюмо. Впрочем, все последние изменения в «ЭльНоре» встречались тяжелым и тягостным молчанием. Коллектив переживал за будущее компании и, естественно, свое будущее. Люди боялись потерять работу, злились из-за начавшихся задержек зарплаты. Иначе и быть не могло, «ЭльНор» был закредитован больше, чем мог себе позволить, и все свободные средства уходили либо на погашение процентов по кредитам, либо на строительство нового объекта.

Продажи стояли. Если в лучшие свои времена «ЭльНор» продавал три-четыре строящиеся квартиры в день, то теперь в лучшем случае уходила одна квартира в неделю, и, несмотря на все усилия, прилагаемые Бжезинской, переломить сложившуюся тенденцию вкупе с общественным мнением не удавалось. «ЭльНору» не доверяли, и с этим приходилось считаться.

Степан отработал на предприятии примерно неделю, объездил все объекты, перезнакомился с прорабами, попил чаю с секретаршей Милочкой, которая, узнав, что новый главный инженер не женат, начала ходить на работу исключительно в мини, невзирая на то что осень стояла холодная и мокрая, видимо, в отместку за исключительное лето. После чего он пришел к Бжезинской с предложением внести изменения в проект.

– Сейчас все микрорайоны нашего города похожи один на другой. Все строят одинаково, используя либо красный кирпич, либо облицовочный силикатный. Вы изначально приняли решение застраивать микрорайон по новым современным технологиям. Дома у вас, то есть у нас, – поправился он, – быстровозводимые, но теплые и надежные. Но технологию на пальцах не объяснишь, и оперативно про главные отличия не расскажешь. Предлагаю сделать так, чтобы наше отличие было видно невооруженным глазом.

– Это как? – улыбаясь спросила Бжезинская. Парень ей определенно нравился.

– Выделим наши дома цветом. Микрорайон же называется «Изумрудный город», правильно?

– Правильно. На границе с ним парк огромный, и мы его тоже взяли в аренду. Вырубать ни в коем случае не будем, в порядок приведем, пруд выкопаем, запустим в него рыбу и уток. Ну, ты же знаешь, Степа. Проект видел.

– Так я и говорю. Давайте сделаем наружную обшивку здания зеленой. Не сплошняком, конечно, частично. Зеленый цвет виден издали. Будет стоять зеленый парк, а на границе с ним зеленый микрорайон. Я уже и материалы посмотрел нужные, и поставщиков нашел. Получается чуть дороже, но я уже рассчитал, на чем можно сэкономить, чтобы не вылезти за смету. Я же понимаю, что мы сейчас не можем себе этого позволить. Вот расчеты, посмотрите?

– Разумеется, посмотрю. – Бжезинская взяла протянутую ей пухлую папку. Предложение Ушакова было внезапным, но не лишеным смысла, и она немного досадовала на себя, что не додумалась до этого первой. Если парень действительно все просчитал, то ему цены нет. А значит это только то, что она в нем не ошиблась и в очередной раз приняла правильное решение. – Я возьму домой, чтобы вечером посмотреть. Днем ни минуты свободной нет. Вот и сейчас мне в Думу убежать надо. У тебя еще что-то?

– Давайте я вас до машины провожу и еще кое-какие соображения изложу, – кивнул Степан, понимая, что королевская аудиенция закончена. – Я тут еще одну штуку придумал.

Он продолжал быстро, сбивчиво, но понятно говорить, пока Элеонора надевала плащ из тонкой лайки и поправляла прическу, утром сделанную у Любови Молодцовой, лучшего парикмахера их города. На укладку она ходила через день, не позволяя себе появляться на людях без прически и макияжа. Королевские манеры основаны на привычке всегда держать

спину, это всем известно. А дьявол скрывается в мелочах, поэтому нельзя допустить седые корни волос, торчащие в сторону пряди или несовершенный лак на ногтях.

Сопровождаемая Степаном, скачущим вокруг нее (ну чистый Поль, ей-богу), она вышла в приемную, бросила секретарше, что уходит и вернется лишь к вечеру, и выплыла в коридор. Ушаков продолжал говорить, но сейчас она его почти не слушала, настраиваясь мыслями на предстоящее заседание думского комитета. Собеседник сейчас жужжал в ухе настойчивым комаром и вдруг затих.

Наступившая тишина выбила из привычной колеи, Элеонора вынырнула из своих мыслей и удивленно оглянулась, куда пропал ее новый главный инженер. Почему затих? Он стоял в паре шагов от нее и задумчиво всматривался в длинный коридор, по которому уже вдали кто-то шел. Без очков Бжезинская не видела, кто именно. В последнее время на нервной почве у нее обострилась близорукость, но она никому в этом не признавалась из-за какого-то глупого женского стеснения. Поэтому и очки надевала, лишь работая за компьютером, когда ее никто не видел.

– Степа, ты что? Привидение встретил? – насмешливо спросила она Ушакова, стоящего посредине коридора с каким-то странным, напряженным выражением лица.

– Что? – Он дико посмотрел на нее и тут же улыбнулся, вновь став знакомым, привычным Степаном. – Нет, ничего, Элеонора Александровна, показалось. Извините, что я отвлекся. Так вы подумаете над моим предложением?

– Обязательно подумая, Степа. Только изложи мне его в письменном виде, – улыбаясь сказала Бжезинская. Ну как дать понять этому парнишке, что она его совсем не слушала? – Я часа через два-три вернусь, ты мне отдашь свою бумажку, и я ее вечером посмотрю вместе с первым твоим рационализаторским предложением. В твоих идеях, несомненно, что-то есть.

Впрочем, вечером Элеонора Бжезинская так и не смогла отдать должное документам, подготовленным Степаном Ушаковым. Ее планы были нарушены неожиданным происшествием, к которому она оказалась не готова. Вернувшись из областной Думы, она застала в приемной начальника своей службы безопасности Меркурьева.

– Олег? – удивилась она. – Ты меня ждешь? Я вроде тебя не вызывала. Или что-то случилось?

– Случилось, – мрачно сообщил Меркурьев. – Можно я к вам зайду? Примете?

– Да проходи, конечно. – Бжезинская неизвестно отчего вдруг встревожилась. – погоди, сейчас чаю нам попрошу у Милы. Замерзла я что-то, на улице ужас, а не погода.

Меркурьев послушно молчал, угрюмо рассматривая крышку полированного стола для совещаний, за который уселся сразу, как вошел в кабинет. Это было необычно. Стол использовали по назначению и садились за него лишь на больших планерках. Все остальное время все визитеры, и Меркурьев не исключение, усаживались за маленький столик, приставленный к рабочему столу Элеоноры.

Несмотря на разрастающуюся внутреннюю тревогу, больше вызванную угрюмостью обычно веселого и разбитного Меркурьева, Бжезинская заставила себя не спеша раздеться, села напротив него, дождалась, пока Мила принесет чай и расставит приборы – перед начальницей ее расписанную под гжель чашку, из которой она всегда пила чай на работе, а перед Меркурьевым хрустальный стакан в серебряном подстаканнике. Он предпочитал чаевничать именно так.

– Что случилось, Олег? – мягко спросила Бжезинская, сделав аккуратный глоток и убедившись в том, что начальник службы безопасности первым начинать разговор не намерен.

– Увольняюсь я от вас, Элеонора Александровна, – с трудом выдавил он, и она чуть не подавилась горячим чаем от неожиданности.

– Что ты делаешь?

– Увольняюсь.

– Сейчас? Но почему?

– Так надо.

– Олег, я ушам своим не верю. Что значит, ты увольняешься? У «ЭльНора» такая трудная пора, я веду бой с тиграми, которые повсюду, и в этот момент, когда я нахожусь на грани банкротства, когда меня пытаются сожрать «Ганнибал», когда меня предала Бутакова и бросил муж, ты заявляешь мне, что уходишь, и вместо объяснения говоришь, что «так надо»? Ты с ума сошел?

– Да ниоткуда я не сошел, – заорал вдруг Меркурьев и хлопнул кулаком по столу. Лакированная поверхность тихо пискнула, но устояла. – Не могу я остаться, понимаете? Не могу.

– Олег, ты работаешь в моей компании уже шесть лет. Мне казалось, что вместе мы прошли огонь, воду и медные трубы. Ты мне на выборах помогал. Поэтому мне кажется, что я имею право знать, что случилось? – Элеонора пыталась говорить спокойно, хотя спокойствия в ее душе и в помине не было.

– Элеонора Александровна, – Меркурьев прятал глаза, и Бжезинская вдруг ощутила, как паника накрывает ее ледяной волной. – Я не могу больше работать в «ЭльНоре». Скажите, кому передать дела.

– Но почему?

– Да потому что я больше не профессионал, – он как-то вдруг охрип, видимо, от большого волнения. – Это азы охранного дела – не испытывать эмоций к объекту, который охраняешь, быть над схваткой, понимаете? Хотя нет, конечно, не понимаете.

– Конечно, не понимаю, – аккуратно призналась Бжезинская, которая себя чувствовала в театре абсурда. Что-то в последнее время ее часто стало охватывать это состояние, будь оно неладно.

– Элеонора... Эля... – Он вдруг назвал ее семейным именем, которое у сотрудников было не в ходу. – Да как же ты, вы, а, черт... Неужели вы, Элеонора Александровна, не видите, что я вас люблю?

– Ты меня что? – Бжезинской казалось, что она ослышалась.

– Люблю... – Меркурьев говорил, и столько отчаяния было в его голосе, что она вдруг сразу ему поверила. – Давно уже. А в последнее время совсем в воздухе пробки вышибает. Нельзя в таком состоянии работать, беда будет. Она и так кружит, я же это чувствую, а трезво оценить не могу. Вот и думаю я, что лучше уйти, чтобы профессионал здесь всем занимался. Если у вас нет никого на примете, так я найду, вы не сомневайтесь. Но себе я больше не доверяю. А это все. Профессиональный конец.

– Иди, Олег, – устало попросила Бжезинская. – Ты иди сейчас. Ошарашил ты меня, если честно. Так что будет лучше, если мы оба возьмем тайм-аут, хотя бы до утра.

– Я работать не буду, – уперся Меркурьев. – Так что в эту сторону даже не думайте, Элеонора Александровна. А если в чем другом вам моя помощь нужна будет, так вы только обратитесь, я с радостью.

– Иди уже, помощничек, – в ее голосе прорвалось наконец-то скрытое раздражение. Любит он ее, видите ли. Все говорят, что ее любят, и вот, пожалуйста, все бросают наедине с проблемами и неприятностями.

Как же так вышло, что она осталась совсем одна? Даже Борис, ее Борис, с которым она прожила столько лет и которому родила двоих детей, теперь совершенно посторонний ей человек. Съехал в купленную ему двушку, днями не вылезает из своего ресторана, сам вместе с дизайнером расписывает стены, сам проводит собеседования, ищет шеф-повара, составляет меню.

Наблюдая со стороны, Бжезинская видела, что муж изменился, словно его испортили. Дети рассказывали, что в разговоре он то шутит и смеется, то вдруг кричит и бросает трубку. То названивает сыну и дочери, отвлекая от учебы, то уходит в подполье, словно они в чем-то

виноваты. Бжезинская вдруг подумала, что, пожалуй, боится мужа. Она всегда боялась всего, что было непредсказуемым и опасным, как стихийное бедствие. Чего ждать от Бориса, она не представляла и была готова ко всему, даже самому худшему. И вот в такой ситуации Меркурьев ее бросает... Что и говорить? Вовремя...

Что ж, начальника службы безопасности она найдет нового, это не проблема. Главный инженер нашелся, и тот найдется. Но вот что делать с влюбленным Меркурьевым? Элеонора вдруг почувствовала искушение ответить на его чувства. В конце концов, женщина, какой бы сильной она ни была, нуждается в надежном мужском плече. Много лет она была Борису верной женой, и ей даже в голову не приходило ему изменять, но раз теперь ей нужна защита от Бориса... Может быть, Олег и стодится...

Она прислушалась к себе, не шевельнутся ли в душе какие-нибудь чувства к теперь уже бывшему начальнику службы безопасности ее фирмы. Но в душе было пусто, сухо и неприка-янно, как в пустыне. Что ж, и в пустыне цветут сады, если захотеть. С этой мыслью Элеонора Бжезинская, вздохнула, надела свой стильный и дорогой до невозможности кожаный плащ, забрала папку, оставленную Ушаковым, зная, что не притронется к ней, потому что будет полночи гонять в голове мысли про неожиданно влюбленного Меркурьева и о том, что с ним делать, выключила свет в кабинете и поехала в свой пустой загородный дом. Больше всего ей хотелось разреветься.

Глава восьмая

Наши дни

Дмитрий Воронов

«Как интересно. Бжезинская и Бутакова, оказывается, больше не живут со своими мужьями. Нет, все-таки бизнес – совершенно определенное зло, которое ломает психику и калечит души», – рассуждал Дмитрий Воронов по дороге на работу, радуясь, что изменение сознания, связанное с жадной наживы, не коснулось его Лельки.

Впрочем, Лелька была единственной владелицей салона красоты, который создала с нуля своими руками, талантом и упорством, и делить результаты труда ей было совершенно не с кем. Может быть, дело именно в том, что у «ЭльНора» изначально было три соучредителя, и если тяготы и трудности первых лет поровну ложились на плечи всех, то славу и процветание поделить они уже не смогли?

Тем не менее интересно, что в горниле страстей, связанных с разделом строительной фирмы, сгорели семейные узы. Кстати, почему Бутакова соврала? Воронов то и дело возвращался к этой мысли. В том разговоре, в котором она заявила Дмитрию, что ее хотят убить, она сообщила, что устроилась на работу к Горохову, в конкурирующую с «ЭльНором» фирму «Ганнибал», только потому, что их семье не прожить на зарплату мужа. Но ведь к тому моменту они с мужем уже расстались, и Элеонора Константиновна вполне могла сказать, что ей нужно зарабатывать на себя, рассчитывать больше не на кого. Но не сказала. Почему?

Конечно, ее нежелание распространяться перед малознакомым человеком о личных обстоятельствах было в общем-то понятно, но тем не менее маленькая ложь всегда зарождала у Дмитрия Воронова большое недоверие, и он снова и снова возвращался мыслями к своему разговору с Бутаковой, в котором она высказала опасение за свою жизнь.

Элеонора Вторая (а Дмитрий знал, что в «ЭльНоре» ее за глаза называли именно так) была уверена, что Элеонора Первая вынашивает планы по ее физическому устранению, чтобы отобрать долю Бутаковой в «ЭльНоре».

– Понимаете, долю Бориса она выкупила, но для этого ей пришлось влезть в огромные долги, и денег на то, чтобы цивилизованно решить вопрос со мной, у нее просто не осталось.

– А вы готовы?

– К чему? – не поняла Бутакова.

– К тому, чтобы цивилизованно решать вопрос со своей долей. Вы делали заявление, что готовы ее продать?

– Я не готова ее продавать, – упрямо вздернутый подбородок Бутаковой задрожал. – Но у меня нет выхода. Через полгода, максимум год от «ЭльНора» останется только название. Бжезинский поступил мудро, продав свою долю сейчас, когда она стоит максимально дорого. Через год я смогу получить за свои тридцать три процента сущие копейки.

– В ваших словах отсутствует логика. – Воронов пожал плечами, потому что в то, что Бутакову хотят убить, не верил. Кому она нужна, курица. Уж точно не королевишне Бжезинской. – Если через год стоимость акций будет стремиться к нулю, как говорят физики, то зачем вашей бывшей подруге вас убивать? Ради будущего нуля?

– Она хочет меня убить, чтобы я не путалась у нее под ногами, – в голосе Бутаковой звучала абсолютная уверенность в своих словах. – Из-за нашего скандала у «ЭльНора» стоят все продажи, Элеоноре не хватает денег, и она винит в этом меня. И хочет отомстить, как вы не понимаете? Тем более я ушла работать в «Ганнибал», а Эдуард не скрывает, что мечтает подмять «ЭльНор» под себя. Я же, зная ситуацию в фирме изнутри, могу служить для него неплохим подспорьем. И хотя я пришла в «Ганнибал» не для этого, Бжезинская мне не верит.

– Конечно, вы пришли в «Ганнибал» строить дома, а Горохов взял вас исключительно из человеколюбия. Элеонора Константиновна, вы же взрослый человек, вы же не можете не понимать, что Эдик взял вас только для того, чтобы подобраться как можно ближе к «ЭльНору», и как только его планы увенчаются успехом, если они увенчаются успехом, – поправился он, – то вы сразу станете ему не нужны и он выбросит вас из фирмы в один момент.

– Вы не правы, – в голосе Бутаковой зазвучали близкие слезы.

– Я прав, и вы это знаете, – мягко сказал Воронов. – Элеонора Константиновна, с моей точки зрения, ваш новый работодатель представляет для вас гораздо большую угрозу, чем Бжезинская, но если у вас есть конкретные факты, то, несомненно, я готов вас выслушать.

– У меня есть факты, – сообщила Бутакова, и выслушать ее Дмитрию действительно пришлось.

Они заканчивали разговор, оказавшийся трудным, длинным и каким-то бестолковым, что ли, когда у Воронова зазвонил телефон.

– Слушай, Димка, – услышал он в трубке голос своего начальника, подполковника Ивана Бунина, – бросай все свои дела и дуй срочно в хостел «На четверых». Знаешь, где это?

– На Комсомольской, – быстро ответил Воронов, хорошо знающий городскую географию и отлично разбирающийся в отелях, хостелах и даже сдающихся внаем комнатах. – А что случилось?

– Да позвонили оттуда, что у них постоялец пропал. Оплатил номер на неделю, назавтра исчез, но они не волновались, потому как он говорил, что у него визит с возможными поездками связан, но уже десять дней прошло, а он так и не появляется и вещи не забирает, и паспорт. Чуешь, к чему я?

– Думаешь, это утопленник наш? Из «Истории»? – У Воронова дух захватило, а у стоящей рядом Бутаковой, он отчетливо видел, даже рот приоткрылся от изумления. Воронов повернулся к ней спиной. – Ладно, Ваня, я понял, еду туда.

Дальше все происходило именно так, как показывают в кино про полицейских. Приехав в отель, Дмитрий Воронов получил паспорт пропавшего постояльца. С фотографии на него смотрел человек, сильно похожий на найденный в бассейне труп, только на несколько лет моложе. Звали его Антоном Поповым, и прописан он был в маленьком поселке неподалеку от Урюпинска.

С Урюпинском было что-то связано, что-то, имеющее отношение то ли к известным анекдотам, то ли к компании «ЭльНор», только Дмитрий никак не мог вспомнить, что именно, и это его раздражало. Попов приехал в их город в последних числах августа, это значило на билете, который нашелся в его личных вещах, и оплатил одно место в комнате на четверых до шестого сентября.

Туристический сезон в это время года в их городе был почти закрыт, поэтому других постояльцев в забронированной им комнате не было. Попов переночевал одну ночь, ушел, предупредив, что у него дела, и больше его никто не видел. Седьмого сентября администраторша начала беспокоиться, но так как нужды в свободной койке по-прежнему не было, выждала еще несколько дней, решив, что постояльцу может не понравиться, если она обратится в полицию.

Администраторшу повезли в морг на опознание, и эта неприятная процедура подтвердила, что в бассейне отеля «История» был убит именно Антон Попов. Теперь предстояло выяснить, как он там оказался и к кому из работников «Истории» или «ЭльНора» мог приехать из далекого маленького поселка.

Опрос сотрудников отеля начали в тот же день. К управляющей «Истории» Наталье Удальцовой Дмитрий заехал сам, не зря она была подругой его жены.

– Привет, Натусь, – сказал он, постучав в дверь и в очередной раз удивившись, с каким вкусом была обставлена «История». – Можно к тебе?

– Ой, Митька, – она улыбнулась так радостно, что даже сентябрьская хмарь за окном немного рассеялась. Наталья Удальцова умела улыбаться, как никто другой. – Ты ко мне по делу, я правильно понимаю?

– По делу, – он покаянно склонил голову. – Я, конечно, предпочел бы пообщаться с тобой на тему твоих обожаемых мной виртуозных беляшей, но, видно, не судьба.

– Судьба-судьба, – заверила его Наталья, снова улыбнувшись. – Вот презентацию отеля проведу, отстреляюсь и все, обещаю беляши. Целую гору.

– И лепешку с яйцом, – жалобно попросил Воронов.

– И лепешку, только меня Лелька убьет, – Наталья засмеялась, будто колокольчик прозвенел. – Твоя жена же с лишним весом борется постоянно. А тут беляши с лепешкой. И вообще, это вы должны поляну накрывать. У вас Верочке полгодика исполнилось, а вы молчите, праздник зажали.

– Лелька собирается, – Дмитрий махнул рукой. – У Веры два зуба сразу режутся, она капризничает, температуру выдала аккурат на свой день рождения, Лелька не спит совсем. Ты ж знаешь, что она на работу вышла. А на няню температурающую Веру оставлять боится, вот и рвется на части, больно смотреть.

– Узнаю свою подругу. Ладно, Мить, ты ж по делу пришел, давай заканчивай ходить вокруг да около. Я про Веркины зубы и так все знаю. Случилось что-то?

– Труп опознали, – Дмитрий тоже враз стал серьезным. Наталья была женщиной деловой, что и говорить, и характером обладала решительным. Потому ей и проект такой большой доверили. Не прогадали шведы, ой не прогадали. – В вашем бассейне утопили гражданина Попова Антона Ивановича, тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года рождения. Уроженца поселка Солнечный. Знаешь такого?

– Нет. – Весь вид Натальи выражал искреннее недоумение. – Даже не слышала никогда ни о гражданине Попове, ни о поселке Солнечный. Это хоть где?

– Под Урюпинском. – Снова что-то засвербило в мозгу, заворчалось, как еж, царапая острыми иголками. Черт побери, да что же связано с этим самым Солнечным.

– Ты чего пыхтишь, Мить? Болит что-нибудь? – озабоченно спросила Наталья.

– Нет, ничего не болит. Понять не могу. Вертится что-то в голове. Этот самый Солнечный точно имеет какое-то отношение к «ЭльНору», только я никак не могу понять какое. То ли слышал я об этом где-то, то ли читал.

– Позвони Инке, – посоветовала Наталья. – Она же у нас журналист от бога, все про всех знает.

Совет был дельным, и Дмитрий решил, что обязательно им воспользуется. Предупредив Наталью, что полицейские опросят сотрудников отеля на предмет возможного знакомства с Антоном Поповым, он вышел на улицу и набрал номер Инессы Перцевой.

– Привет, светоч детективной мысли, – услышал он звонкий женский голос в трубке и непроизвольно улыбнулся. У его жены все-таки были классные подруги. – Рассказать что-то хочешь, чтобы я денежку в газете заработала, или, наоборот, спросить?

– Наоборот, – признался Дмитрий. – Но обещаю, что с меня причитается, и как только будет можно, я тебе обязательно что-нибудь расскажу, горяченькое, с пылу с жару.

– Веревки вы с Ванькой из меня вьете, – проворчала журналистка. – Ну, спрашивай, раз надо.

Через две минуты он попрощался с Инной, заверив ее, что полугодие Верочки они с Лелькой отмечать обязательно будут, и в задумчивости уставился в пространство, машинально поглаживая пальцем прохладное стекло телефона. Теперь он знал, кто из учредительниц «Эль-Нора» родился и провел детство в поселке Солнечный, вместе с убитым в «Истории» Антоном Поповым, но эта информация ровным счетом ничего не объясняла.

Приехав в отдел, он рассказал, что узнал, Ивану Бунину.

– Посоветоваться с Инкой – это ты здорово придумал, вот только она, зараза, от нас теперь не отстанет. Выпытает все, что мы знаем по этому делу, и даже то, чего еще не знаем, – мрачно заявил Иван. – Вот что, ты поезжай обратно к Бутаковой, поговори с ней аккуратно, выясни, что она знает, а после этого отправляйся к Бжезинской. У нее выпытай, что к чему. Мне кажется, неспроста этот самый Попов тут появился, и чует мое сердце, действительно нехорошие дела творятся вокруг этого самого «ЭльНора». Говоришь, Бутакова считает, что ее хотят убить? Может, и так. Надо бы за ней присмотреть, а то получим второй труп под конец квартала, упаси господи.

Однако обратно в «Ганнибал» Воронов поехал не сразу. Позвонила Лелька, озабоченно сообщила, что у Верочки поднялась температура, а в доме как назло закончилось жаропонижающее. Спорить с женой, тем более когда она пребывала в волнении, было себе дороже, поэтому Дмитрий послушно отправился в аптеку, затем отвез лекарство домой и только после этого приехал в офисное здание, в котором располагался «Ганнибал».

– Вы к Эдуарду Николаевичу снова? – с ужасом посмотрела на него секретарша Лара.

– Нет, – он кивнул на вторую дверь в приемную. – Я к Элеоноре Константиновне.

– А ее уже нет и пару дней не будет.

– Почему?

– Она уехала в Москву. У нее там какие-то личные дела, да и Эдуард Николаевич ей ряд поручений дал, так что она до пятницы в отъезде.

На календаре был вторник, и Воронов, мрачно выругавшись, пошел в офис «ЭльНора», благо располагался он через квартал.

– А Элеоноры Александровны нет, – сообщила ему секретарша Мила. – Она в Москву уехала. У нее там дела какие-то. Просила до пятницы не беспокоить.

К Бунину Дмитрий вернулся ни с чем.

– Фигурантки наши в столицу подались, – мрачно сообщил он. – И это единство в их поступках мне сильно не по душе. Как бы они в столице какую-нибудь разборку между собой не устроили.

– Да брось ты, – Иван махнул рукой. – Вечно тебе ужасы чудятся. Совпадение это. Одна в Москве родилась, может, мамку поехала проведать. Вторая в командировку отправилась. Женщины деловые, бизнесвумен, черт бы их подрал. Вот не люблю я женщин в бизнесе, не люблю. Вот у меня Ируська – наемный менеджер, и нет у нее начальственных замашек совсем. Мне так спокойнее, ей-богу.

– У моей жены начальственные замашки есть, но на мне это не сказывается, – Дмитрий радостно засмеялся. Он был счастлив всегда, когда вспоминал про жену. – Слушай, Вань, а может, и не хуже, что наши фифы обе в отъезде. Давай я до пятницы в Солнечный смотаюсь, поговорю там с местными жителями, родню Попова найду. Глядишь, и появится зацепка какая-нибудь интересная. Будет о чем с господами из «ЭльНора» беседовать.

– А что, идея богатая. – Бунин потянулся худощавым, но крепким телом, встал из-за стола. – И впрямь, поезжай, Димка. Все следы с места преступления ведут именно в Солнечный. Что-то там произошло такое, из-за чего пришлось убить гражданина Попова. Давай попробуем выяснить, что именно. И что скрывают дамы Бутакова и Бжезинская, не опознавшие труп.

* * *

Наши дни

Элла

Москва встретила ее дождем. Влажные, словно умытые улицы ясно улыбались Элле, бредущей с вокзала пешком. Отчего-то ей захотелось пройтись, остаться с утренней, «домашней»

еще Москвой один на один, как частенько бывало в молодости. Как же Элла любила этот город, свой, родной, привычный, несмотря на то что уже прошло более двадцати лет с той поры, как она уехала отсюда по распределению.

Все эти годы, суматошные, сложные, счастливые и не очень, она никогда не думала о том, что ей бы хотелось сюда вернуться, несмотря на то что московская квартира, в которой жила мама, у нее была. В «жирные» годы «ЭльНора» она была куплена, отремонтирована и обставлена.

Но семья, бизнес, настоящее и будущее Эллы жило в двухстах пятидесяти километрах от столицы. Она частенько ездила в Москву, чтобы сходить в театр, в том числе на до сих пор обожаемый ею балет, пройтись по магазинам, посетить модный вернисаж или просто погулять по старому центру, где на нее всегда снисходило спокойствие. В Старой Москве ей думалось легче всего.

Для всего этого не нужно было жить в Москве. Элле даже уютнее было в провинции с ее неспешным размеренным ритмом жизни и никуда не торопящимися людьми. Удивительно было возникшее у нее сейчас чувство. Она вдруг в одночасье осознала, что хочет снова стать москвичкой, окунуться в повседневную суматошную круговерть, когда-то бывшую для нее нормой, но основательно подзабытую.

«Я буду снова тут жить», – загадала она, не думая, как это возможно при ее нынешней непростой жизни, и пошла дальше, вдыхая прохладный, влажный воздух, будто пила живую воду.

Визит к врачу был запланирован на девять утра, поэтому домой, к маме она не поехала. Дошла пешком до Чистых прудов, позавтракала в уютной маленькой кафешке, с неожиданным в последнее время удовольствием съела сырники с маком и выпила две чашки кофе. Вкупе с утренней Москвой кофе вселило в нее нечастую теперь уверенность, что все обязательно будет хорошо.

К доктору Семенову она поехала на такси и, стоя в утренних пробках, рассматривала знакомые улицы, словно открывала их для себя заново. Это чувство нового знакомства с Москвой было колким, бодрящим, незнакомым, но отчего-то приятным. Клиника профессора Семенова располагалась тоже в центре, и Элла с удивлением, но не без удовольствия рассматривала трехэтажный старинный особнячок, отреставрированный качественно и без малейшего намека на пошлость.

Внутри все было бело, чисто, практически стерильно. Казалось, что здесь даже воздух звенит. Современный, до мелочей продуманный ресепшен, вежливые улыбчивые девушки в медицинских бело-сиреневых брючных костюмах, забранные в строгие прически волосы, минимум косметики, отсутствие колец на руках и прочих украшений за исключением скромных сережек-гвоздиков в ушах Элла оценила по достоинству. Строгую сдержанность и соответствие обстоятельствам она уважала.

Сергей предупреждал, что практика профессора Семенова очень обширна, поэтому Элла была готова к долгому ожиданию и, чтобы оно не было томительным, взяла с собой новый, недавно купленный детектив. Но ровно в девять утра ее пригласили в кабинет, и, не успев удивиться пунктуальности медицинского светила, она захлопнула непригодившуюся книжку и перешагнула порог, за которым должна была решиться ее судьба.

Элла не могла не думать о том, что, возможно, умирает. То, что ее недомогание вызвано болезнью, она даже не сомневалась. Так плохо она себя раньше никогда не чувствовала, и списывать учатившиеся приступы дурноты, головокружение и ночную потливость на нервы больше не могла. Обманывать себя было не в ее привычках. Пугало только то, что в случае болезни надеяться она могла только на маму. А та уже немолода, и о ней самой нужно заботиться. Конечно, деньги решают все, и в случае необходимости можно было бы нанять сиделку или устроиться в хороший хоспис, но их сейчас тоже не было.

Именно с такими мыслями Элла и предстала перед светлые очи Витольда Семенова. Увидев ее, грустную, с печальными глазами, он удивленно вскинул брови.

– Что с вами, отчего на лице мировая скорбь?

– От неизвестности, – призналась Элла и внимательно посмотрела на доктора, которому вверяла свое здоровье.

Семенов оказался высоким плечистым мужчиной с легкой проседью в густых волосах и внимательными серыми глазами. Пожалуй, красивым. Да, совершенно точно, красивым и каким-то надежным, что ли.

«За таким, наверное, как за каменной стеной, – неожиданно подумала Элла, невольно сравнивая стоящего перед ней врача со своим мужем, видимо, окончательно и бесповоротно перешедшим в категорию «бывший». Такой не будет сидеть и ждать, пока жена заработает на жизнь, сделает ремонт, обустроит быт и купит путевки в Ниццу. Он, наверное, сам привык командовать, и управлять, и принимать решения, цена которых – человеческая жизнь».

На глаза у нее навернулись неожиданные слезы. Они теперь вообще все время были близко, хотя особой плаксивостью она никогда не отличалась.

– Ну-ну, мне кажется, что плакать пока не от чего, – Семенов мягко взял ее под локоть и провел от двери к своему столу, перед которым стояло удобное кресло для пациентов. – Давайте знакомиться. Меня зовут Витольд Михайлович, а вас?

– Элла, – она легко вздохнула, выговаривая ставшее привычным имя, казавшееся в юности ей таким холодным и тяжелым.

– Элла? – он, казалось, удивился. – Извините, но ваше имя вам не идет.

– Я знаю, – она вздохнула, все еще борясь с подступающими слезами. – Вообще-то меня зовут Элеонора, для домашних Эля. Но мою институтскую подругу звали точно так же, поэтому для ясности и удобства мы разделили наши имена. Я стала Эллой, она Норой. Хотя дома я так и осталась Элей, конечно.

– Нора... Как у Ибсена. Красиво, конечно, но как-то непрístupно. Не по-домашнему. Эля гораздо лучше. Разрешите я буду звать вас Элей?

– Конечно, – она улыбнулась. – Вы вообще можете звать меня, как хотите. Я сопротивляться не буду, особенно если вы меня вылечите.

– Разумеется, вылечу. – Он снова улыбнулся, веселые лучики морщинок побежали от углов глаз к вискам, будто пытаясь спрятаться в седых, соль с перцем, волосах. Серые глаза смотрели внимательно и сочувствующе, и Элла вдруг поняла, что тонет в них. Снова закружилась голова, но это головокружение было не болезненным и одуряющим, а отчего-то приятным. – Вы не похожи на смертельно больную, утешу вас сразу. У вас какие-то неполадки со здоровьем, но мы все поправим, я вас уверяю. Итак, Эля, расскажите, на что вы жалуетесь?

Она подробно и обстоятельно изложила все симптомы так не вовремя навалившейся на нее болезни. Семенов слушал внимательно, иногда задавая уточняющие вопросы, делая пометки в большой белоснежной тетради, лежащей перед ним на столе, брал небольшие листочки для назначений, делал в них непонятные пометки и снова спрашивал, снова слушал. Впервые за последний месяц Элле было хорошо и спокойно на душе.

– А вы работаете без медсестры? – вдруг спросила она, осознав, что ее удивляет в этом кабинете.

– Отчего же. Прием я веду с медсестрой, но сейчас у нас не прием, а первая беседа, знакомство. Когда я решу, что именно надо с вами делать, то отдам вас в надежные руки своей медсестры Анастасии Ивановны, а пока мы с вами беседуем, она занимается другим пациентом. У меня вообще много персонала, и репутация у клиники нормальная, – сообщил он. Серые глаза смеялись, и Элла сконфузилась.

– Я вовсе не это имела в виду, – запротестовала она и вдруг расстроилась, что доктор Семенов намерен передать ее какой-то неведомой Анастасии Ивановне.

– Я знаю, – успокоил он ее. – Вот что, Эля, сейчас я отправлю вас к терапевту, затем на УЗИ внутренних органов и на томограф. Головушку вашу магнитно-резонансным способом изучим, чтобы уж сразу все плохое исключить, раз вы так волнуетесь. Завтра с утра придете сдавать анализы, только чур на голодный желудок. Если вам негде остановиться в Москве, то можете остаться у нас. Палаты у нас очень комфортные, сравнимые с пятизвездочным отелем. Правда, стоят так же. Еду можно заказать в палату, если выходить никуда не хочется. Ну что, уйдете или останетесь?

– Останусь, – решительно сказала Элла. Маму о своем приезде она не предупреждала, чтобы та особенно не волновалась из-за дочкиных проблем со здоровьем. Да и усталость навалилась неожиданно, связывая руки и ноги, повисшие безвольными плетями. Элла чувствовала себя, как путник, добравшийся до придорожной харчевни и упавший на пороге в полном изнеможении. – Вы не беспокойтесь, Витольд Михайлович, я вполне платежеспособна. По крайней мере пока.

– Я не сомневаюсь, – голос профессора звучал чуть суше, чем раньше. Он снова внимательно посмотрел на ее безвольно обмякшую в кресле фигуру и решительно сказал: – Вот что, пожалуй, анализ крови мы у вас возьмем прямо сейчас. Вы завтракали?

– Да.

– Давно?

Элла посмотрела на швейцарские часики, облежавшие ее запястье. Он тоже посмотрел на них и невольно улыбнулся. Да, деньги на палату в его клинике у пациентки явно были.

– Час назад.

– Что ели?

– Сырники с маком и сгущенкой и две чашки кофе.

– С сахаром?

– Да. И со сливками.

– Что ж, хорошо, – он отчего-то потерял руки. – Сделаем анализ сейчас и завтра утром натошак. Сравним показатели. Что ж, Эля, я вас сейчас передам своим помощникам. А вечером обязательно зайду проведать. Вы не возражаете?

– Нет, не возражаю. – Элла смотрела ему прямо в невероятные серые глаза, и ей казалось, что в них отражается бушующее в ней пламя. Ей почему-то хотелось прикоснуться к крепким плечам под тонкой тканью бело-сиреневой докторской рубашки, ощутить стальную твердь мышц, и в этом желании крылось что-то настолько неприличное, что Элла густо покраснела. Так густо, как не краснела со студенческих времен, старательно вытравив из себя эту привычку.

Он с легкой усмешкой смотрел на ее зардевшееся лицо, будто знал что-то не подвластное ей. И столько силы было в его взгляде, неожиданно тоже нескромном, совсем не докторском, а мужском, оценивающем, что бушующий в ней пожар стал еще сильнее. Горячая волна, зарождающаяся где-то в глубине, поднималась снизу вверх, заливая желудок, сердце, легкие, горло и голову, не давая дышать, мешая произнести хоть слово, отключая сознание.

Элла попыталась вскрикнуть, чтобы запустить воздух в охваченную жаром грудь, но не успела, потому что потеряла сознание. Семенов еле-еле успел ее подхватить.

Глава девятая

Наши дни

Дмитрий Воронов

Поселок Солнечный вопреки своему названию встретил майора Воронова проливным дождем. Пронизывающий ветер гнал по улице желтые и красные листья, от луж поднимался пар, от которого разбитые тротуары казались укутанными туманной дымкой. Сильно пахло яблоками. От их мощного сладкого аромата начинала кружиться голова. Через заборы были видны яблони во дворах. С части из них урожай уже был заботливо собран, но кое-где ветви были еще увешаны налитыми плодами, которые, падая, устилали землю хрустящим под ногами ароматным разноцветным ковром.

Дом, где жил Антон Попов, Воронов нашел довольно быстро. В местное отделение полиции он, по некотором размышлении, решил не обращаться и обойтись собственными силами. Покосившийся деревянный домик выглядел уныло и даже обреченно. Жалобно скрипнула калитка, лениво забрехал облезлый, клочкастый, сразу видно, что старый, пес, привязанный к ветхой будке грязной перетертой в нескольких местах веревкой.

У входа в дом стояли корзины с собранными яблоками, глянцевыми, мокрыми от недавнего дождя, как будто забытыми и никому не нужными. На веревках висело промокшее, спутанное ветром белье, которое постирали, но отчего-то не убрали, отдав на откуп осеннему ливню. На двери висел большой амбарный замок.

Воронов остановился, в нерешительности почесав затылок. Хозяев явно не было дома, и он прикидывал, что лучше – пойти по соседям или все-таки отправиться к местным полицейским за подмогой и информацией. Снова заскрипела калитка, и во двор заглянул невысокий хлипкий мужичонка лет шестидесяти.

– Ты что здесь делаешь? – спросил он неожиданно густым басом, отчаянно не вязавшимся с его обликом. – Вот я сейчас полицию вызову. Шарят и шарят по дворам охламоны. Чисто стервятники. Узнали, что в доме беда, и слетелись, чтобы падалью поживиться. Ну-ка убирайся отседова, а то шамальну сейчас, не доводи до греха.

Мужичонка действительно вытащил из-за спины охотничий дробовик, и Дмитрий примирительно поднял обе руки, словно сдаваясь.

– Я не стервятник, я из полиции, – сообщил он и, достав из кармана удостоверение, протянул его мужичку. Тот подошел поближе, уткнулся в протянутый документ носом, видимо, плохо видел, забормотал под нос, чуть ли не по слогам.

– Во-ро-нов Дмит-рий, – прочитал он и секунду-другую постоял, видимо, обдумывая прочитанное. – Уп-рав-ле-ни-е УВД по городу. – Он снова замолчал, немного подумал и поднял на Дмитрия слезящиеся светлые глаза: – Так это ж от нас далеко.

– Шарик маленький, – сказал Дмитрий, убирая удостоверение обратно в карман. – Земной шарик, я имею в виду. Так что все относительно близко, хотя страна у нас действительно большая.

– Так ты из того города, где Тоху убили, – понял вдруг старичок. – Мать его ищешь? Так в больнице Аннушка. Как про сына-то весточку получила, так и слегла. Увезли ее по «Скорой» в ЦРБ нашу, говорят, гипертонический криз. А я так думаю, удар у ей случился, а врачи просто лечить не хотят или нечем им. А в область переводить – связи нужны, а откуда у Аннушки связи. Вот ты скажи, могут у простого человека нужные связи быть или не могут?

Дмитрий признался, что про связи не в курсе, и поинтересовался у мужичка, как того зовут.

– Иван Савельевич я, сосед ихний, – он кивнул головой на запертый дом. – Я к Аннушке как раз в гости зашел, наливает она мне иногда, жалеет, добрая она, Аннушка-то. Вот я зашел,

она мне борща налила, хлеба отрезала, самогону налила, а сама во двор пошла белье развешивать. Говорит: «Некогда мне, Савельич, с тобой балабонить, мне еще яблочное варенье готовить». Тоха у нее очень яблочное уважал, вот она и затеялась, чтобы к его приезду успеть. А тут из полиции нашей и пришли с сообщением, что Тоху убили. Аннушка как услышала, так и упала, где стояла. Вот мы ее в больницу-то и отравили, я дом запер, теперь хожу, проверяю, чего тут и как.

– Иван Савельевич, а вы знаете, зачем Антон отправился к нам в город? – поинтересовался Воронов, радуясь, что собеседник оказался словоохотливым, да и семью покойного Попова, похоже, знал достаточно хорошо. – Вы же верно подметили, что далековато мы от вас находимся. Что это ему у нас понадобилось?

– Того не ведаю, – старичок пожал плечами и зябко поежился. – Может, ко мне пойдем? У меня, правда, выпить нечего, но чаю согрею. В такую промозглость, как нынешняя осень, чай – первейшее дело, хотя с Аннушкиного самогону-то теплее бы было. Хотя ты ведь на службе. Поди не пьешь?

– Не пью, – подтвердил Воронов, не уточняя, что спиртное не берет в рот не только на службе, но и в принципе. Слишком много мутного и темного в его жизни было связано с алкоголем. – А за чай спасибо. Пойдемте.

Он был рад тому, что разговор продолжится в теплом доме, где большая, явно недавно побеленная печь щедро делилась жаром и запеченной в ней картошкой. Картошка оказалась вкусной. Рассыпчатой, посыпанной крупной солью грубого помола и политой растительным маслом с ароматным запахом семечек. Она показалась успевшему проголодаться Дмитрию лакомством, достойным настоящего гурмана.

– Ты ешь, ешь, – Иван Савельевич быстро, но без лишней суеты подкладывал Воронову в тарелку новые картофелины. – В нашей землице картошка знатная растет. Я, как жена моя померла, один живу. Разносолов у меня нет, но не бедствую. Картошка своя, огурцы мне Аннушка в кадушке засолила, вот из больницы вернется, капусту заквасим. Проживем. Хотя без Тохи-то тяжело ей будет. Хоть и неровная у него судьба, да все ж сын. Царствие ему небесное. Эх, жаль, что помянуть нечем. Не по-людски.

– А соседка ваша знала, куда и зачем сын ее уехал? – спросил Воронов.

– Да куды там, – старик махнул рукой, с сожаленьем посмотрел на стол без бутылки, нацепил на вилку соленый рыжик, отправил в рот, прожевал молча. – Тоха сказал, что дело у него, мечта всей жизни вот-вот сбудется. Аннушка-то обрадовалась, что он работу наконец нашел, да лишнего спрашивать и не стала.

– Что, у вас в поселке с работой плохо? Раз Попов без работы сидел.

– Да с работой нонче везде невесело. А его чаще не брали, что судимый. Хотя он работающий парень был, Тоха-то. И непьющий. То есть за столом употреблял, компанию поддерживал, но так чтобы запойно, то нет. Не водилось за ним такого.

– Судимый? – в деле появлялись новые обстоятельства. – За что? И как давно вернулся?

– Да почитай уж двадцать лет, как вернулся. Дело-то давнее, – старик подцепил еще один гриб. – А за что? За драку. Подрались они, ну он в пылу ссоры себя-то и не помнил. За нож схватился.

– Убил?

– Нет, бог миловал, не допустил такого греха на душу. Ранил только. Так что дали Антону немного, три года. Да и вышел он раньше, за примерное поведение помиловали. Но след остался. И в биографии, и в душе.

– А враги у него были?

– Враги? – старичок засмеялся неприятно, скрипуче, как будто пенопластом по стеклу провел, Воронова даже передернуло от неожиданности. – Враги-то, милый ты мой, у всех есть. Человек, пока живет, обязательно врагов плодит. Без этого уж никак.

– Таких, чтобы убить? Попова ведь убили, вот я и спрашиваю, был ли кто-то, кто мог желать ему смерти. Например, отомстить за что-то.

– Был, – признал старичок. – Правда, давно. То уж быльем поросло. Но если тебе интересно, историю ту давнюю, через которую Антон и в тюрьму попал, я тебе расскажу. Погоди, чаю плесну только.

Под горячий ароматный чай, в котором плавали листики мяты и пахло густым ее ароматом, сосед Поповых рассказал внимательно слушающему Дмитрию о событиях более чем двадцатилетней давности.

С самого детства у Антона Попова был закадычный друг. Звали его Василием Лукьяновым. Мальчишки жили недалеко друг от друга, ходили в одну группу детского сада, а затем и в один класс, были не разлей вода, играли в одни игры и увлекались одним и тем же. Вдвоем собирали сначала пробки, мода на которые появилась в те годы, затем марки, затем значки. Вместе остывали к одному занятию и перекидывались на другое. И, как можно было ожидать, полюбили в одну и ту же девочку.

Была она на год младше, чем Попов и Лукьянов, много лет бегала вместе с ними по дворам и лазала в колхозный сад за яблоками, но внезапно, в одно лето вытянулась и расцвела, так что оба парня оказались жертвами попавшего в них своей стрелой Амура.

Антон к тому моменту уже учился в институте, в Солнечный приехал только на каникулы, и тут из-за девушки мужская дружба дала трещину. Парни рассорились настолько, что как-то перед дискотекой в поселковом клубе подрались, решая, с кем из них пойдет танцевать их зазноба. В порыве драки откуда-то взялся нож, которым Попов и ударил Лукьянова в живот. Рана, к счастью, оказалась несмертельной, но достаточной для того, чтобы против Антона Попова было возбуждено уголовное дело.

Состоялся суд, на котором Лукьянов, уже выписавшись из больницы, свидетельствовал против своего бывшего друга. Антона осудили и отправили в колонию, хотя его мать несколько раз ходила домой к Лукьяновым, унижалась, умоляя, чтобы они забрали заявление против сына. Тогда адвокату удалось бы добиться для Антона более мягкого наказания. Но и сам Василий, и его родители стояли насмерть, считая, что наказание должно быть максимально строгим. Услышав приговор, Антон заорал, что после того, как выйдет на свободу, Лукьянова изпод земли достанет и ему отомстит.

– И как? Отомстил? – с интересом спросил Воронов.

– Так некому к тому моменту уже мстить-то было, – спокойно сказал старик и, тяжело вздохнув, начал собирать пустые тарелки. – Антона отправили в тюрьму, а Ваську забрали в армию. Тогда как раз война была, афганская, ну и попал Лукьянов в самое пекло под Кандагаром и там погиб. В поселке много судачили, что нельзя было другому яму рыть, что он Тохе судьбу поломал, и это ему самому боком-то и вышло. Еще на Аннушку косо смотрели, мать Васькина орала, что та ведьма, на Ваську порчу навела. Но Аннушка – человек светлый, не могла она так поступить. Это уж бог сам распорядился, зная, что нехорошее у Васьки нутро, черное. Прости меня, господи, что я так о покойнике.

– А девушка в итоге кому досталась? – поинтересовался Дмитрий. – Она-то в конфликте между Поповым и Лукьяновым на чьей стороне была?

– Да ни на чьей. Она про это все и знать не знала. Она ж школярка была, выпустилась да в Москву уехала, в институт поступать. Потом перед первым сентября за вещами зимними домой вернулась и на дискотеку эту злосчастную пошла, где Антоха с Васькой из-за нее сцепились. Они на суде-то слова не сказали, почему между ними ссора вышла, чтобы зазнобу свою не тревожить. Ее и в милицию не вызывали и не спрашивали ни о чем. Конечно, она на каникулы-то домой приезжала, но в зимние вроде в первый год как раз заболела, мать к ней сама ездила. А к лету уж и Ваську похоронили, и вокруг Тохи шум поутих. Так что я даже не уверен,

что она в курсе, что все эти, как говорят, разборки из-за нее были. Да и потом сюда она больше не вернулась, мать забрала в Москву жить, так что Антон, когда вернулся, ее уже не видел.

– А что, он так и не женился?

– Нет, – старик пожевал ввалившимися морщинистыми губами. – Все говорил, что другой ему не надо. А раз на этой жениться невозможно, так бобылем и останется. Их тогда обоих сильно на ней переклинило. Васька-то тоже сам не свой ходил, даже у матери ейной фотокарточку выпросил, с которой в армию ушел. Сгинула вместе с ним в войне фотокарточка эта. В общем, любили они ее. Правда любили. Через нее у обоих жизнь-то наперекосяк и пошла. Антоху-то из института выперли, конечно. Не учился он потом больше, не работал. Почитай, и не жил по-настоящему.

– А девушку как звали? – полюбопытствовал Воронов, сам не зная зачем.

– Чудное у нее имя было. Элеонора. Уж зачем ее мать так назвала, председательша наша, я не ведаю. Видимо, потому, что звучало красиво. Так-то для нас всех она была просто Эля. Эля Яблокова.

* * *

Наши дни

Нора

Москва вызывала раздражение. Вообще-то Нора любила город, который привыкла считать родным, но сейчас ее раздражала и внезапно показавшаяся бессмысленной суеда на улицах, обилие машин, и вечные пробки, и серое тусклое небо, пропитанное дождем напополам с бензином, и такие же тусклые люди с мрачными, угрюмыми, невыспавшимися лицами.

«Ничего не поделаешь, придется привыкать к Москве заново» – подумала Нора с некоторым даже болезненным удовольствием. Когда все закончится, когда все, что она задумала, будет позади, все, чему суждено рухнуть, рухнет, а все, чему суждено построиться, окажется возведено, она вернется сюда жить. Сюда, в Москву, где все когда-то начиналось. Провинция, конечно, имеет свое очарование, но с нее достаточно. И этого очарования, и тех запутанных, очень сложных отношений, которые она оставит за спиной. Надо же, ее муж обьелся груш. А казалось, что они будут женаты вечно, и в самом страшном сне ей бы не приснилось, что он может пойти наперекор ей. Странно это все. Хотя на муже свет тоже клином не сошелся.

Нора потянулась всем телом, ощущая приятную истому в мышцах. Минувшую ночь она провела с любовником, не очень молодым, но совершенно неутомимым. Ну надо же, знала его столько лет, а никогда не думала, что этот плотно сбитый, начинающий лысеть мужик настолько роскошен в постели. Изобретателен, бесстыден, вынослив. За все двадцать с лишним лет семейной жизни ей ни разу не было настолько хорошо с мужем. Что ж, еще один жизненный урок, еще один щелчок по самолюбию. Интересно, а Эллу, которая тоже рассталась с мужем, кто-нибудь трахает? Скорее всего, эта дурочка наложила на себя самовольную схиму. С нее станется.

Нора самодовольно улыбнулась, ощущая свое превосходство над простушкой Эллой. Так было в юности, и так будет всегда. Потому что это правильно. При мысли о ней брови ее недовольно сошлись на переносице. Известие о том, что подруга-врагиня тоже уехала в Москву, было тревожным. Во-первых, чего это ее сюда понесло, когда она должна сидеть на работе и прикладывать усилия, чтобы показать, какая она незаменимая. И вот на тебе, сорвалась с места, отправилась покорять столицу. Или ей на балет захотелось?

Легкая улыбка тронула тщательно накрашенные полные губы. Пристрастие Эллы к балету, лишь усиливающееся с годами, казалось Норе глупостью, нелепой блажью. Но эту чумичку вполне могло понести на какую-то премьеру. Надо посмотреть афишу, чтобы вычис-

лить, куда может отправиться эта дура, чтобы случайно не встретить ее, если самой Норе тоже захочется выйти в свет.

Хотя ей не захочется. Зачем? Если любовник приехал вместе с ней, значит, все самое увлекательное будет происходить здесь, дома. Оглянувшись, не видит ли мама, она погладила себя по высокой груди, ставшей вдруг необычайно чувствительной к прикосновениям. Закрывает глаза, представляя, будто это ЕГО пальцы ласкают ее через тонкий шелк блузки и кружево лифчика. Застонала чуть слышно от пронзившего ее желания. Боже мой, какая она дура, столько лет потеряла на глупую супружескую верность.

И все-таки зачем приехала в Москву Элла? Она должна чувствовать себя плохо. Иначе просто и быть не может. Нора выяснила у сидящей в приемной секретарши, что Элла в последнее время болезненно выглядит. Мол, бледная, и голова у нее кружится. Симптомы были правильные, нужные. Вот только для того, чтобы все и дальше шло по задуманному Норой плану, Элла должна оставаться в их городе и каждый день ходить на работу. Поездка в Москву если и не срывает этот план, то затягивала его реализацию. А это было не нужно и опасно.

Нора снова потянулась, разгоняя кровь по венам. Ну, вернуть Эллу домой дело нехитрое. С этим можно справиться в два счета. Парочка телефонных звонков, и она пойдет в стойло, как послушная выдрессированная корова. Нора сделала зарубку на память – не забыть организовать эти самые звонки. Максимум послезавтра Элла должна уехать из Москвы. Это важно. Такое дело нельзя пускать на самотек. Впрочем, на самотек вообще ничего нельзя пускать, а потому ей самой тоже придется вернуться домой. Маму проведала, на Москву посмотрела, рабочие вопросы решила и назад. Держать все под контролем.

Нора вздохнула. Тяжело все время руководить. События махнуть на все рукой, забраться с любовником в койку и отдаться на волю чувствам, простым, животным, не требующим участия ума, очень велик, но не получится. Она понимала, что и любовнику нужна только до тех пор, пока есть шанс через нее получить доступ к большим деньгам. Очень большим. Не будет у нее денег, и любовник бросит ее тут же, уйдет, не оглянувшись. Нора была достаточно цинична, чтобы это понимать. Все рассказы о неземной любви и внезапно вспыхнувшей страсти – для наивных дурачков типа Эллы.

Конечно, на этом мужике свет клином не сошелся, но и любому другому она в ее возрасте будет нужна только вкуче с деньгами и никак иначе. А этот уж больно хорош. Нора снова погладила себя по груди, вызывая в памяти картинку ночного безумства, чуть сильнее сжала пальцы, снова застонала, ощущая, как горячая волна заливают низ живота. Господи, да когда же он уже вернется с какой-то дурацкой, так не вовремя назначенной встречи. Мама, конечно, не поймет, если они посреди белого дня запрутся в спальне, но Норе уже много лет было совершенно безразлично, что именно подумает мама.

Ожидание было настолько мучительным, что Нора усилием воли переключила свои мысли на другую тему, неприятную, почти болезненную. Желание сразу пропало, как будто унеслось мутным внутренним потоком. Что делать с дочерью? В последний месяц Нора физически ощущала, как тает последняя близость между ней и ее девочкой. Ее кровинкой. Ее продолжением.

Впрочем, она никогда не была сумасшедшей мамашкой. Выполняла все, что положено, лечила сопли и ангину, возила на море, вытирала попу, варила супы и каши. Но всегда признавала очевидное – она рождена не для того, чтобы быть матерью. Нора не признавала точки зрения, что дети – главное предназначение женщины. Если есть семья, нужны дети. Если они рождаются в материальном достатке, значит, их легко можно скинуть на руки мамок-нянек и видеть, только целуя на ночь, как испокон веков было заведено в дворянских семьях.

Если денег не густо, то через сводящую с ума круговерть пеленок, сосок, детской смеси, экземы, бессонных ночей и нескончаемых воплей нужно просто пройти, оставив ее позади. Раз в жизни, два, три, не важно. Пройти и забыть.

Ей повезло, что муж любил детей. Если бы он мог, то заставил бы Нору родить целый выводок, но на это она, разумеется, не пошла. Зато и по ночам он дежурил, и по первому воплю вставал, и коляску толкал по засыпанной снегом улице, и пеленки стирал, этого не отнимешь. Так что материнство никогда не доставляло ей особых хлопот, и настоящие проблемы начались только сейчас.

Кто бы мог подумать, что взрослая дочь станет для Норы источником постоянной головной боли. Кто бы мог подумать, что она, вслед за отцом, встанет на сторону Эллы, обвинив мать в предательстве и отказавшись с ней общаться. Нехорошо это, неправильно. Нора ощущала эту неправильность каждой клеточкой своего тела. Конечно, пока еще слухи по городу не поползли, но рано или поздно в споре с дочерью ее не обвинит только ленивый. Хотя к этому времени она уже будет жить в Москве, и ей станет наплевать на любые пересуды. Если все получится. Нет, так нельзя говорить. Когда все получится! Иначе и быть не может.

А дочь со временем все поймет. Вырастет из своего юношеского максимализма, поживет без денег, поймет, каково это, и приползет к матери просить прощения и финансовой поддержки. Не на отца же ей рассчитывать, в самом-то деле. Из того бизнесмен как из дерьма пуля. Так что ничего, что дочка сейчас дуется и разговаривает с матерью «через губу». Большое, как говорится, видится на расстоянии.

Раздался звонок, послышались материнские шаги, молодые, не шаркающие, и не скажешь, что ей уже за семьдесят, молодец мамуля, хлопнула входная дверь, послышался знакомый голос, от которого у Эллы быстрее забилось сердце и моментально стали влажными руки. Снова шаги, теперь уверенные, тяжелые, мужские, раздались в коридоре, который вдруг показался Норе слишком длинным. Она в нетерпении повернулась к арке, отделяющей гостиную от коридора. Ее новый мужчина шагнул через порог, раскрыл свои объятия.

– Соскучилась? – спросил он, и она замерла от глубокого, густого тембра его голоса. – Иди ко мне.

Она калачиком свернулась у него на груди, чувствуя одновременно экстаз от его прикосновений и глубокую затаенную боль, от того, что он никогда не будет принадлежать ей полностью, так, как принадлежал муж. Этот мужчина был совсем другой породы – самоуверенный самец, живущий сам по себе и не подчиняющийся ничьим прихотям. Охотник. Игрок. Укротитель. Он – лишь гость в ее жизни. Гость, рассчитывающий на теплый прием и богатое угощение. Транзитный пассажир. Не больше.

Слезы на губах смешались с его теплым дыханием. Он слизнул их и тут же больно укусил ее за губу, заставив вскрикнуть и забиться в его объятиях, то ли от боли, то ли от наслаждения, она и сама не знала. Черное и белое, подлость и счастье, мечты и предательство, боль и удовольствие смешались в ее жизни так прочно, что разделить их уже не представлялось возможным.

«Я живу здесь и сейчас, – сказала самой себе Нора. – И мне все равно, что будет потом. Я приняла решение изменить свою жизнь. Я приняла решение уничтожить Эллу и избавиться от ее присутствия. Я приняла решение и буду следовать ему до конца, чего бы мне это ни стоило. И этот мужчина, который оказался в эти минуты моей жизни рядом со мной, дан мне богом. В наказание или в награду, я узнаю позже. А сейчас я просто не буду про это думать».

– Пойдем в спальню, – хрипло сказала она. – Никогда не понимала, зачем маме комната, в которой невозможно запереть дверь. Пойдем скорее, я слишком долго тебя ждала.

Он засмеялся неестественным смехом, в котором Норе послышалось что-то дьявольское, подхватил ее на руки и зашагал в сторону спальни. Хлопнула за его спиной дверь, и Нора перестала слышать хоть что-то, кроме издаваемых ею самой стонов.

Глава десятая

Наши дни

Дмитрий Воронов

Дмитрий подводил первые итоги своего расследования, которое, конечно, не буксовало на месте, но двигалось с большим скрипом. И так, что мы имеем на сегодняшний день? Некий Антон Попов в юности был влюблен в свою подружку детства Элю Яблокову. Девушка о его чувствах вроде как не догадывалась, закончила школу, уехала в Москву в институт, домой уже не вернулась, по распределению попала в родной город Воронова, где вместе с институтской подругой основала успешную строительную фирму.

Парня, по всей видимости, зацепила серьезно, потому что за зазнобу свою он влез в драку, ранил человека ножом, отсидел в тюрьме и вышел на свободу. При этом на суде он пообещал отомстить тому человеку, с которым дрался, но, пока Попов отбывал заключение, его враг погиб в Афганистане. Месть не удалась, более двадцати лет Антон безвылазно сидел в своем родном поселке, перебивался случайными заработками и так и не женился, объясняя матери, что однолюб и не может забыть Элю. Глупость, конечно, ломать себе жизнь из-за девушки, с которой у тебя даже ничего не было, но каждый, как известно, сходит с ума по-своему.

Спустя двадцать пять лет Попов вдруг объявляет матери, что ему нужно уехать, потому что он нашел свою мечту, и отправляется в город, где теперь живет и работает Эля Яблокова. Случайность ли это или он каким-то образом узнал новую фамилию и место жительства Эли? Как? Посылал запросы? Кто-то рассказал? Кто и когда?

Факт остается фактом. Попов приезжает в город, и его убивают на объекте, который строит фирма Эли. При этом сама Элеонора и остальные сотрудники «ЭльНора» его не опознают, заявляя, что никогда в жизни не видели убитого в отеле «История» человека. Врут? Если да, то зачем?

Повторный опрос сотрудников «ЭльНора», который Воронов провел, пока его совладельцы (будь они неладны) были в Москве, снова ничего не дал. Имя Антона, равно как и его прижизненная фотография, взятая в доме Поповых, ничего никому не говорили. Мила, секретарша Бжезинской, утверждала, что в приемную «ЭльНора» Попов никогда не приходил и никого из руководства не спрашивал.

Камеры... В холле и коридорах «ЭльНора» были расположены камеры видеонаблюдения, и если Попов все-таки приходил в фирму, то это обязательно было зафиксировано. Значит, нужно попросить Олега Меркурьева отсмотреть записи последних дней перед убийством. Однако, как выяснил Воронов, начальник службы безопасности «ЭльНора» уволился несколько дней назад, а где он живет, не знал никто, кроме Бжезинской, которой не было на месте. Номер телефона, который Меркурьев дал Воронову, оказался отключен. Новый же начальник службы безопасности был где-то на объекте, и повидаться с ним Дмитрию тоже не удалось.

Или Попов все-таки действительно не приходил в «ЭльНор»? Но как он оказался на сдающемся объекте? С кем у него была назначена встреча в бассейне? И главное – за что его убили? Несмотря на то что туман потихоньку рассеивался, ответа на эти вопросы у следствия не было. Немного подумав и посоветовавшись с Иваном Буниным, Дмитрий вызвал к себе в кабинет на беседу вернувшихся из столицы Бжезинскую и Бутакову, причем одновременно. На данном этапе своего жизненного пути дамы терпеть не могли друг друга, а потому, находясь в некомфортном для себя соседстве, могли сболтнуть что-то лишнее.

Первые минуты встречи показали, что его план может удалиться. Бывшие подруги смотрели друг на друга с нескрываемой злобой, Бжезинская пересилила себя и поздоровалась, хоть и сквозь зубы, а Бутакова и вовсе отвернулась, предпочитая хранить ледяное молчание.

«Разница в воспитании, – мимолетно подумал Дмитрий. – Одна просто физиологически не может не поздороваться. Привычка въелась в нутро так, что и не вытравишь». И сухим официальным голосом сообщил:

– Я пригласил вас сегодня сюда, чтобы выяснить, отчего вы мне солгали.

Обе дамы недоуменно уставились на него, и он опять же машинально отметил, насколько они все-таки разные. Стройная холеная блондинка Бжезинская, с умело покрашенным, хоть и немного бледным лицом, и кругленькая темноволосая пышка-простушка Бутакова с заметными синяками под глазами. Болеет, что ли, или спала плохо?

– В чем мы вам солгали? – спросила Бжезинская, подняв изящно очерченные брови. – Я, конечно, могу говорить только за себя. Но точно знаю, что при наших предыдущих встречах не сказала вам ни слова неправды.

– Когда вам предъявляли для опознания тело мужчины, найденного вами, Элеонора Константиновна, – он сделал легкий кивок в сторону хранящей молчание Бутаковой, – вы обе, – он сделал упор на последнем слове, – сообщили, что не знаете и никогда не видели этого человека.

– Но это действительно так, – Бжезинская снова подняла брови. Ее высокий открытый лоб остался при этом неизменно гладким, как бывает у женщин, использующих ботокс. Дмитрий знал об этом. Лелька, создавшая салон красоты, ему про это рассказывала, да и сама делала себе инъекции. Говорила, что хочет нравиться мужу. Дурочка, да он ее и без всякого ботокса ни на кого не променяет.

Мысли привычно съехали на жену, и Дмитрий, поймав себя на том, что начинает подурачки улыбаться всякий раз при мысли о Лельке и о полугодовалой Верочке, заставил себя вернуться к теме беседы.

– Мы установили личность погибшего. И смею вас заверить, что одна из вас, дамы, его хорошо знает. Точнее, знала раньше. – Теперь две пары глаз – серые и небесно-голубые – смотрели на него вопросительно и чуть тревожно. – Его зовут Антон Попов.

В глазах не изменилось ничего. Ни искорки понимания, узнавания, тревоги или ужаса не промелькнуло в них. Неужели одна из двух дам такая прекрасная актриса? Или правда не помнит своего детского друга.

– Антон Попов, – повторил Воронов. – Житель поселка Солнечный.

Одна из дам задумалась. В ее глазах отразилась некая работа мысли. Название поселка ей явно о чем-то говорило, и мозг теперь стремительно обрабатывал плескавшуюся в нем информацию. А вот вторая вдруг осела в кресле, охнула, закрыла лицо руками.

– Господи, да это же Тося, – глухо сказала она. – Вот ведь как встретились. – И, отняв ладони от ставшего смертельно бледным лица, потребовала: – Послушайте, майор. Вы должны найти того, кто убил Тосю.

– Найдем обязательно, – заверил Дмитрий. – Даже не сомневайтесь. А вы знаете, что этот ваш Тося из-за вас подрался и сидел в тюрьме?

– Что-о? – изумление в серых глазах совершенно точно было не наигранным, как и неприкрытое любопытство в голубых глазах бывшей подруги. Глаза эти внезапно стали детскими, распахнутыми, в них плескался свет, и Воронов вдруг понял, за что много лет назад погибший Антон Попов так сильно влюбился в эту женщину, тогда еще совсем девочку. В ней было что-то настоящее, не сравнимое с лоском, глянцем, ботоксом и прочими глупыми женскими ухищрениями. – К-как подрался? Как в тюрьме? Мама мне ничего никогда не говорила. Я не знала, правда. С кем он подрался?

– А Василия Лукьянова вы помните?

– Н-нет. А это кто?

– Это человек, с которым подрался Попов. Из-за вас. Они оба были в вас влюблены.

– Влюблены? В меня? – Она вдруг засмеялась звонким, похожим на рассыпавшийся жемчуг смехом. – Уверю вас, это невозможно. Я в детстве была таким пацаном в юбке, вечно пере-

мазанная и с разбитыми коленками. Я действительно предпочитала играть с мальчишками. И с ровесниками, и постарше. У нас была такая бандитская компашка, мы и яблоки воровали из чужого сада, и на плоту катались, и по оторвавшимся льдинам на реке прыгали. Вполне возможно, что среди моих товарищей был этот самый Василий Лукьянов. Но я его не помню. Я даже имена одноклассников своих стала забывать. Так давно это все было, что и не припомнишь.

Вторая подруга смотрела на нее с легкой брезгливостью на лице. Как уже успел выяснить Воронов у всезнающей журналистки Инессы Перцевой, детство второй совладелицы «Эль-Нора» разительно отличалось от детства первой. Разбитых коленок и перемазанного личика в нем точно не было.

– Антона Попова вы же вспомнили.

– Честно говоря, я фамилию не помню. Она действительно простая была, это да. Имя помню, потому что оно такое чудное было, девчачье. Ну и еще потому, что он мне тоже нравился. Такой взрослый, высокий, красивый, серьезный, почти студент-медик.

– Из института его из-за той драки исключили. Ладно, детские воспоминания и детские влюбленности оставим на потом, – вздохнул Воронов, который отчего-то поверил, что его собеседницы действительно не встречались с Антоном Поповым перед его гибелью. Ну не сыграть такое, будь ты хоть сто раз артистка. – Я сейчас вам подпишу пропуска и отпущу. Элеонора Александровна, вы задержитесь, пожалуйста.

Бутакова покинула кабинет так стремительно, как будто за ней гнались. Воронов еще раз отметил ее красные глаза с набрякшими мешками под ними. Плакала или не спала? Как узнать? А главное, нужно ли это узнавать. Он тяжело вздохнул и посмотрел на спокойно сидящую перед ним Бжезинскую.

– Вот какой у меня к вам вопрос, Элеонора Александровна. Не знаете ли вы, как мне найти вашего бывшего начальника службы безопасности?

– Меркурьева? – Бжезинская немного удивилась неожиданному вопросу. – Конечно, знаю. Олег живет в моем загородном доме.

– Вашем доме? – теперь пришла пора удивляться Дмитрию Воронову.

– Ну, не совсем доме. У меня на участке есть гостевой дом, флигель. Вот его сейчас занимает Олег. Я наняла его для того, чтобы он меня охранял. На работе есть служба безопасности, и там мне точно ничего не угрожает. Весь день я на людях, в общественных местах, где на меня вряд ли нападут, а живу я за городом, и так получилось, что совсем одна. Это, знаете ли, страшновато, особенно сейчас, когда вечера уже темные. А Олегу я доверяю.

Что ж, в этом была определенная логика, которая объясняла в том числе, и почему Меркурьев уволился с работы. Всему коллективу было необязательно знать, что он теперь телохранитель директора. Это вызвало бы ненужные сплетни и пересуды, тем более что гендиректриса «ЭльНора» действительно была очень красивой женщиной.

– Элеонора Александровна, вы не против, если я с ним переговорю? Он мне нужен в рамках расследования дела об убийстве Антона Попова.

– Поговорите, я не против. Боже мой, это убийство. Это действительно ужасно.

– Любое убийство ужасно, Элеонора Александровна. Всего доброго. Вы имейте в виду, что с вашего разрешения я наведаюсь к Меркурьеву.

– Олег – взрослый человек и может принимать гостей без моего разрешения. До свидания.

В усадьбе Ланских, где неподалеку располагался поселок Элеоноры Бжезинской, Воронов бывал не раз. Здесь директорствовала замечательная женщина Татьяна Ивановна, а на ее не менее замечательной дочери Лере был женат лучший друг Воронова Олег Золотов.

Татьяна Ивановна жила неподалеку от усадьбы, но дом Бжезинской располагался чуть дальше от дороги, в элитном поселке, отгороженном от обычной жизни надежным шлагбау-

мом и будкой охранников. Впрочем, удостоверение Воронова открывало любые шлагбаумы, и охранники даже любезно показали ему, как проехать к участку Бжезинской.

– Вы в курсе, что у нее жилец новый? – спросил Дмитрий невзначай. – Вы вообще такие вещи отслеживаете?

– А как же. У нас тут все строго. – Лицо охранника было открытым и каким-то детским, что ли. Впрочем, элитный поселок – не военная база. Особой заварухи случиться не может. – Жильцы за охрану платят немалые деньги, так что должны быть уверены, что мимо нас муха не пролетит. А у Элеоноры Александровны на участке Олег поселился. Охранник ее. Когда она на работе, он к нам приходит за жизнь побалакать. Иногда в город ездит, в магазин поселковый ходит. Камеры у нее на участке расставил, по уму, кстати, все сделано. Сразу видно, мужик серьезный.

На Воронова Меркурьев при их первой встрече произвел такое же впечатление серьезного мужика. Поэтому понять, что именно заставило его поменять стабильную работу начальника службы безопасности солидной фирмы, требующую общения с людьми, на жизнь волка-одиночки, наемного телохранителя, большую часть дня скучающего в деревенской глуши, казалось Воронову важным.

Дмитрий прошел по аккуратной, обрамленной соснами поселковой улочке, оставил машину на стоянке у шлагбаума. Поселок укутывала осенняя безмятежность. Клены с багряными листьями, благородно желтеющие дубы, все еще зеленые кроны рябин, разбавленные красными гроздьями похожих на бусы ягод, белый песок дорожек, кованые, кирпичные, металлические заборы, просторные дома, обилие окон без ставней, резные вьюшки каминных труб, разноцветье крыш, ухоженные участки с фонариками вдоль причудливо петляющих дорожек, декоративные пруды, отсутствие выставленного напоказ ежедневного быта... Ни тебе белья, сохнувшего на веревках, ни неухоженных дровяных поленниц, ни ржавых старых ванн, вкопанных в землю для сбора дождевой воды. Здесь все дышало стабильностью, покоем, удобством, обеспеченностью большими деньгами.

Дом Бжезинских, в котором теперь обитала одна Элеонора, оказался не очень большим, зато элегантным. Чуть в стороне от основного участка, среди мини-парка из все тех же кленов и рябин стоял дом поменьше, видимо, тот самый флигель, отданный в пользование Меркурьеву. Сплошного забора вокруг участка не было, он был огорожен причудливой резной вязью, стоившей наверняка целое состояние, поэтому словно погруженный в спячку дом и окружающее его пространство, тоже очень стильное, комфортное, продуманное до мелочей, можно было рассмотреть без всякого труда.

На деревянном настиле у пруда стояло кресло-качалка, в котором лежал позабытый владельцем клетчатый плед – уютный и мягкий, что было видно даже на расстоянии. По воде бежала мелкая рябь, подгоняемая сентябрьским ветром, и плавали принесенные тем же шутником-ветром листья, красные, зеленые, желтые, как лодки в какой-то небывалой регате.

Надо признать, что и дом, и участок очень подходили своей стильной и элегантной хозяйке, но Дмитрий не мог не увидеть, как разительно он отличается от загородного дома, выстроенного его Лелькой, – добротного, деревенского, где пахнет пирогами и яблоками, где трещат настоящие дрова, привезенные из ближайшего леса. Впрочем, наверное, глупо сравнивать надежного, верного, доброго лабрадора с мальтезе, причесанным в элитном салоне. У Вороновых был именно лабрадор, подобранный когда-то Лелькой в приюте для животных. Какая собака была у Бжезинской, и была ли вообще, он понятия не имел, но мальтезе ей подходил.

Что-то твердое уперлось Дмитрию в спину, аккуратно между лопаток, и он с изумлением понял, что это ствол пистолета.

– Руки. – услышал он. – Медленно поднимаем руки за голову. Затем делаем шаг вперед и поворачиваемся ко мне мордой. И без фокусов, а то выстрелю.

Голос принадлежал Меркурьеву. Несмотря на то что разговаривали они всего один раз, Воронов сразу его узнал.

– Да ты что, это я ж, – начал он. – Ты что, меня не узнаешь, что ли. – И, не поднимая рук, повернулся на знакомый голос, не желая ставить себя в унижительное положение.

Удар по голове не дал ему договорить. Осеннее разноцветье, только что разглядываемое через витую кованую решетку, сменилось бело-черным изображением, а затем и вовсе наступила темнота, в которую Дмитрий провалился, успев удивиться, что черный цвет, оказывается, не имеет оттенков.

* * *

Наши дни

Элла

Обследование в клинике доктора Семенова внезапно напомнило отпуск. За проведенные там три дня Элла выпалась и отдохнула так, как у нее получалось лишь на море. После первого обморока здоровье ее неожиданно пошло на улучшение. Исчезла вязкая, опутывающая руки и ноги дурнота, перестала кружиться голова.

От обморока она пришла в себя только в палате – просторной, с окном во всю стену, сквозь которое виднелась московская улица с движущимися по ней машинами и людьми. Стекло, видимо, было звуконепроницаемым, потому что шумы улицы не нарушали тихого уединения палаты. Все в ней было окрашено в нежные пастельные тона и оттенки. Мягко-зеленые стены оттенялись сиреневым ковром на полу, сиреневыми же шторами, бежевой обивкой диванов и кресел, сливочным абажуром настольной лампы. Высокий пушистый ворс ковра глушил шаги. Здесь даже говорить хотелось шепотом, и все казалось мягким и уютным, как застиранный любимый старый свитер, который Элла иногда надевала зимой, когда за окнами был трескучий мороз.

Центр доктора Семенова дарил обманчивое чувство защищенности и покоя, и Элла, немного подумав, решила позволить себя обмануть. Хотя бы ненадолго. Она чувствовала, что ей необходима передышка. Очнувшись, она покорно сдала все анализы, затем, вернувшись наконец в палату, с внезапным аппетитом съела очень вкусный обед, приготовленный из каких-то незнакомых на вид продуктов. Полезных-преполезных, как ее заверила принеся его медсестра. Затем она уснула и неожиданно для самой себя проспала почти до восьми часов вечера, после чего почувствовала себя способной спуститься на ужин в небольшой ресторанчик при клинике. Назвать это помещение больничной столовой у нее бы язык не повернулся.

Она съела кусок приготовленной на пару рыбы, политой непонятным, но очень вкусным соусом, несколько помидоров черри, не тех безвкусных, похожих на пластмассовые, которые продавались даже в самых дорогих и элитных супермаркетах, а настоящих, пахнущих солнцем, имеющих помидорный вкус, которые она встречала только в Италии и по которым тосковала на родине. Даже вино – дорогое красное сухое вино, сделанное из винограда, собранного все в той же Италии, здесь полагалось к ужину, и Элла, вообще-то совсем равнодушная к спиртному, с удовольствием выпила бокал, мерцающий рубиновыми оттенками на свету от нескольких хрустальных люстр. Нет, здесь, в клинике, все было сделано по высшему разряду.

– А иначе нельзя, – шепнул ей в ухо мягкий голос, и Элла подпрыгнула от неожиданности. У нее за плечом, улыбаясь, стоял сам Семенов. Без белой врачебной куртки, в дорогих джинсах и стильном мягком свитере он выглядел еще более брутальным и красивым. Не мужчина, а загляденье. Элла и загляделась. – Пребывание в нашей клинике стоит недешево, поэтому наши пациенты должны быть уверены, что за свои деньги получают все самое лучшее. И отношение персонала, и обследование, и лечение, и кухню, и окружающую обстановку, способствующую максимальному релаксу. Большинство современных недугов от нервов, стрессов, переутомле-

ния. Вы ведь замечали, что самые упорные болячки в отпуске отстают и проявляются лишь при возвращении на работу? Вот мы и стараемся дать нашим пациентам возможность полностью расслабиться.

– Вы волшебник? – Элла с изумлением расслышала в своем голосе нотки кокетства, в общем-то ей несвойственные. – Откуда вы знаете, что я именно про это думаю?

– Ваши мысли написаны у вас на лице, – рассмеялся он, взял с подноса бокал с вином, с полупоклоном передал его Элле, а сам взял второй, покрутив его в длинных, тонких, очень ухоженных пальцах. Руки у него были красивые, под стать всему остальному.

– Всегда считала, что умение скрывать свои мысли – моя сильная сторона. – Элла тоже рассмеялась, чувствуя, как ей отчего-то становится легко, хотя обычно она не любила пустых разговоров с малознакомыми людьми. – Доктор, вы рискуете понизить мою самооценку.

– Ничего с вашей самооценкой не сделается. Насколько я вижу, вы – очень уверенная в себе дама. – Он легонько прикоснулся своим бокалом к ее, чокнулся и сделал глоток, с удовольствием смакуя вкус вина, перекатывая его на языке.

Элла, не отрывая глаз, следила за ним, поймав себя на мысли, что перестала дышать, столько эротики было в движении его пальцев, губ, гладко выбритых щек. Нужно было сказать самой себе правду – доктор с редким именем Витольд ей очень нравился. Впервые за много лет Элла думала о каком-то другом мужчине, кроме мужа, именно как о мужчине. И мысли эти были приятными, волнующими и немного нескромными.

– Она идет по жизни, смеясь, – сказала она, тоже делая глоток, давая вину свободно стечь по горлу и чувствуя его прохладу и легкую терпкость. – Помните такую песню из нашей молодости?

– Вы всегда будете молодой, Эля. – Семенов неожиданно наклонился и поцеловал ее пальцы, держащие бокал. Она дернулась, пролила вино. Красная дорожка побежала по его светло-серому свитеру.

– Ой, простите, я не хотела.

– Если уж мы заговорили о культурных кодах тридцатилетней давности, то вы должны сейчас сказать: «Снимайте ваш свитер, я возьму его с собой, простирну его в «Новости». А я должен вам ответить: «Ну ей-богу, если вы сию секунду не замолчите, я сожгу этот свитер на ваших глазах».

Элла невольно расхохоталась.

– В общем, бог с ним, действительно отстирается. Хотите пирожное? У нас очень вкусные эклеры.

Элла с сомнением смотрела на стоящую на столе тарелку с малюсенькими эклерчиками, которые действительно выглядели очень аппетитно.

– Вообще-то я не ем сладкое, тем более вечером, – сказала она.

– А вот это очень зря. Судя по результатам анализов, проблемы со здоровьем у вас вызваны очень низким содержанием сахара в крови. У вас гипогликемия, Эля, и нам в ходе обследования еще предстоит выяснить, чем она вызвана, но эклер можете съесть. Он вам не повредит.

С покрасневшими щеками, хохочущая, она казалась Семенову очень хорошенькой. Не богиня, конечно, обыкновенная, земная женщина из плоти и крови. Но в глаза посмотришь – утонешь. Казнь египетская, а не глаза. Бездонные омуты, в которых камнем идешь на дно, даже не надеясь на спасение. Ему с детства нравились именно такие женщины. Как сказала бы мама: абсолютно твой типаж. Он представил маму – маленькую, по-юношески стройную, с задорной короткой стрижкой абсолютно седых волос, с неизменной сигаретой, зажатой между безукоризненно покрашенными губами или между тонкими пальцами с безупречным маникюром и тщательно подобранными массивными кольцами. Смотрящую на сына чуть иронично, но с доброй улыбкой, – и тоже улыбнулся, нежно-нежно, как с детства привык улыбаться маме.

– Когда вы улыбаетесь, у вас морщинки вокруг глаз разбегаются, словно солнечные лучики, – доверительно сказала Элла. – И вы становитесь совсем не строгим, словно и не доктор вовсе.

– Да я вроде и так не строгий, – Семенов, казалось, растерялся. – Вон советую эклер съесть.

– Нет, эклер я не хочу. Правда, я не люблю сладкое. Равнодушна совершенно к любого вида сладостям. Если можно, давайте еще вина выпьем. Оно вкусное, а я так редко пью вино...

Он послушно взял со стола еще два бокала.

– Если хотите, можете даже напитокся.

– А как же завтрашнее обследование?

– Перейдет на послезавтра.

– Нет-нет, мне нужно быстро все сделать и вернуться домой, – тяжело вздохнула Элла. И кто бы мог подумать, что перспектива напитокся и провести завтрашний день бесцельно, потратив его на похмелье, вдруг покажется ей такой заманчивой. – Давайте мы с вами как-нибудь напьемся вместе. Только в другой раз. Хорошо?

– Обещаете?

– Обещаю.

– Ловлю на слове. Ладно, Эля. Тогда идите в палату и ложитесь отдыхать. Завтра у вас обследование. Это тяжело, особенно с непривычки. Вам нужно выспаться.

– Да я уже выспалась. До ужина проспала чуть ли не пять часов. Даже странно. У меня в последнее время проблемы со сном. А тут спала так, как будто меня убили. И не снилось ничего. Я, если честно, погулять бы сходила. В этом году такая осень удивительно красивая. Мне даже странно. Вот и не тепло, и бабьего лета не было, и дожди почти весь сентябрь идут, а я все время отмечаю, какая вокруг красота. От разноцветья листвы у меня прямо дыхание останавливается, и это впервые в жизни, хотя осень ведь каждый год бывает. Странно я говорю, да?

– Я понимаю. – Семенов немного помолчал, словно принимая решение. – Знаете что, давайте сейчас допьем вино и пойдем гулять по осенней Москве. Вы любите Москву?

– Люблю. Всегда любила. Но в этот приезд, впервые за долгие годы, я отчего-то чувствую себя здесь как дома. Хотя уехала отсюда много лет назад и не пожалела ни разу. Странно это. Вообще все странно, что вокруг происходит. Как будто не со мной.

Она сходила в палату за плащом и спустилась в холл, где ее уже ждал одетый в толстую кожаную куртку Семенов. Они молча брели по вечерней, залитой огнями улице, загребая ногами не убранные ленивым дворником или снова успевшие упасть листья. Разговаривать не хотелось. Но молчание не тяготило Эллу, совсем наоборот, от него становилось легче, будто лопались в душе невидимые пузырьки горя и боли, растворяя свое грустное содержимое в кипящей крови. Элле даже казалось, что она слышит легкий звон лопающихся пузырьков, как в закипающем в медном тазу сладком варенье. В детстве она больше всего любила лакомиться снятой с него пенкой.

Впервые с момента раскола «ЭльНора», расставания с мужем и ссоры с Норой она испытывала если не покой, то хотя бы умиротворение и гадала, вдыхая холодный влажный воздух. Что было тому причиной – неожиданный отдых, хорошее самочувствие, от которого она уже отвыкла, или бредущий рядом мужчина? Высокий, широкоплечий, надежный, напрочь лишенный суетливости, уверенный в себе. Интересно, сколько ему лет? Она бы дала не больше пятидесяти, может, даже чуть меньше, но внешность, как известно, бывает так обманчива.

Она искоса поглядывала на его профиль. Он шел, засунув руки в карманы своей куртки, которая очень ему шла и, как успела отметить Элла, была не из дешевых, и смотрел то ли вперед, в уходящее вдаль пространство улицы, то ли вглубь себя. О чем он думал, она не знала, но в выражении его словно высеченного из камня лица была и затаенная грусть, и какая-то

непонятная ей тихая радость, и смелость, словно он только что раз и навсегда принял какое-то важное для себя решение.

В полном молчании прошли три квартала, свернули направо, потом в какой-то узкий переулок, где совсем не было машин, зато росли каштаны, щедро усыпанные коричневыми плодами, совсем как в Париже. Элла, привыкшая перемещаться по городу исключительно на машине, уже чувствовала, как устали ноги, зажатые узкими ботильонами.

– Устала? – он взял ее под руку, внезапно перейдя на «ты». – Вон подъезд уже виден. Сейчас отдохнешь.

– Какой подъезд? – не поняла Эля. По ее представлениям, до клиники было ходу еще минут десять.

– Моего дома. Я тут живу. Приглашаю тебя в гости. Зайдешь?

На мгновение Элле стало страшно, как перед прыжком в воду с большой высоты. Где-то далеко внизу качалась водная гладь, кажущаяся твердой и негостеприимной. Казалось, что об нее можно расшибиться насмерть. Интересно, женат ли он? Если да, то где его жена. А если нет, то, может, доктор Семенов всех своих пациенток приглашает в свою квартиру. Элла глубоко вдохнула холодный, немного горьковатый от аромата каштанов воздух и все-таки «прыгнула».

– Да. Зайду.

В темном коридоре квартиры, кажется, достаточно большой, он снял с Эллы плащ, а затем, не останавливаясь, очень аккуратно стянул через ее голову тонкий кашемировый свитер с высоким горлом, который она несколько лет назад привезла из Милана, потянул вниз молнию на юбке. Та упала к ногам, словно сдаваясь на милость победителя. Элла переступила, как стреноженная лошадь, освобождаясь от ставшей ненужной юбки. Семенов опустился на колени, снял с ее ног ботильоны, погладил шелк колготок, поцеловал сначала одно ее колено, потом другое. Элла никогда не думала о том, что колени могут быть эрогенной зоной. Оказывается, она была не права.

Она задрожала, нетерпеливо шевельнула бедрами, словно прося не останавливаться. Тогда он стянул с нее мешающие колготки, с восторгом присвистнул, по достоинству оценив кружевные фестоны белья, стоившего примерно четыре средние российские зарплаты (когда-то в прошлой жизни она, как совладелица «ЭльНора», могла себе позволить такие траты), взял ее на руки и пошагал куда-то вглубь квартиры, не включая свет.

Очутившись на широкой, кажущейся нескончаемой кровати, Элла на мгновение осталась одна, тут же испугалась собственной смелости, с которой нырнула в это так не вязавшееся с ней приключение, но он не дал ей шанса передумать, мгновенно оказавшись рядом. Элла так и не поняла, когда он успел полностью раздеться, но сняв с нее белье, являющееся практически произведением искусства, он без всякого почтения бросил его куда-то в угол и тут же накрыл ее своим большим тяжелым телом.

– Я помню, чем кончалась песня нашей с тобой молодости, – сказал он. – «И без исключения, все с восхищением смотрят ей вслед. И не замечают, как плачет ночами та, что идет по жизни смеясь».

Ответить ему она уже не смогла, потому что он закрыл ее рот поцелуем. И довольно долго тишину темной комнаты, освещаемой только уличным фонарем под окном, нарушали лишь стоны мужчины и женщины, которым было хорошо друг с другом. Этой ночью Элле совершенно точно не хотелось плакать.

Глава одиннадцатая

Наши дни

Дмитрий Воронов

Вначале появился свет. Неяркий, немного тусклый, осенний, он не резал глаза, а был, пожалуй, приятен. Настолько, что вынырнувшему из небытия Воронову даже захотелось сказать ему: «Здравствуй». Затем в поле зрения попали листья. Красные, желтые, чуть пожухлые, они плавали в мутной, покрытой рябью воде, которая, как вспомнил Дмитрий, называлась лужей.

Мысль о том, что он лежит в луже, показалась Дмитрию несправедливой. Он завозился, пытаясь осмыслить свое положение в пространстве, и результатом этого движения стали попавшие на глаза мужские берцы. Качественные, высокие, тщательно зашнурованные, они нетерпеливо переминались рядом, видимо, в ожидании, когда Воронов придет в себя.

– Ну, слава богу, а я уж решил, что грохнул тебя ненароком.

Раздавшийся сверху веселый голос был знакомым. Кажется, он принадлежал Олегу Меркурьеву, бывшему начальнику службы безопасности фирмы «ЭльНор», ради встречи с которым Дмитрий отправился в поселок неподалеку от усадьбы Ланских. Кстати, в усадьбе осень всегда была самым красивым временем года. Тьфу, что за глупости в голову лезут...

Дмитрий кряхтя сел и пощупал свою голову, наполненную глупыми мыслями. Она не болела, не кружилась, но была какой-то чужой, словно ее наскоро приладил к телу не очень умелый мастер.

– Руку давай. Ты встать-то сможешь или все-таки «Скорую» вызвать?

– Не надо мне «Скорую». – Воронов медленно поднялся, проверяя, насколько в состоянии удерживать вертикальное положение. Получалось вполне сносно. Удостоверившись в том, что падать обратно в лужу не придется, он перевел дух и посмотрел стоящему рядом Меркурьеву прямо в насмешливые глаза. – Ты что, слурел? Ты зачем меня ударил?

– Ну, извини, я со спины не понял, что это ты. Вижу, человек незнакомый возле участка ошивается, рассматривает все. А мне посторонние люди, шарящие возле дома Элеоноры, все, как один, кажутся подозрительными. Я незваных гостей страсть как не люблю. Позвонить нужно было, раз уж я тебе понадобился.

– Я звонил, – огрызнулся Воронов. – Кто ж виноват, что ты не только место дислокации сменил, но еще и номер телефона.

– Ладно, проехали. Извини еще раз. Рефлекс сработал. Очень я за Элеонору переживаю. Я и так себя все время виноватым чувствую, а если еще и с Элеонорой что случится, так я себе до конца дней не прощу.

– А в чем ты виноват? – уточнил Дмитрий, чувствуя, что способность соображать вернулась полностью. – Что мужика в бассейне убили?

– Что? Мужика? Нет, к мужику я никаким боком. Я все думаю, мог ли я уберечь «ЭльНор» от распада или не мог? Понимаешь, служба безопасности – это ж не только охранники и камеры наблюдения, это еще и работа с экономическими рисками. Я должен был первым почуять, что у них с отношениями неладно. Знал же, что Бутакова завистью исходит, что не она первая, не она – королева. Видел, что Борис – слизник и трутень. Привык всю жизнь за бабской спиной прятаться. Знал, а ничего не сделал. В результате у «ЭльНора» проблемы, у Элеоноры проблемы, и я просто хребтиной чую, что ей угрожает опасность. Ты меня пойми, как мужик мужика, не чужая она мне.

Одетый в охотничью «зеленку» Меркурьев с его простецким лицом никак не вязался в сознании Воронова со стильной до кончиков наманикюренных пальчиков Элеонорой Бжезин-

ской. Они не могли быть парой, никак не могли. Глядя на его растерянное лицо, Меркурьев махнул рукой:

– Нет-нет-нет. Ты правильно пойми. Я для нее никто – охранник. Читай, слуга, – в его голосе послышалась горечь. – Ей ровня нужна. Директор там какой, депутат, министр, принц, я не знаю. Я – дворовый пес, которого пока приютили у крыльца, чтобы дом охранял. Ты не думай, я свое место знаю. Просто люблю я ее. Вот все про нее и про себя знаю, а все равно люблю. Давно.

– Олег, а ты сколько лет в «ЭльНоре» работаешь?

– Да почитай, почти семь. – Меркурьев задумчиво почесал затылок. – Я тогда из органов ушел, с женой развелся и переехал в этот город, чтобы пейзаж сменить. Узнал, что в «ЭльНор» начальник службы безопасности требуется, пришел наниматься, Элеонора меня взяла. А я ее увидел и, что называется, пропал.

Рассказ не вязался с обликом Меркурьева, но Воронов по собственному опыту знал, что в жизни бывает всякое. Сложнее она наших самых смелых представлений о ней.

– А старый начальник службы безопасности куда делся? – спросил он, чтобы сменить скользкую тему. Смущать Олега ему не хотелось.

– А шут его знает. То ли запил, то ли заболел... Я не интересовался, если честно. Есть работа, и слава богу.

– Что ж ты сейчас со своей работы ушел?

– Так я ж говорю. Не вправе я там больше находиться. Косяк вышел с развалом «ЭльНора». Мой косяк, значит, я профнепригоден стал. Нужно освобождать дорогу молодым. А далеко от Элеоноры оторваться сил нет. И ругаю себя, и уговариваю, все без толку. Вот и напросился в сторожа-охранники. Она в таком огромном доме одна осталась. Муж сбежал, дети далеко, страшно ей, хоть она вида и не показывает, а тут я подвернулся. Естественно, что она согласилась. И ей спокойнее, и мне.

С точки зрения Воронова, объяснение было немного натянутое, но ловить Меркурьева на неискренности не хотелось. Даже если он по совместительству еще и утешает оставшуюся без мужа дамочку в постели, то это их дело. Люди взрослые. Его это не касается.

– Слушай, Олег, я так-то к тебе по делу приехал, не за сплетнями, – сообщил он. – Скажи, ты точно раньше того мужика, что в бассейне убили, в офисе «ЭльНора» не видел? Он, похоже, специально в наш город приехал, чтобы с одной из совладелец фирмы встретиться.

– С которой? – Меркурьев внезапно охрип, и Дмитрий с жалостью подумал, что скрутило мужика любовью не на шутку. Надо же, а с виду и не скажешь, что такой здоровый детина может так влюбиться. Хотя всего полтора года назад он сам влюбился так, что совсем соображать перестал, а ведь думал, что уже никогда-никогда с ним такого не случится.

– Да не важно это в данный момент, – он с досадой махнул рукой. – Мне бы камеры посмотреть. Вдруг на них этот самый Антон Попов есть. Ты мне скажи, вы записи с камер сколько времени хранили?

По лицу Меркурьева прошла неясная тень.

– Записи мы год хранили, – мрачно сказал он. – А как новый начальник распорядился, я не знаю. Ты бы его спросил, ей-богу. Я с собой записи не забирал. Все преемнику своему передал, чин-чинарем. Хотя я тебе скажу, что все записи за две недели до убийства в отеле просмотрел. Мне тоже в голову мысль пришла, что мужик этот в офис зачем-то приходил. Поэтому я завтра после случившегося внимательно все прокрутил на всякий случай. Не было его в «ЭльНоре». Впрочем, проверь еще раз, я только за. Надежнее будет. В таком деле лучше перебдеть.

От любезно предложенного Меркурьевым чая Воронов отказался. До конца дня нужно было еще успеть вернуться в офис строительной фирмы и все-таки скинуть на флешку записи с видеокamer. Не то чтобы он не доверял словам Меркурьева, скорее, наоборот, был уверен в

том, что Антона Попова на видео действительно нет, такие люди, как Олег, всегда работали на совесть, но он тоже привык доводить до конца любое начатое дело, не надеясь на случай, поэтому нужно было закончить с камерами «ЭльНора» и смело вычеркнуть их из списка.

В голове стоял легкий туман, вызывавший досаду, но Воронов решил не обращать на него внимания. Рассеется. В «ЭльНоре» он убедился, что новый начальник службы безопасности на месте, выслушал заверения, что получит все записи, но только после соответствующего разрешения Элеоноры Александровны, признал такой подход обоснованным и отправился в приемную Бжезинской, чтобы искомое разрешение получить.

Секретарша Мила улыбнулась ему открыто, как доброму знакомому. Она колдовала у открытой двери стенового шкафа, из которого шел пар, выдавая кипевший там чайник.

– Чаю хотите? – спросила она. – Я как раз Элеоноре Александровне завариваю. Она специальный чай пьет, с травками. Могу и вам налить. Будете?

– Буду. – Дмитрий тоже улыбнулся, чувствуя, что чаю, горячего, настоящего на каких-то целебных травах, действительно хочется. – Можно я с Элеонорой Александровной поговорю, а потом тут у вас чаю с удовольствием выпью?

– Можно. – Мила покраснела, аккуратно скосила глаза на правую руку Воронова и, увидев там обручальное кольцо, заметно поскущела. – В общем, чаю я налью вам, – сухо сообщила она.

В кабинете у Бжезинской он быстро объяснил, чего хочет, получил разрешение переписать записи с камер видеонаблюдения, рассказал, что ездил к Меркурьеву (умолчав про инцидент с ударом по голове) и что ничего нового не узнал.

– Вы, пожалуйста, держите меня в курсе, – устало попросила Бжезинская.

Открылась дверь, Мила вкатила столик на колесиках, споро расставила на столе стеклянный чайничек с ароматным душистым чаем, чашку с блюдцем, серебряную ложечку, вазочку с миндальными орехами и плоску с сушеными яблоками. Ни конфет, ни сахара, ни мармелада, ни меда с вареньем Бжезинской, видимо, не полагалось.

«Фигуру бережет, – с усмешкой понял Воронов. – Что ж, о такой фигуре действительно стоит заботиться».

– Вам я налила, – с достоинством сказала Мила, выкатывая пустой столик обратно в приемную. – Приходите пить.

– Сейчас приду. – Он попрощался с Бжезинской, едва ли заметившей его уход, и вышел в приемную, где на приставном столике действительно исходила паром большая чашка с чаем.

– Только у нас сахара нет, – сообщила Мила. – У нас его никто не ест.

– Я не пью чай с сахаром, – покладисто сказал Воронов, жена которого все время боролась с лишним весом и сахар к чаю считала кошунством.

Сев за стол и взяв в руки горячую чашку, Воронов вдруг заметил мающуюся в приемной нескладную долговязую фигуру. Молодой тощий парень топтался на одном месте, выказывая некоторую растерянность.

– Вы к Элеоноре Александровне? – спросил Дмитрий. – Так я ее уже освободил.

– Нет, я к вам.

Парень, которого звали Степаном Ушаковым, был новым главным инженером «ЭльНора». Он явно нервничал, переминался с ноги на ногу, словно не зная, с чего начать. Строгая Мила смотрела на него с явным неодобрением, всем своим видом давая понять, что он не главный инженер серьезной фирмы, а просто какое-то ходячее недоразумение. Видимо, в Миленной табели о рангах потенциальных женихов он котировался невысоко.

– Вы что-то хотите?

– Да. То есть нет. То есть я не знаю.

– Ну что-то вы знаете. – Дмитрий в несколько глотков допил действительно оказавшийся вкусным чай, встал и поманил Степана за собой в коридор: – Пойдем, парень, поговорим.

– Нет-нет. Я ничего не знаю. – Он послушно, как слон на веревочке, пошел за Вороновым, перебирая длинными, как у цапли, ногами. – Видите ли, мне просто показалось, что я видел здесь в офисе человека, которого тут быть не может. То есть его вообще быть не может, понимаете?

– Не очень, если честно.

– Я хотел узнать, но уже не смог и решил, что ошибся. Но мне это не дает покоя, понимаете?

– Ты случайно не этого ли человека видел здесь в офисе? – с проснувшимся интересом спросил Воронов и, достав из кармана, показал Ушакову фотографию Антона Попова.

– Нет, этого человека я совсем не знаю. Я вообще не уверен, что прав и что мне нужно отвлекать вас от расследования всей этой ерундой...

– Слушай, парень, ты бы не мямлил, – Дмитрий стал терять терпение, тем более что у него начала противно кружиться голова. Видимо, пусть и с опозданием, сказывались последствия удара.

– Извините, я пойду.

– погоди, – Дмитрий, проклиная свою привычку доводить любое дело до конца, придержал его за рукав пиджака. – Расскажи толком. Кого ты видел? Когда? Где?

– Понимаете, – парень выглядел совсем несчастным, – у моего папы был друг. В армии. Очень близкий друг. Точнее, двое друзей. Они втроем в Афгане не разлей вода были. Военная дружба она самая крепкая. Мне папа рассказывал. В общем, это, конечно, давно было. Более четверти века назад. Я тогда совсем маленький был. Родители рано поженились, потому что я должен был родиться, и папу в армию забрали, когда мне год исполнился.

Информация доходила до Воронова, как сквозь вату. Ушакова-старшего забрали в армию, и он попал в Афган. Во время одной военной операции его сильно ранило. Вместе с друзьями накрыло взрывной волной. Очнулся он уже в госпитале и узнал, что один из его ближайших друзей погиб, а второй был ранен, хоть и несильно. Ему осколками скалы изрезало лицо, и его отправили в Душанбе, а оттуда в Москву, убирать изуродовавшие его шрамы.

Ушаков в госпитале лечился довольно долго, затем его демобилизовали, и он вернулся домой. Своего оставшегося в живых друга он пытался найти, но безрезультатно. Тот был родом из Казахстана, воспитывался в детдоме, и, когда Союз рухнул, а связь между «братскими республиками» расстроилась, след его был окончательно утерян.

Фронтальная дружба в сердце Ушакова-старшего оставила глубокий след, и о своих друзьях он подрастающему сыну рассказывал часто и помногу. У них дома даже фотография на буфете стояла, на которой были все трое – молодые, беззаботные, лихие.

– Понимаете, – Степан заметно волновался, – мне показалось, что одного из этих двоих на фотографии я как раз тут и встретил. В коридоре «ЭльНора». Как мне кажется.

– И что? – не понял Воронов. – Что тебя так взволновало? Подошел бы и спросил. Глядишь, и помог бы своему отцу найти старого боевого товарища, с которым его жизнь по свету разбросала. Ты сам-то местный?

– Отец умер недавно. Ему уже не помочь. Я из Архангельской области. Там после института работу не мог найти, а здесь и климат лучше, и к Москве ближе. В общем, я сюда приехал, у меня тут двоюродная сестра живет, в фирму одну строительную пристроился, квартиру снял. А недавно меня Элеонора Александровна позвала к себе работать, я и перешел, потому что это ж здорово, в «ЭльНор» попасть, да еще главным инженером. Я, конечно, еще неопытный, но я стараюсь, честно-честно. А про спросить, это вы правильно говорите. Я этого человека найду и спрошу. Надо было, конечно, сразу, но я просто не понял, почему так. Видите ли...

У Воронова зазвонил телефон, он нажал на кнопку, отмечая, что почему-то у него противно дрожат руки. Звонил Иван Бунин.

– погоди, парень. Потом дорасскажешь, – хрипло сказал Дмитрий, отчетливо понимая, что, пожалуй, ему нужно на воздух. – Да, алло.

– Слушай, боец, а ты когда-нибудь слышал песню о том, что Бжезинская принимает наркотики?

– Нет, – Воронов опешил, пытаясь представить, как выглядела Бжезинская каждый раз, когда он с ней разговаривал. – А у тебя откуда такие сведения?

– Сорока на хвосте принесла. Причем ты эту сороку отлично знаешь.

– Инка, что ли?

– Она самая. Ты бы приехал, послушал тоже. Занимательнейший рассказ. Только побыстрее давай, а то ее величество торопится.

– Сейчас приеду. – Воронов широкими шагами уже направлялся к двери, но все-таки остановился, чтобы сказать Ушакову, что они обязательно договорят в следующий раз. Но того уже и след простыл.

* * *

Начало 90-х

Эля Фалери

После смерти папы жизнь стала совсем другой. Настолько другой, что Эле временами казалось, что ее детство, волшебное чудесное детство, в котором она была настоящей маленькой принцессой, всеми обожаемой и балуемой, ей привиделось.

Сначала в их с мамой доме перестали бывать люди. Если раньше редкий вечер обходился без шумной гомонящей компании маминых друзей, людей талантливых, ярких, страстных, или серьезных чинных разговоров, которые вели за круглым столом в гостиной папины коллеги-чиновники, то теперь вечера они с мамой проводили вдвоем. И не было ничего тоскливее этих вечеров, которые мама проводила, стоя у широкого окна с видом на улицу Горького, завернутая в тяжелый шерстяной клетчатый плед, привезенный папой из командировки в Англию.

Эля физически ощущала, что в квартире они живут по-прежнему втроем. Она, мама и тоска, занявшая место папы. Тоска и уныние. Именно поэтому уже в середине первого курса Эля старалась как можно меньше времени проводить дома. После учебы она задерживалась в библиотеке, готовясь к семинарам, или ехала в общежитие к Эле Яблоковой, чтобы там вместе поработать над чертежами, или вместе с Элей и другими сокурсниками отправлялась в кино, или в кафе-мороженое, или на каток.

Вторым ударом стало увольнение домработницы, их надежной, верной, незыблемой, как скала, Клавы, которая помогла им с мамой пережить первые ужасные недели после того, как папа покончил с собой, и по-прежнему тянула на себе весь их быт, несмотря на то что платить ей семья Фалери больше не могла.

Клава уволилась в марте, не глядя в глаза, сообщила, что нашла другое место, где ей обещали выбить квартиру в Москве и платить зарплату.

– Вы поймите меня, – чуть не плакала Клава, собирая свои немудреные пожитки. Все эти годы она жила в маленькой комнатке за кухней, став для Эли неотъемлемой частью интерьера. – Мне пенсию оформлять через год. А для этого стаж нужен. Да и деньги мне нужны. Я ж сестре в провинцию отправляла раньше, она одна троих детей поднимает, а вот уж почти полгода ни копейки не выслала. Маргарита Павловна, простите меня, не держите зла на дуру старую, и ты, Элечка, не сердись, я ж тебя вырастила. Ты мне как внучка.

Что-то возражать или как-то противиться Клавиному уходу мама была не в силах. Теперь она каждый день беспомощно стояла у плиты, пытаясь приготовить что-то удобоваримое для себя и дочери, но получалось у нее плохо. Котлеты пригорали, капуста в супе напоминала

проваренные тряпки, обожаемый Элей клюквенный кисель стоял склизким комом, потому что в него было положено слишком много крахмала, яичница засыхала, бифштекс превращался в подошву, молоко заливало плиту. Элины юбочки и блузки теперь всегда выглядели жеваными, а туфельки нечищеными.

Эля, которой страсть как не хотелось превращаться из принцессы в Золушку, терпеливо ждала, что мама освоит премудрую науку ведения домашнего хозяйства и как-то адаптируется к новой жизни, но чуда не произошло. Эле пришлось самой браться за пылесос, учиться нажимать кнопки на стиральной машинке, варить пельмени и орудовать утюгом.

Налаживать быт ей помогала подруга, выросшая в маленьком поселке и, казалось, умеющая все с раннего детства. В руках Эли Яблоковой все горело. Тесто всходило пышное и нежное, котлеты получались мягкими и сочными, суп наваристым и очень вкусным, кисель однородным, мясо в меру прожаренным, а каша сладкой и густой.

На втором курсе Элла и Нора вдвоем то и дело затевали пироги, терли свеклу для борща, лепили вареники с вишней, крахмалили тяжеленный тюль, в складках которого по-прежнему любила прятаться осенними вечерами Маргарита Фалери. Она усилий дочери и ее подруги, казалось, не замечала. Мама переживала очередную свою личную трагедию – уход из Большого театра.

Век балерины короток. Мама и так задержалась в театре гораздо дольше пенсионного возраста – тридцать шесть лет. Сначала ее держали в знак почтения перед всемогущим супругом, потом какое-то время из жалости и уважения к ее горю. Но когда женщины семьи Фалери отметили годовщину смерти своего кормильца и благодетеля, Маргарите пришлось уволиться из театра под гнусный шепоток, который сопровождал теперь семью повсюду. Самоубийство, финансовые махинации, позор, позор, позор, от которого Маргарите хотелось бежать, закрыв глаза и зажав руками уши.

Теперь она неделями не выходила из дома, как привидение бродила по квартире, не снимая ночной рубашки и лишь накинув сверху длинный бархатный халат. Элиных друзей, в том числе и мальчиков, отдававших дань Элиной неземной красоте, она не стеснялась совершенно. Куталась в шторы, обхватив руками чашку со сваренным Элей какао, и часами смотрела на бегущую по своим делам разноцветную московскую толпу.

Мать очень быстро располнела, перестав влезать в свои моднейшие заграничные наряды, любовно привозимые отцом из командировок. Годами отказывая себе в еде ради балета, она теперь словно наверстывала упущенное, наворачивая приготовленные дочкой разносолы. То ли мстила самой себе, то ли просто пыталась убить ту тонкой работы фарфоровую статуэтку, которая когда-то порхала по сцене, приковывая к себе восхищенные взгляды зрителей.

Эля смотрела на мать – обрюзгшую, оплывшую, с большим животом и ногами-тумбами, так непохожую на любимую, вкусно пахнущую, вечно пританцовывающую мамочку из ее детства, – с ужасом, но поделаться ничего не могла. Отец покончил с собой, мать превратилась в вечно что-то жующее чучело, с заляпанной жиром и другими пятнами грудью. Беспощадное зеркало в старинном шкафу, то самое, в котором жило чудовище, наградившее Элю в детстве сотрясением мозга, зло насмехалось и над самой Элей. То ли от горя, то ли от тяжелых будней, в ней уже тоже мало что напоминало того неземного эльфа, девочку-ангелочка, на которую с умилением смотрели знакомые. Старые наряды выходили из строя, а для новых не было ни связей, ни денег.

Однако, как оказалось, и это еще был не край беды. Следующим этапом падения в ту бездну, в которую скатывалась мама, стали мужчины. Она неожиданно начала выходить из дома, таскалась на странные полусветские тусовки, где на Маргариту Фалери смотрели, как на привидение, но по памяти еще пускали. В доме появлялись все новые и новые ее любовники, как мухи на мед слетающиеся то ли на лихорадочный блеск в материнских глазах, то ли на ее постоянную готовность к сексуальным утехам, то ли на огромную квартиру в центре Москвы,

оставшиеся от прошлой жизни драгоценности, меха и антиквариат, которые обязательно бы конфисковали, если бы отец не решил вопрос кардинальным способом.

Эля заканчивала третий курс, когда мать внезапно вышла замуж. Ее новый муж – прощелыга-журналист, приехавший покорять Москву откуда-то из тьмутаракани, моложе матери на двенадцать лет, ходил по длинному коридору их квартиры, картинно завернувшись в полотенце, еле-еле держащееся на бедрах и скорее подчеркивающее наготу, чем ее закрывающее.

Он ел приготовленную Элей еду, не утруждая себя даже такой малостью, как убрать за собой тарелку в раковину, никогда не спускал за собой воду в унитазе, оставлял хлопья пены для бритья на зеркале в ванной, и Эля внезапно для себя осознала, что из маленькой всеобщей любимицы, баловницы и капризницы превратилась в прислугу для матери и ее сожителя.

Когда же последний однажды зажал Элю в коридоре, грубо облапив ее грудь, и попытался поцеловать, а потом наглядно объяснить, что на молодое тело дочки у него встает гораздо охотнее, чем на расплывшееся до безобразия тело мамы, Эля поняла, что дома у нее больше нет.

Новому маминному мужу она заехала коленом в пах, от чего он согнулся в три погибели, завыл, заорал благим матом и потом три дня ходил, как моряк, чуть враскорячку, бледнея и морщась при каждой попытке сесть на стул. Маме он наплел, что на него напали во дворе, отобрав подаренный ею золотой перстень, когда-то принадлежащий отцу. На самом деле перстень он проиграл в карты, но это ничего не меняло. Мама, охая, делала ему примочки на причинное место, которое, видимо, очень ценила, и Эля, которой было противно смотреть на разворачивающийся перед ней мерзкий спектакль, съехала в общежитие к подруге, где нужно было вдвоем спать на одной кровати, но зато не бояться повторения приставаний со стороны маминного мужа.

Какое счастье, что вскоре жизнь ее коренным образом поменялась. Она стала женой, ценным специалистом и соучредителем собственной строительной фирмы, и главным достоинством города на Волге, куда она волею судьбы попала по распределению, были двести пятьдесят километров, отделяющие его от Москвы и от мамы с ее новым мужем.

Естественно, что года за три с небольшим он оставил маму не только без мехов, драгоценностей и антиквариата, но и без квартиры на улице Горького, к тому моменту переименованной в Тверскую. После развода и раздела имущества мама оказалась в однокомнатной квартирке в Строгино, и лишь когда дела «ЭльНора» наладились настолько, что Эля Фалери смогла позволить себе приобрести недвижимость в Москве, она купила большую квартиру в старом центре, предусмотрительно оформив ее исключительно на себя и перевезя в нее маму.

Свою однушку та сдавала, и на эти деньги, да еще на небольшую пенсию, жила. Единственным расходом на мать Эля признавала лишь зарплату новой домработнице, которая приходила три раза в неделю, поскольку иначе мать заросла бы грязью и умерла с голоду. Больше она не давала ей ни копейки, оставляя без внимания намеки, жалобы и просьбы. С детства обладая сильным характером, Эля Фалери лишь укрепила его, выйдя из всех жизненных перипетий стойкой, циничной и абсолютно безжалостной.

Глава двенадцатая

Наше время

Элеонора Первая

В последнее время она почему-то часто вспоминала детство. Беззаботное детство, в котором она каждое утро просыпалась счастливой, предвкушая радостные сюрпризы, которые принесет день сегодняшний. Никогда больше не было в ней такой легкости, как в те далекие годы, когда казалось – встань на цыпочки и полетишь.

Она пыталась вспомнить, когда впервые почувствовала тяжесть лежащего на ней груза ответственности? С какого момента она привыкла отвечать за все и за всех? За маму, за Бориса, за детей, за коллектив... Вместо ответа всплывали лишь разрозненные воспоминания из детства и институтской юности. Цельная картина не складывалась, распадалась на неподходящие друг к другу пазлы.

Говорят, что детство начинает особенно часто вспоминаться тогда, когда подкрадывается старость. Элеонора Бжезинская придирчиво осмотрела себя в зеркале. Высокий лоб без единой морщинки, подтянутые к вискам скулы, строгий и нежный абрис тонкой лепки лица... Нет, на старуху она не походила ни капельки.

А может быть, все дело в том, что она уже давно забыла, что значит жить без денег? Нет, конечно, голодная смерть ей не грозила, но свободных средств, о которых можно было не задумываться, потому что они были всегда и их хватало не только на все необходимое, но и на капризы с причудами, у нее теперь не было. Все до копейки она вложила в строительство «Изумрудного города», поставила на кон в игре, которую вела не на жизнь, а на смерть и в которой уже проиграла и семью, и дружбу.

К примеру, она не могла себе позволить слетать на выходные в Париж, к дочери. Варя очень болезненно переносила как развод родителей, так и разлад между мамой и обожаемой крестной. Каждый вечер звонила по телефону, давилась слезами, умоляла разрешить ей приехать домой. Но Бжезинская была неумолима – учеба прежде всего. Во-первых, в обучение Вари были вложены весьма солидные деньги. Во-вторых, ей хотелось удержать дочь как можно дальше от того напряжения, в котором теперь приходилось жить Элеоноре.

По-хорошему нужно было выбраться к девочке хотя бы на пару дней. Да и на самой Бжезинской парижский воздух всегда сказывался позитивно. Он действовал на нее каким-то мистическим, волшебным образом. Элеонора закрыла глаза и представила, как идет по парижским бульварам, усыпанным спелыми каштанами, которые жарят и продают на каждом углу, как подпеваешь в такт французским песенкам, лиричным и романтическим, как сама любовь, как вместе с горьковатым запахом каштанов и музыкой уносится в небесную синь тот самый груз ответственности, который она привыкла постоянно таскать с собой. Только в Париже он становился чуть-чуть менее весомым, словно растворяясь в окружающем воздухе.

Нет, от груза сейчас никуда не деться. Бжезинская нахмурила брови, отгоняя праздные, лишние мысли о покое и безмятежности, которым все равно было не суждено сбыться. Несколько дней, вернее вечеров, она штудировала рационализаторские предложения Степана Ушакова и должна была признать, что мальчик придумал, а главное, изложил все очень толково.

Проект нового микрорайона за счет цветового решения, несомненно, удорожался, но в масштабах всего строительства это были не такие уж и большие деньги. Маркетинговый же результат такого хода трудно было недооценить. Весь опыт Бжезинской вопил о том, что продажи квартир сразу вырастут, что в нынешней экономической ситуации было совсем не лишним.

Ожидая прихода Ушакова на работу, Бжезинская просчитывала в уме варианты, откуда взять деньги. В условиях жесточайшей экономии, в которой сейчас жил «ЭльНор», это было непросто. А брать еще один кредит не хотелось. Да и кто ж его даст.

В задумчивости постучав по зубам дорогой ручкой, золотым «паркером», который Борис с Элеонорой Второй подарили ей на сорокалетие, она достала мобильник и набрала номер управляющего крупным банком «Волга-кредит», давно делающего ей щедрые авансы, оставляемые Элеонорой без внимания. До последнего времени ей даже в голову не приходило интересоваться кем-то, кроме мужа.

– Здравствуйте, моя кр-ра-савица, – услышала она раскатистый голос в трубке и даже поморщилась от омерзения. – Я все гадаю, когда же мне позвонит райская птичка Элеонора Александровна, когда же снизойдет до меня, смертного. Но птичка высоко летает, все норовит в другие банки обратиться, облетает меня стороной, видимо, боится в силки попасть...

– Добрый день, – холодно поздоровалась Бжезинская, не поддерживая пошлого тона, в котором начался разговор. Видит бог, она бы очень хотела его избежать, но не получается. – Петр Аркадьевич, я бы хотела оформить в вашем банке небольшой кредит. Это возможно?

– Для себя или для «ЭльНора»?

– Для компании, разумеется. Сама я не живу на кредиты. Обхожусь тем, что заработала.

– Элеонора Александровна, дорогуша вы моя. Женщине пристало тратить больше, чем она зарабатывает. Именно это делает ее женщиной, и именно для этого существуют мужчины. Вот лично вам я бы кредит дал с удовольствием. Невозвратный, хотя и не беспроцентный. – Он сально хохотнул.

– Петр Аркадьевич, есть ли смысл мне к вам приезжать, чтобы поговорить о кредите для «ЭльНора»?

– Конечно, есть, душа моя. Ты ко мне приедешь, и мы обо всем договоримся. Если ты на мои условия пойдешь – дам денег, а нет – то извини, у тебя сейчас кредитная история не очень-то способствующая.

– И эти условия? – в голосе Бжезинской зазвучал металл.

– Ты же умная женщина, душа моя. И красивая. Я всегда мечтал иметь такую бабу, как ты. Стильную, дорогую, чтобы окружающие завидовали. Ты же у нас королева, а я тебя, королеву, на четвереньки поставлю, – он внезапно охрип и откашлялся. – Вот представил, как я тебя отдеру хорошенько, так хорошо стало... Ну что, приедешь? Конечно, приедешь, у тебя ведь выхода нет.

– Всего доброго, Петр Аркадьевич, – ровным голосом попрощалась Бжезинская. – Выход из трудной ситуации всегда там же, где вход. Так что я, пожалуй, в него и выйду. А что касается вас... Вы перед тем, как королевам подобные предложения делать, в зеркало бы на себя посмотрели, что ли... Из грязи в князи у вас не получилось, Петр Аркадьевич. Порода не та. Как были дворовой шавкой, так и помрете. Так что не подпрыгивайте излишне, в элитные кобели вы все равно не годитесь. А если в штанах от мечтаний тесно стало, то секретаршу свою отдерите. В аккурат ваш уровень...

Не слушая диких визгов в трубке, она нажала отбой и разжала мокрые пальцы. Подонка, возмнившего о себе невесть что, она на место поставила, вот только проблемы денег на цветные панели для строящихся домов это не решало.

«Так будет везде, – отстраненно подумала Бжезинская, вытирая мокрую пятерню о подол итальянской юбки, купленной в прошлой жизни за две среднемесячные зарплаты жителя их области. – Когда ходишь с протянутой рукой, будь готова к тому, что тебе будут выдвигать условия, и далеко не все из них тебе понравятся. Вернее, не понравятся никакие, но что-то окажется более приемлемым, чем торговля собой».

Телефон зазвонил, Бжезинская бросила быстрый взгляд на экран, чтобы убедиться, что это не настырный банкир, которому она только что нахамила, и вздрогнула. Звонил Борис.

– Мне необходимо, чтобы ты до конца этой недели перевела мне следующий транш, – начал он, даже не поздоровавшись. – Я доделал ремонт в помещении своего будущего ресторана, мне нужно делать предоплату за оборудование, так что поторопись.

– Вообще-то суммы, которую я дала тебе две недели назад, должно было хватить и на оборудование тоже, – сказала Элеонора, стараясь соблюдать спокойствие. – И следующий транш, как мы договаривались, должен быть только в начале ноября.

– А у меня изменились обстоятельства, – голос мужа, бывшего мужа, звучал нагло и весело. – Мне нужны деньги сейчас, и ты их мне дашь, потому что иначе я переметнусь на сторону Бутаковой. И ты это знаешь.

– Знаю я твои обстоятельства, – устало сказала Бжезинская, понимая, что его шантаж удастся. Никуда ей было не деться от его условий, это они оба знали прекрасно. – Мне вчера сказали в «Гардеробе», что ты в прошлые выходные купил у них одежды на миллион. Мне кажется, что, собираясь открыть свой ресторан, можно жить на менее широкую ногу.

– Живу, как хочу. Ты ведь в «Гардероб» ходишь, раз тебе там в уши дуют, так почему тебе можно, а мне нельзя?

«Гардероб» был самым элитным бутиком их города, в котором одевались по-настоящему богатые люди. Элеонора действительно покупала одежду либо за границей, либо там, отдавая должное качеству тканей и премиумным маркам. Однако этой осенью она еще не позволила себе ни одной обновки, и продавщицы рассказали ей про Бориса, когда звонили узнать, куда она пропала.

– Я там не была, – она почему-то начала оправдываться, хотя давала себе зарок этого не делать. – Боря, нужно стараться быть экономнее, особенно сейчас, когда и у тебя, и у меня разворачиваются проекты, требующие гигантских вложений. Деньги я тебе переведу, постараюсь в середине октября, но не раньше. У меня сейчас их просто нет.

– Не дави на жалость, – заорал он. – Это ты сама придумала строить этот идиотский комплекс, который сожрет не только все наши деньги, но и тебя саму. Вот теперь и расхлебывай ту кашу, которую заварил. Можешь хоть картофельный мешок носить вместо нормальной одежды, а я экономить на себе и своих удовольствиях не желаю. Я предлагал взять тендер на строительство детского сада. Жили бы сейчас спокойно и в ус не дули. Не захотела – плати. Поняла?

– Поняла, – сказала Бжезинская и отключилась, потому что почувствовала, что вот-вот расплачется.

В кабинет заглянула секретарша Мила, повела тонким носиком, оценивая уровень грозовой обстановки, улыбнулась успокаивающе, прошептала тонким голоском:

– Элеонора Александровна, к вам пришли. Журналистка Инесса Перцева.

Бжезинская вспомнила, что действительно назначила эту встречу. Перцева писала рекламные материалы лучше всех в городе, и Элеонора заказала цикл рекламных статей в газету «Курьер» при условии, что писать их будет именно Инесса.

Последующие полчаса она показывала рекламные буклеты и огромный макет будущего микрорайона, рассказывала про новое необычное решение, над которым они сейчас работают, перечисляла плюсы, уговаривала, обольщала и вербовала журналистку в свои ряды.

Бжезинская очень старалась быть убедительной, потому что от расположения Перцевой зависело очень многое. Та одним росчерком своего журналистского пера могла как поддержать, так и неисправимо испортить репутацию. Увлечь ее своим проектом было можно, подкупить – никогда. Инесса была женой богатого мужа, поэтому вполне могла себе позволить слыть неподкупной.

Сегодня журналистка отчего-то слушала ее, как казалось Элеоноре, не очень внимательно, не задавала никаких вопросов, зато неотрывно рассматривала свою собеседницу.

Несмотря на хладнокровие и умение держать себя в руках, Бжезинской хотелось поежиться под ее острым изучающим взглядом.

– Что-то не так? – наконец не выдержала она, но смутить Инессу Перцеву было не так-то просто.

– Все так, – мелодично сообщила она. – Элеонора Александровна, а вы хорошо себя чувствуете?

Вопрос поставил Бжезинскую в тупик. Как бы она себя ни чувствовала, журналистку это ни в коей мере не касалось. Отчего бы ей было задавать такой странный вопрос? У Элеоноры похолодело в груди и засосало под ложечкой. Знает или не знает? И если знает, то что именно? И как широко успела растрепать информацию, которая, всплыви она сейчас, обойдется Элеоноре слишком дорого? И еще важно, откуда знает? Но спрашивать нельзя, чтобы не показать, что ей это важно. Бжезинская незаметно перевела дыхание.

– Я прекрасно себя чувствую, – сказала она и ослепительно улыбнулась журналистке. – Конечно, осенью сказывается легкая хандра. Да и обстановка у нас нервная, сами понимаете. Но во всем остальном порядок. Ничего такого, с чем нельзя было бы справиться. Давайте продолжим, а то у меня мало времени.

Закончив беседу, отнявшую у нее все силы, Элеонора откинулась на спинку кресла и попросила верную Милу заварить ее волшебного чаю на травках. Больше всего на свете ей хотелось уехать домой, сесть, завернувшись в плед, у камина, взять книжку, сварить глинтвейн и читать, сидя перед большим окном, периодически поднимая голову, чтобы посмотреть на падающие листья и бегущие по стеклу струи дождя. И эклера, маленького аппетитного эклера с шоколадным кремом вдруг захотелось так сильно, что даже слюнки потекли.

Нет, не могла она позволить себе сейчас безделье. Слишком много запланированных на сегодня дел еще осталось. Она позволила себе в тишине и покое выпить принесенный Милой чай, попросила позвать Ушакова, которого отчего-то по-прежнему не было на месте, и решила выполнить еще одно неприятное дело, которое клятвенно пообещала сделать Варе и с которым нужно было разобраться как можно быстрее.

Она набрала знакомый номер на телефоне и вздохнула, как перед прыжком в воду.

– Привет, – неискренним голосом сказала она, когда второй абонент снял трубку. – Слушай, давай мириться, а? Глупости же все это. Мы с тобой и не такое вдвоем переживали. Давай начнем сначала.

Ни капельки она не верила в то, что сейчас говорила. Как там, в законе Мэрфи? «Ситуация становится необратимой, когда нельзя сказать: «Давайте все забудем»? Глупышка Варя просто не понимает, что их ситуация необратима.

– Нам не о чем с тобой разговаривать, – сообщил ей в трубке ледяной голос Элеоноры Бутаковой. – Ты предала меня всеми возможными способами. Дороги назад у нас нет. И ничего не изменится. Никогда. До самой смерти.

В ухе забились острые, разрывающие голову гудки.

«До самой смерти, – задумчиво повторила Бжезинская. – До самой смерти... Слово сказанное есть ложь... Или нет... Поживем – увидим».

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

Вчерашняя дурнота, которую Дмитрий связывал с неожиданным ударом по голове, нанесенным Олегом Меркурьевым, совершенно прошла. Этому обстоятельству Воронов обрадовался, потому что накануне еле доехал до управления, так худо ему было. Кружилась голова,

сохло во рту, двоилось в глазах, вдоль позвоночника тек тонкий ручеек пота, и лоб был влажным, и руки холодными и мокрыми, как у лягушки.

– Может, тебя все-таки врачу показать? – озабоченно спросил майор Бунин, глядя на коллегу, но Дмитрий лишь отмахнулся.

– Слава богу, мозгов нет, а то было бы сотрясение, – шутя сказал он, скрывая, впрочем, от своего начальника и друга, что чувствует себя действительно отвратительно.

Отпущенный другом и начальником, он в полном изнеможении добрался до дома, отметил, что Лелька с дочкой Верочкой ушла на прогулку, а значит, некому квохтать по поводу его бледного вида, решил улечься спать, но внезапно ощутил зверский голод и набросился на приготовленные Лелькой котлеты, ее коронное блюдо. После еды он все-таки уснул и часов в пять вечера проснулся совершенно здоровым, как будто и не было ничего.

Вернувшись с прогулки Лелька, обрадованная, что муж дома, сбагрила ему Верочку и унеслась по делам, поскольку ее драгоценный салон красоты требовал неусыпного хозяйкиного внимания. Дмитрий поиграл с дочкой, накормил ее творожком и фруктовой смесью, выкупал и уложил спать, потому что Лелька отпросилась еще и повидаться со своими подружками, после чего засел за компьютер и внимательно просмотрел записи с видеокамер «ЭльНора», отданные ему новым начальником службы безопасности. Даже от компьютера дурнота не возвращалась, ну и слава богу.

Олег Муркурьев не соврал. Антон Попов никогда не был в «ЭльНоре». Дмитрий не поленился отсмотреть записи со всех камер видеонаблюдения, расположенных в холле и коридорах фирмы, а также в приемной ее генерального директора, начиная с того дня, когда Попов уехал из поселка Солнечный.

Почему он не появился в «ЭльНоре»? Это было нелогично и непонятно, и Дмитрию казалось, что в ответе на этот вопрос кроется разгадка убийства. Попов впервые за много лет уехал из родного поселка для того, чтобы встретиться со своей первой и единственной любовью, Элей Яблоковой, из простой поселковой девчонки превратившейся в совладелицу крупной строительной фирмы. Однако в офис он отчего-то так и не пришел, зато оказался на последнем объекте, связанном с «ЭльНором», где и был убит. Кем? Почему?

Откуда он узнал, что отель «История» имеет отношение к «ЭльНору»? С кем мог назначить встречу в только что запущенном бассейне? Кого подпустил так близко, что позволил себя убить? Вернувшись из тюрьмы, он никогда не уезжал из поселка, поэтому не мог иметь врагов в далеком городе, где волею судьбы оказалась Эля. Случайно встретил кого-то из бывших солагерников? Эта версия имела право на существование, и на завтра Дмитрий с Буниным отправили запрос в лагерь, где отбывал наказание Попов, с просьбой проверить списки заключенных, не было ли среди них кого-то из их города.

– Дохлый номер. – Иван, подписав запрос, откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на затылке. Это была его любимая поза, в которой ему лучше всего думалось. – Любой из бывших эзков за эти годы мог сто раз переехать в наш город, или приехать в командировку, или проезжать мимо. Люди ездят туда-сюда, поэтому мы ищем иголку в стоге сена.

– Отработать нужно все возможности, – Воронов философски пожал плечами. – Я еще попросил выяснить, не было ли у Попова конфликта с кем-то из заключенных. Ведь просто так не убивают. И вот еще что я сделал... – Иван вопросительно посмотрел на него. – Я направил запросы на всех мужчин – сотрудников «ЭльНора», не проживали ли они двадцать пять лет назад в Солнечном, не могли ли пересекаться с Поповым или Элеонорой там.

– Сомнительно. – Иван с хрустом потянулся.

– Почему? Если этот Попов так сильно любил эту самую Элю, что за столько лет не женился и при первой же возможности рванул в другой город, чтобы на нее посмотреть, то нельзя исключать, что еще кому-то она вселила такую же сильную любовь, что он тоже переехал поближе к ней.

– И она его не узнала, – Иван скептически смотрел на друга. – Тебе бы, Митя, любовные романы писать. Слезы, сопли, все дела...

– Может, и узнала, но почему-то нам про это не говорит. Такое тоже может быть. Вот и встретились два соперника через много лет – Попов и этот, второй. И до смертоубийства и дошло. Такая у меня была версия.

– Была?

– Да, потому что никто из сотрудников «ЭльНора» в Солнечном никогда не бывал, и темных пятен в их биографиях нет. Родились, учились, служили в армии, женились, жили-поживали, устроились работать в «ЭльНор». Никогда до этого они не встречались ни с Поповым, ни с совладелицами «ЭльНора». Так что хорошая была версия, но, к сожалению, лопнула.

– Сказочник ты, Митька. И романтик. Но в твоём ладном рассказе промелькнуло что-то важное. Никак не могу понять, что именно.

– А ты постарайся. Вроде я ничего такого особенного не сказал.

– Нет, что-то было. – Бунин закрыл глаза и сосредоточился, вытягивая губы трубочкой и втягивая их обратно. Так ему тоже лучше думалось. – Вот, нашел, – он победно посмотрел на Воронова. – Ты сказал, что Попов много лет беззаветно любил свою Элю, но не предпринимал никаких попыток ее найти и увидеть, никуда из поселка не уезжал. Так?

– Так.

– И вдруг, спустя четверть века, он заявляет матери, что едет за своей давней мечтой. Получается, что он откуда-то узнал, в каком городе живет его зазноба. Откуда? Кто мог ему про это сказать?

– Вань, ты гений, – серьезно сказал Дмитрий. – Это действительно ниточка. Нужно брать в оборот Элеонору, выяснять все, в лепешку расшибиться, но выяснить, откуда Попов мог узнать, где она живет. Может, она ездила в поселок, может, мама ее, может, какие-то общие знакомые.

– Ты с ребятами в Солнечном нормально законтачил?

– Абсолютно. Я к ним после встречи с соседом заскочил, поговорил. Нормальные парни в тамошнем РОВД работают. Я понял твою мысль, позвоню им сегодня, попрошу пошуршать в этом направлении. Но знаешь, что мне не нравится?

Иван вопросительно поднял бровь.

– То, что единственным связующим звеном между Поповым и нашим городом является Элеонора. Или она – убийца, которой приезд знакомого из далекого детства оказался совсем не по нраву, или следующая жертва. И убийство Антона Попова было совершено случайно. Он просто попал убийце под горячую руку, когда тот ожидал в бассейне приезда самой Элеоноры.

– Получается, что Попов мог что-то увидеть?

– Или услышать. Понять, что его обожаемой Элечке угрожает опасность. Попытаться ее предупредить. Вот за это его и убили.

– А вокруг «ЭльНора» сейчас неспокойно, – задумчиво сказал Бунин. – Страсти кипят такие, что закачаешься. На кону такие деньги, что убить за них вполне возможно. И получается, дорогой мой друг, товарищ и почти что брат, что смерть Попова – прекрасная дымовая завеса. Пока мы с тобой ищем его врагов, способных на убийство, кто-то подбирается к «ЭльНору» и его хозяйке. Одной или даже обеим.

– Горохов, – фамилию владельца «Ганнибала» оба сыщика произнесли хором.

– Вот что. – Бунин расцепил руки и встал со стула, давая понять, что решение принято. – Бжезинскую и Бутакову бери под круглосуточное наблюдение. Обеих. От греха подальше.

– За Бжезинскую я относительно спокоен. Ее Олег пасет. Меркурьев, – пояснил он, видя непонимающий взгляд Бунина. – Вот, кстати, еще один влюбленный. Может, воздух у них там в «ЭльНоре» такой, особенный. Способствующий страстной любви и такой же страстной ненависти. Как говаривал классик, «чума на оба ваших дома», ей-богу... А вот Бутакова... Та

в самом логове тигра сейчас обитает. У нее даже приемная общая с Гороховым, и секретаршу я видел, та еще стерва, полностью растворившаяся в хозяине. Так что Бутакова точно «под колпаком у Мюллера». Каждый ее шаг Горохову известен.

– Вот пусть и тебе будет известен тоже, – заключил Иван. – Бумаги оформляй, с наружкой я договорюсь. Дадут людей. От убийства хоть Бутаковой, хоть Бжезинской будет столько шума, что генерала удар хватит. Так что он все сделает для того, чтобы мы его предотвратили.

– Наружку я пушу. – Дмитрий поднялся. – Только, Вань, не кажется ли тебе, что мы слишком сложную конструкцию наворотили? Может, все проще гораздо?

– Может. Я не провидец, – буркнул Бунин. – Но одно знаю точно. Убийство Попова мы с тобой обязательно раскроем. И нового не допустим. А во всем остальном пусть эти дамы сами разбираются. Кстати, ты выяснил, правда ли про Бжезинскую и наркотики?

– Так как я это выясню? Пушеры городские говорят, что никогда ей дурь не поставляли. Но при ее деньгах и связях она может и в Москве закупаться. В бизнес-кругах про это тоже никто не знает, Инка шуришала по моей просьбе, через мужа узнавала да через свои журналистские связи.

– Но она ведь это откуда-то принесла.

– Она сказала откуда. Из областной Думы. Ей там кто-то из депутатов, коллег Бжезинской, шепнул. Но эти политические круги – такое грязное место, что они и выдумают, недорого возьмут. Инка наша с Бжезинской же встречалась. Не делай недовольное лицо, она не специально полезла, ей рекламу «ЭльНора» заказали. Так вот она говорит, что выглядит Элеонора не шибко хорошо. Бледная, глаза красные, руки трясутся...

– Знаешь, если делать заключение, что человек – наркоман на основании того, что у него руки трясутся, так мы далеко уйдем. У тебя вчерась тоже руки тряслись, любо-дорого глянуть было. Впрочем, в данном вопросе наружка нам тоже в помощь. На покупке не поймают, так под кайфом увидит.

– А если она дома употребляет? По вечерам? Живет она уединенно.

– Меркурьева своего спроси. Если он влюблен, как ты говоришь, так будет бдить в оба. Дамочку же лечить нужно.

– Он меня и так чудом не убил, – Дмитрий вдруг засмеялся, вспомнив, как лежал лицом в луже и разглядывал военные берцы Меркурьева, – а за наветы в адрес его дорогой Элеоноры и вообще пришибет.

Телефон зазвонил резко и отчего-то громко. Бунин и Воронов даже вздрогнули от неожиданности.

– Эти ваши айфоны, – Иван раздраженно покачал головой, – вот уж у богатых свои причуды. Да ответь ты, сейчас голова лопнет. Лелька, поди, твоя ненаглядная надрывается.

– Нет, это не Лелька, – Воронов стал максимально серьезен. – Это Элеонора Бжезинская. Он провел пальцем по ярко светящемуся экрану, откашлялся и сказал:

– Здравствуйте, Элеонора Александровна, что-то случилось?

– Я не знаю, – голос в трубке звучал неуверенно, что было не похоже на Бжезинскую, королеву и владычицу морскую. – Может быть, я зря вас беспокою, господин майор, но видите ли, один из моих сотрудников уже второй день не появляется на работе. И телефон его не отвечает. Возможно, он просто заболел, или передумал у меня работать, или уехал по срочным семейным делам, и я напрасно поднимаю волну, но мне кажется, что с ним что-то случилось. Что-то страшное.

– Не волнуйтесь, Элеонора Александровна, мы обязательно во всем разберемся. Как зовут вашего потерявшегося сотрудника? Кем он работает?

– Это Степан Ушаков, мой главный инженер, – она слегка запнулась, – новый главный инженер.

Воронов вспомнил долговязую фигуру, взволнованно дергавшую его за рукав в коридоре «ЭльНора». Парень был возбужден, все пытался рассказать Воронову о чем-то важном, а майор отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Как он тогда сказал: «Я видел человека, которого здесь не может быть»... И еще: «Я этого человека найду и спрошу»... Что ж, кажется, действительно нашел. Весь опыт майора Воронова, накопленный за годы его проклятой работы, свидетельствовал о том, что высокого, тощего, лохматого Степы, скорее всего, больше нет в живых.

– Черт, черт, черт, – выругался Воронов, чувствуя, как от чувства бессилия у него перехватывает горло. Бунин внимательно смотрел на него. – Я сейчас приеду, Элеонора Александровна. Это действительно важно. Пожалуйста, никуда не уходите.

– Что, еще один труп? – спросил Бунин, наблюдая, как друг натягивает куртку, не попадая в рукава.

– Накаркали мы с тобой. Только трупа пока нет. Похоже, нам с тобой еще придется его найти. Черт, черт, черт! Это я во всем виноват. Он же хотел со мной поговорить. Он рассказывал что-то, что считал важным, а я, дубина, не выслушал его до конца. Одно я знаю точно, Ваня. У «ЭльНора» действительно есть свой «черный человек». И если мы не вычислим его до того, как он нанесет следующий удар, то грош нам цена.

Глава тринадцатая

Наши дни

Нора

То, что парень пропал, Нору жутко веселило. Она понятия не имела, куда он подевался, да и не было ей ни малейшего дела до какого-то там непонятого Степы Ушакова. По ее разумению, этот вихрастый лопухий щенок был сто лет никому не нужен, а его исчезновение объяснялось очень прозаически – завис у девушки, ушел в запой, сорвался к родителям. Однако шумиха, поднявшаяся вокруг этого исчезновения, была как нельзя кстати. Все, что приводило к сгущению тумана вокруг «ЭльНора», сегодня играло ей на руку.

Чем больше обесценивалась компания, тем проще было выкупить ее у двух других учредителей. А в то, что после того, как она станет единоличной владелицей «ЭльНора», дела у фирмы пойдут в гору, она даже не сомневалась. Впрочем, владеть фирмой в одиночку, тащить на себе тяжкий груз постоянного принятия сложных решений она и не собиралась. Избавиться от ненавистной Эллы, по дешевке купить долю дурака Борьки, а затем подороже продать компанию, чтобы уехать в Москву, – таков был план Норы, которому она собиралась следовать дотошно и скрупулезно. «Изумрудный город»? Ха-ха, затея, рассчитанная на дураков. Так смешно, что никто этого не видит.

То, что Эллка отправится в Москву, немного путало карты. В планах Норы по физическому устранению соперницы поездка в столицу не значилась, но, к счастью, Эллка задержалась в Первопрестольной ненадолго и снова вернулась домой, на место своей скорой гибели. Нора проверила, выполняется ли данное ею поручение, и удостоверилась, что все идет как по маслу.

Человек, осуществляющий ее просьбу, следовал всем рекомендациям истово и все делал так, как надо. Можно было не сомневаться в том, что бесславный конец ждет проклятую Эллу уже очень скоро. В худшем случае это будет инвалидность, а если повезет, то и смерть. Повезет, разумеется, ей, Норе.

Она рассеянно улыбнулась своему отражению в зеркале, которое тут же улыбнулось ей в ответ. Любили они друг друга со своим отражением, что тут скажешь. И в последнее время им везло. Все складывалось как нельзя лучше, и Нора все чаще думала о том, что ссора с Эллой и разлад с мужем, которые сначала рассматривались ею как крушение жизни и огромное несчастье, на самом деле были очень даже на руку. Вот уж точно, человек предполагает, а бог располагает.

Она довольно потянулась, как кошка, наевшаяся сметаны, и искоса снова кинула взгляд в зеркало. Нет, несомненно, новый способ держать себя в тонусе ей к лицу. Глаза блестят молодо, задорно. И даже темные круги – последствия ее нового образа жизни – ничуть ее не портят, лишь придают некоторую загадочность и легкую томность.

Эх, если бы можно было плюнуть на работу, поехать в Москву, а еще лучше в Париж или в Вену, побродить по осенним европейским улицам, разглядывая свое отражение в витринах дорогих магазинов, посидеть в маленьких уютных кафе, где пахнет настоящим кофе и выпечкой, посмотреть, как лениво течет вода в Сене или в Вене, притоке могучего Дуная, как плывут по ней желтые листья, шевелящиеся от речной ряби, как низко летают чайки, высматривающие добычу, как целуется молодежь на набережной. Веселая, небрежно одетая, растрепанная и счастливая молодежь, еще не знающая, что уготовила жизнь, и уверенная, что впереди ждет только хорошее. Когда Нора была маленькой девочкой и наивной девушкой, она тоже так считала. И перестала, только повзрослев.

Она перевела взгляд с зеркала на оконное стекло и легонько вздохнула. За ним стояли реалии ее сегодняшней жизни. Мокрая улица, покрытая серым рваным покрывалом, из кото-

рого мелкими перьями сыплется колкая морось осеннего дождя, унылого и беспросветного, как старость. И отчего осень в их городе всегда выглядит так уныло?

Нет, не уехать сейчас ни в Париж, ни в Вену, ни даже в Москву. Во-первых, потому, что она должна доделать ту работу, которую добровольно взвалила на себя. Она не может ее не выполнить, потому что на кон поставлено все. А во-вторых, не может она сейчас позволить себе никакие увеселительные поездки. Прогулки по набережной, круассаны и ароматный кофе по-венски остались в прошлой жизни, а в нынешней у нее на них просто нет денег.

Нора непроизвольно сжала руки в кулаки. Много лет она работала как проклятая, чтобы иметь возможность не думать о деньгах. Она старалась, чтобы они просто были. Были всегда. И их хватало на приличное жилье, машину, обучение дочери, еду в самых дорогих ресторанах, возможность улететь в английские туманы, или французские лавандовые поля, или в Венскую оперу в любой момент, как только возникнет желание. Конечно, бывали времена, когда она жила иначе и считала каждую копейку, но они же кончились, кончились, канули в прошлое, и как же тяжело, что сейчас она снова вынуждена жестко экономить. Гораздо тяжелее, чем было раньше, когда она еще не привыкла к роскоши и жизни на широкую ногу.

Надежда на то, что скоро все устаканится, образуется, вернется, горела в ней ярким неукротимым огнем, тем самым, который, отражаясь в ее глазах, вызывал страх окружающих. Да-да, она видела, что знакомые ее сторонятся. Да что там знакомые! Даже дочь, ее родная дочь свела общение с матерью к самому минимуму. Их телефонные разговоры и то становились все короче. «Как дела? – Нормально». Вот и все. Нора лениво подумала о том, что ей интересно, как девчонка сейчас ведет себя с отцом. «Надо будет спросить, когда она позвонит в следующий раз», – решила она и тут же забыла об этом, вернувшись мыслями к своей главной задаче – единовластному владению «ЭльНором» и уничтожению ненавистной Эллы.

Как всегда в минуты особенной ненависти к чему-либо, у нее заболела голова. Тяжело, надсадно, охватывая всю голову сдавливающим виски и затылок обручем, от которого не было спасения. Таблетки от этой боли не помогали, лишь приглушали ее, загоняли в далекие уголки мозга, откуда она скалилась, рычала, шипела, готовая в любой момент выскочить обратно, чтобы наброситься на Нору, впитаться в нежную мозговую мякоть и терзать-терзать-терзать без надежды на спасение.

С детства повелось, что головная боль, накидываясь на Нору, обязательно приводила за собой тошноту и разноцветные круги, мелькающие перед глазами. Она отвела глаза от окна, причем движение далось ей с трудом, сглотнула тугой ком, поднимающийся из желудка, воровато посмотрела на дверь кабинета, не войдет ли кто, и вытащила из запирающегося на ключ ящика стола маленькую бутылочку. Почему-то содержимое бутылочки с головной болью умело договариваться на ура.

Через пару минут приятная теплота разлилась по телу, напряженные плечи опустились, руки теперь лежали на подлокотниках кресла расслабленно и спокойно, боль отпустила, загнав в клетку и тошноту. Нора подышала открытым ртом и засунула за щеку мятную жвачку. Еще не хватало слухов. Хотя скоро ей будет совершенно все равно, кто и что про нее говорит. Она рассеянно полистала лежащий на столе перекидной календарь, чтобы проверить, сколько еще осталось ждать. По ее расчетам выходило, что недолго, недели две, максимум месяц.

Удовлетворенно улыбнувшись и подавив желание сделать еще глоток из припрятанной бутылки, она решительно выкинула из головы все мысли, не относящиеся к работе, и открыла папку с принесенными ей документами. В конце концов, от ее сегодняшнего усердия зависит светлое завтра. И для нее, и для ее нового любовника, к которому она теперь привязана намертво. Так крепко, что не вырвать с корнем.

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

Поиски Степана Ушакова, живого или мертвого, ни к чему не привели. Молодой главный инженер «ЭльНора» как сквозь землю провалился. Дома, в съемной однокомнатной квартире, он не появлялся, на работу не приходил. Двоюродная сестра Степана, благодаря которой он и приехал в город на Волге из родной Архангельской глубинки, не видела его уже около двух недель. По ее словам, в последний раз брат звонил ей накануне своего исчезновения. Держался как всегда. Встревожен ничем не был. Своими планами куда-то уехать не делился.

По просьбе следователя сестра позвонила на родину Ушакова, стараясь не проболтаться, что парень пропал, поговорила с его мамой и братом. Те были спокойны, передавали Степе привет.

– Что-то не звонит несколько дней, – сказала старшая Ушакова, впрочем, без особого волнения в голосе. – Да я ведь понимаю. Новая работа у него. Это же ответственность какая. Шутка ли – главный инженер. Я его и не тревожу. Освободится от дел, сам позвонит.

– Может, врут, – задумчиво сказал Дмитрий Воронов, когда следователь рассказал ему про звонок в Архангельскую область. – Может, он у них там на печке сидит, а они его отчего-то покрывают. Разве ж такое бывает, парень неделю матери не звонил, а она не волнуется.

– Ты еще скажи, что он сбежал и на печку к матери под юбку спрятался, потому что Антона Попова отчего-то убил, – устало сказал следователь, которому фортели, выкидываемые судьбой по данному уголовному делу, уже порядком надоели. – А что, Димка, а вдруг все так и было, а?

– Ты этого Ушакова видел? – сердито спросил Дмитрий. – Щенок он вислоухий, а не убийца. Нет, причина его исчезновения в том, что он видел что-то, опасное для убийцы. И наша задача – понять, что именно.

Воронов чувствовал себя виновным в исчезновении Степана. Если бы он только тогда выслушал парня. Тот, конечно, мялся и не говорил ничего конкретного, но на то Воронов и опер, чтобы почувствовать в обрывках информации нечто важное, зацепить кончик ниточки, размотать клубок, вытащить из Ушакова все, что тот то ли не мог, то ли стеснялся сказать.

Он знал, что до конца своих дней не сможет простить себе смерть несчастного парня, и утешало его только то, что труп Ушакова пока не был найден. Может, правда уехал, испугавшись неведомого убийцу?

Освободившись от ежедневной рутины, Дмитрий приходил домой, ложился на кровать, отворачивался лицом к стене и снова и снова прокручивал в голове разговор с Ушаковым. Что именно тот пытался тогда ему сказать? И может ли эта информация как-то помочь в его поисках?

Лелька к мужу не приставала. Понимала, что он занят расследованием сложного дела, и не обижалась. Она вообще была понимающей, его жена. И Воронов, сильно обжегшись своим первым браком, не мог не понимать, как сильно ему повезло.

Итак, о чем рассказывал ему Степан? О том, что у его отца были два армейских друга. Один из них погиб в Афганистане, а второй был ранен, после лечения исчез, и как Ушаков-старший ни старался, он так и не смог его найти на просторах огромного, к тому моменту уже распадающегося Советского Союза. Осталась только фотография трех друзей, на которую маленький Степан любил смотреть в детстве под отцовы рассказы об афганском братстве.

Может быть, в коридоре «ЭльНора» он встретил того самого третьего друга, которого узнал по старой фотографии? Это может быть, но почему тогда Степан сказал, что он видел человека, которого тут «вообще не может быть»? Удивился, что много лет разыскиваемый

товарищ отца жил в одном городе с ним? Возможно, вполне возможно. Но что в этой информации опасного? Настолько опасного, что от Степана нужно было срочно избавиться?

Кстати, что еще совсем недавно Воронов слышал про Афган? Он напрягся, вспоминая обстоятельства, при которых прозвучало это слово, и память услужливо выдала побеленную печь, запах яблок, пар, поднимающийся от самовара, и журчащий говорок седого старичка, Савельевича, соседа Антона Попова. Да, точно. Именно он рассказывал про то, что главный враг Антона – Василий Лукьянов, подравшийся с ним из-за Эли Яблоковой и засадивший его в тюрьму, служил в Афгане и погиб, не вернувшись домой.

Ну и что? Какое это может иметь отношение к Степе Ушакову и его отцу?

Воронов почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Это был наипервейший признак того, что мысли его идут в правильном направлении и он только что додумался до чего-то действительно важного. Так. Хорошо. Идем дальше.

Что, если одним из друзей старшего Ушакова был действительно Василий Лукьянов? Он и есть тот самый друг, который погиб в бою, в котором был ранен Ушаков и тот, второй. Что, если именно того, второго, и встретил Степа, придя на работу в «ЭльНор»? Осталось только понять, кто именно это мог быть. А затем постараться разобраться, что такого опасного мог знать Степа про бывшего друга своего отца, которого никогда не видел и опознал лишь по фотографии.

Фотография... Воронова как огнем обожгло, и он резко сел на кровати, кляня себя последними словами. В семье Ушаковых наверняка сохранилась та фотография. Конечно, Степан сказал, что отец его уже умер, но вряд ли его вдова выбросила реликвию, которая много лет висела на стене в гостиной. Надо постараться ее получить, а вместе с ней и ответ на вопрос, кто именно из сотрудников «ЭльНора» на ней изображен.

Воронов накинул куртку и выскочил из дома, чтобы снова встретиться с двоюродной сестрой Степана.

– Фотография? – спросила та озадаченно. – Может, и была. Я же у них нечасто гостила, на такие вещи и внимания не обращала никогда. А Валентин Николаевич, Степин папа, уже восемь лет, как умер. Степа тогда в институте учился. Сохранили они фотографию или нет, я не знаю. И у тети Оли не спросишь, она же сразу поймет, что Степа пропал, заплачет, разволнуется, а ей нельзя волноваться, у нее гипертония, давление очень высокое. Понимаете?

– Ирочка, – Воронов молитвенно сложил руки на груди, – ну вы же такая умница, придумайте что-нибудь, зачем вам может понадобиться эта фотография. Мне действительно не хочется попусту волновать Ольгу Тимофеевну, но мы должны сделать все возможное, чтобы найти Степана. Если, конечно... – Он прикусил язык, но молодая женщина его поняла.

– Вы хотите сказать, если, конечно, Степа еще жив, – спокойно сказала она, хотя Дмитрий видел, как нелегко ей давалось это показное спокойствие. – Дмитрий, я ведь все понимаю. Степа попал в какие-то неприятности, и, возможно, его убили. Вокруг «ЭльНора» сейчас много нехороших слухов ходит, так что если Степа погиб, то это именно из-за этой проклятой фирмы. Я не вижу, чем в его поисках может помочь фотография тридцатилетней давности, но если вы считаете, что это действительно важно, то я постараюсь вам ее достать. Я позвоню тете Оле и скажу, что в фирме, где работает Степа, выпускают корпоративный журнал. В нем рассказывают про всех сотрудников, особенно новых, только что пришедших. Скажу, что предложила Степе рассказать про то, как он в детстве любил Валентина Николаевича, каким примером был для него отец, тем более что это правда. Именно так все и было. Скажу, что Степа уехал в Москву закупать стройматериалы для нового объекта, звонить оттуда дорого, поэтому он решил через меня передать, что все хорошо, а заодно попросить ту самую фотографию, которая так много значила для отца. Если фото сохранилось, то я скажу Ване, это Степин младший брат, чтобы он сделал скан и перекинул мне его по электронной почте. Такой вариант вас устроит?

– Вот, я не зря сказал, что вы умница, – расцвел улыбкой Дмитрий, которому захотелось расцеловать предприимчивую девушку. – Ирочка, если Степа действительно еще жив, то с помощью этой фотографии мы его спасем. Я не могу вам объяснить, отчего я в этом уверен, но это так.

– Хорошо, я вам верю, – просто сказала Ирина и пообещала этим же вечером попросить своего второго двоюродного брата заняться поисками фотографии.

Теперь Воронову оставалось только ждать. Впрочем, делать это сложа руки ему не пришлось. Майор Бунин, выслушав посетившие Воронова мысли, неожиданно похлопал его по плечу.

– Молодец, – сказал он, улыбаясь в свои мягкие, чуть рыжеватые усы, за которые одна из подруг Лельки когда-то прозвала его Тараканом, – я тебе еще одну идею подкину, богатую. Валентин Ушаков всю свою жизнь прожил в Архангельской области. Он в армию призывался из своего родного поселка. Запроси там информацию, в какой части он служил, а потом добудь список его сослуживцев. Во-первых, проверишь, был ли там этот самый Василий Лукьянов, а во-вторых, вдруг еще какую знакомую фамилию отыщешь.

Отправив все необходимые запросы, Дмитрий откинулся на стуле и посмотрел на часы. Шел уже десятый час вечера, Лелька уже наверняка уложила Верочку спать, а значит, он, Воронов, теряет те драгоценные часы перед сном, которые может провести наедине с женой. Он снова натянул куртку, улыбаясь от предвкушения неспешного вечернего чая на кухне, нежных объятий, страстных стонов, а потом тихого сопения рядом. Он любил смотреть на спящую жену, которая уютно устраивалась у него на плече, свернувшись калачиком. В эти минуты огромное всеобъемлющее счастье распирало его грудь. Он чувствовал себя былинным богатырем, которому все по силам.

Да, скорее домой, к жене, которая наполняет смыслом каждую минуту его жизни. А ведь когда-то ему казалось, что смысл этот потерян навсегда. Дмитрий выключил свет, запер дверь кабинета и чуть ли не бегом помчался по коридору. На улице он остановился и с досадой достал телефон. Досада была вызвана вынужденной задержкой по пути домой, но мысль, которая пришла ему в голову, была важнее.

Олег Меркурьев был хорошим начальником службы безопасности. Бывшим разведчиком. А это значило, что он вполне мог быть в курсе того, кто из сотрудников фирмы служил в Афганистане. Дмитрий подставил лицо осеннему ветру и начал считать гудки в ожидании ответа. Новый номер Меркурьева у него теперь был.

«Дурак ты, братец, – усмехался он про себя. – Ты только что мечтал о том, как будешь лежать рядом с Лелькой. Так и Меркурьев, скорее всего, сейчас лежит в постели рядом с красавицей Бжезинской, и ему совсем не до тебя».

Впрочем, трубку Олег все-таки снял.

– Привет, – голос в трубке был то ли радостный, то ли просто взбудораженный. – Ну что, не зашиб я тебя ненароком?

– Не зашиб. Но если тебя это волновало, что ж сам не поинтересовался. Уж пятый день пошел, как ты меня лопатой приголубил.

– Да решил, что, если что, за мной бы уже пришли, – Олег коротко хохотнул. – Ладно, дело прошлое. Ты ж меня простил. Скажи лучше, по какой нужде звонишь на ночь глядя.

– А ты уверен, что по нужде?

– Ну, мужик ты хороший, правильный, но в друзья ко мне не набивался, а значит, как я живу, интересоваться не можешь. Получается, дело у тебя ко мне. Или я не прав?

– Прав, – признал Воронов, тоже улыбаясь. Меркурьев ему нравился. – Вот что, Олег, напрягись, пожалуйста. Постарайся вспомнить, кто из мужиков, работающих в «ЭльНоре», в Афгане воевал?

– Чего? – Меркурьев, похоже, сильно удивился вопросу. – С какого ляда тебя Афган интересует. Это ж когда было...

– Надо, раз спрашиваю. Если у тебя такой информации нет, так я не в обиде.

– Чего ж нет, – Олег снова издал довольный смешок. – Я свою работу до недавнего времени делал хорошо. Так что информацией владею самой разной. – Афганская война длилась с 1979-го по 1989 год, то есть десять лет. Людям, которые могли быть отправлены в Афган, сейчас от сорока шести до пятидесяти шести лет. Правильно?

– Правильно, – согласился Воронов.

– А таких сотрудников-мужчин в «ЭльНоре» от силы человек десять. Я, Борис Бжезинский, прораб Михалыч, три каменщика, один крановщик, парочка водителей. Да и все, пожалуй. Бжезинский служил под Москвой. Про каменщиков не выяснял, врать не буду. Один водитель – точно в Афгане служил, Павел Громов его зовут. Про двоих других не в курсе. Ну и Михалыч.

– Михалыч?

– Прораб наш. Самый уважаемый. Он сейчас строительством коттеджного поселка командует. А до этого на «Истории» работал. Он в молодости все два года срочной под Кандагаром отпахал. Сам рассказывал. Он, правда, чуть постарше меня будет.

– Постарше, – задумчиво пробормотал Воронов, у которого по второй линии пробивалась потерявшая его Лелька. – А скажи мне, Олег, кого из перечисленных тобой людей Степа Ушаков мог встретить в офисе «ЭльНора»?

– Да кого угодно, – в голосе Меркурьева слышалось недоумение. – Хотя нет, ты прав, конечно. Каменщики в офис, к примеру, никогда не приезжают. Им там делать просто нечего. Водители бывают, накладные подписывают. Ну и Михалыч тоже. Он на планерки приезжает, хотя и нечасто. Так-то что прорабу в офисе делать.

– Я встретил человека, которого тут быть не могло, – пробормотал Воронов, по другой линии снова звонила жена, и он вдруг испугался, что что-то случилось с дочкой.

– Что?

– Ничего. Это Ушаков так сказал... Думаю, что именно твой Михалыч мне и нужен. Хотя и остальных проверим, конечно. Спасибо тебе, Олег. Опять помог.

– Обращайся, – рассмеялся Меркурьев. – Я помочь всегда рад.

С чувством выполненного долга Воронов перезвонил жене, убедился, что с ней и Верочкой все в порядке, а Лелька звонит, чтобы узнать, к какому времени подогреть ужин, и понесся домой. Хороший отдых и приятный вечер он сегодня точно заслужил.

Глава четырнадцатая

Наши дни

Элла

Она снова чувствовала себя плохо. Слабость, бессонница, головокружение, накатывающая волнами дурнота вернулись, как будто и не было спасительной недели в клинике доктора Семенова. Самого доктора тоже больше не было, и Элла, которая предпочитала быть честна сама с собой, понимала, что именно в этом кроется главная причина ее подавленного настроения.

Ни продолжающиеся неприятности, связанные с «ЭльНором», ни ссора с Норой, ни расставание с мужем, ни проблемы с дочерью, ни острая нехватка денег, ни сгущающаяся вокруг атмосфера беды не лишали ее силы духа и готовности бороться. А вот воспоминания о той единственной ночи, которую она провела с удивительным мужчиной с редким именем Витольд, казалось, подтачивали изнутри, сковывали по рукам и ногам, заставляли в разгар рабочего дня отрывать от важных бумаг и бездумно смотреть в окно, за которым лил и лил бесконечный нудный осенний дождь.

Впрочем, Элла не видела дождя. В ее горячем мозгу всплывали усыпанные коричневыми каштанами деревья, неровный свет уличного фонаря, исподтишка подглядывающий в незашторенное окно, строгий, словно чеканный профиль наклонившегося над ней мужчины, его внимательные глаза, в которых плясали чертенята, низкий, мягкий голос, шепчущий ее имя, надежные руки, крепкие и ласковые одновременно. Она бы многое отдала, чтобы повторить ту ночь, но, словно злая насмешка судьбы, она случилась и канула в небытие без малейшей надежды на повторение. И от этого у Эллы надсадно болело что-то внутри. Тянуло, зудело, ныло, как больной зуб, и она подозревала, что именно так болит душа.

Сегодня душевная боль была особенно злобной, подтачивая ее изнутри, и Элла только досадливо качала головой, пытаясь размять одеревеневшую шею. Плохое самочувствие было особенно некстати, потому что в восемнадцать часов Элле нужно было быть на презентации отеля «История», в строительство которого она вложила немало труда и нервов.

Из-за случившегося в отеле убийства открытие, изначально запланированное на двадцать пятое сентября, пришлось перенести на десять дней. Элла была рада этому обстоятельству, поскольку сил тащиться на великосветский раут и ходить там, держа спину и лицо, у нее не было ни капельки. Но сегодня отсрочка заканчивалась, и Элла выискивала все новые и новые причины не идти на открытие отеля. Она не хотела никого видеть, одновременно понимая, что ее отсутствие на церемонии будет выглядеть как капитуляция. Проигрывать она не собиралась.

Элла знала, что Наталья Петровна Удальцова пригласила на открытие и Нору. Это было справедливо, ведь в строительстве принимали живейшее участие обе совладелицы «ЭльНора», и Удальцова, насколько мягко, настолько и непреклонно, дала понять обеим, что не собирается открыто вставать ни на сторону Бжезинской, ни на сторону Бутаковой.

Конечно, что для одной, что для другой было бы только на руку появиться в светской тусовке одной, давая понять, на чью чашу весов склонилось общественное мнение, и окончательно расставляя все точки над «и». Бжезинская при таком раскладе вернула бы покачнувшуюся репутацию. Бутакова получила бы подтверждение своей правоты и моральное уничтожение Бжезинской, но в такие игры Удальцова играть не собиралась. Она открывала свой отель, выстраданный, вынынченный, лучший в городе отель, и до чужих разборок ей не было никакого дела. Дамы могли выяснять свои отношения как угодно, но никак не за ее счет.

Элла признавала, что это справедливо, но именно поэтому не могла себе позволить прогулять светский раут. Ее отсутствие будет засчитано как техническое поражение, и Нора поведет в счете один-ноль. А этого допустить нельзя, никак нельзя.

Элла вздохнула, выбралась из рабочего кресла, прошлась по просторному кабинету. Чаю попить, что ли. «Хочется то ли музыки и цветов, то ли зарезать кого-нибудь», – вспомнилось ей, и она невольно улыбнулась, дав себе зарок в выходной день пересмотреть «Обыкновенное чудо». Боже мой, как же она любила этот фильм в юности.

Висящее на стене зеркало отразило бледную немочь с огромными синяками под глазами. В таком виде отправляться на открытие «Истории» нельзя, а значит, нужно заставить себя съездить в «Молодильные яблоки», сделать массаж, водорослевое обертывание, маску для лица, праздничную прическу и макияж. Потом заехать домой, чтобы выбрать подходящий случаю наряд, туфли и сумочку, пшикнуть пару раз из флакона с любимыми духами, посидеть минут десять с закрытыми глазами, чтобы набраться мужества перед встречей с толпой людей, и вперед – показывать, что тебе ничего не страшно.

Боже ж ты мой, где набраться сил на все вышеперечисленное, если хочется забраться с головой под одеяло, свернуться калачиком, пореветь вволю, а потом уснуть в надежде, что приснится Витольд Семенов. Он снился ей практически каждую ночь, и от этого только тогда ей и было хорошо.

Элла закрыла глаза, борясь с подступающими слезами. Впрочем, что толку плакать, если она с детства знает, что слезами делу не поможешь. Она решительно прибрала бумаги на столе, накинула не по сезону тонкий плащ и выскочила в приемную. Секретарша взметнулась, чтобы что-то сказать, но Элла нетерпеливо махнула рукой: не сейчас, потом, все потом.

Она выскочила на улицу, как будто за нею гнались, оступилась на крыльце, подвернула ногу, охнула, чуть не упала, вовремя подхваченная чьей-то крепкой рукой. Элла вцепилась в эту руку, вернее, рукав толстой кожаной куртки, отчего-то показавшейся ей знакомой. Машинально погладив мягкую прохладную черную кожу, она подняла глаза и уставилась в смеющиеся глаза, в которых на дневном свете плясали в диковинном танце чертенята. Элла моргнула, непонимание сменилось узнаванием, и в мозгу словно взорвалась праздничная петарда-шутиха.

– Витольд, ты?..

– Что же ты под ноги не смотришь, Эля? – Он обнял ее за плечи и повел прочь, нимало не заботясь о том, что их могут увидеть. Впрочем, в данный момент ее это тоже совсем не волновало. Мужчина, снисшийся ей по ночам, был здесь, рядом, и она, осознав, что по-прежнему держится за его куртку, сдвинула ладонь на запястье, широкое и теплое, чтобы убедиться, что это действительно он, а не призрак из ее снов.

– Нет, это правда ты? – Реальность накрывала с головой, заставляя испытывать какую-то даже не детскую, а щенячью радость. Именно это чувствуют собаки при виде вернувшихся после долгого отсутствия хозяев. – А как ты тут очутился? Что ты тут делаешь?

– Тебя ищу, недогадливая ты моя. – Ему был приятен ее явный восторг, и он тоже был очень рад ее видеть. Собираясь в эту поездку, он даже не догадывался, что так соскучился по этой женщине.

– Как же ты меня нашел?

– Ну, адреса своего домашнего ты не оставила, а вот место твоей службы на медицинской карточке записано, так что пришлось ехать к тебе прямо на работу. Я был уверен, что обязательно тебя застану, и не ошибся.

– Господи, да я же почти ушла. Мы чудом не разминулись. – Паника от того, что они могли не встретиться, накрыла Эллу с головой так стремительно, что она даже закашлялась влажным холодным октябрьским воздухом. – А что бы было, если бы ты меня не застал?

– Я зашел бы внутрь, спросил, где ты. Я уже большой мальчик, умею задавать вопросы.

– А если бы тебе не ответили? Тут с этим строго. Персональные данные, все такое. Ты бы ведь не уехал в свою Москву, скажи мне, правда ведь не уехал? – Она теребила его рукав и заглядывала в глаза, для чего ей приходилось немного забегать вперед. – Витольд, скажи.

– Даже если бы сегодня я тебя не нашел, то переночевал бы в гостинице. Есть же в вашем городе какая-нибудь гостиница? А завтра пришел бы на твою работу снова и ходил бы до тех пор, пока бы тебя не увидел.

– А как тебя вообще угораздило приехать? – Элла вдруг остановилась, ошарашенная этим вопросом, который почему-то сразу не пришел ей в голову.

Больше всего на свете Семенову хотелось сказать, что он приехал, потому что без нее совсем не мог спать. Его подушка пахла ее духами, и он обхватывал ее двумя руками, утыкался носом, представляя, что обнимает эту невозможную женщину, которую случайно нашел и оказался не готов потерять.

– Я же твой врач, – сказал он, не в силах признаться. Весь его жизненный опыт вопил о том, что женщинам нельзя давать в руки оружие против себя. Как только они узнают о твоей от них зависимости, так тут же используют ее против тебя, забирая в полон, рано или поздно оказывающийся вражеским. – Ты уехала и пропала, а мне же важно знать, как ты себя чувствуешь.

– И все ты врешь, – сказала Элла каким-то особенным, счастливым голосом, которым не разговаривала уже давно. – У тебя сотни пациентов, но ты же не гоняешься за ними по всей бескрайней России-матушке. А ко мне приехал. Почему?

– Да соскучился я по тебе, – признался Семенов, чувствуя, что сдает свои бастионы, но отчего-то ничуть об этом не жалея. – Проснулся ночью и понял, что если сегодня же тебя не увижу, то просто заболею. Вот правда-правда. Так что я дождался, пока рассветет, позвонил в клинику, отменил прием, быстро собрался, сел в машину и поехал к тебе. И как я раньше до этого не додумался, сам не понимаю. Целую неделю потерял, болван.

– Ты не болван, ты – самый лучший мужчина на свете. – Элла вдруг остановилась, закинула голову и поцеловала Семенова в губы, ничуть не смущаясь того, что они стоят посредине офисной парковки. На них во все глаза смотрит охранник Паша. Или не Паша. Элла вечно забывала, как зовут этих чертовых охранников.

– А выглядишь ты не очень. – Доктор ответил на ее поцелуй, но сейчас, отстранившись, пытливо смотрел в ее лицо. – Эля, ты снова плохо себя чувствуешь? Ты кровь на сахар проверяла, как я велел?

– Ну не могу я каждый день палец колоть, – заныла она. – Да и некогда мне. У меня работа, трудности, дела всякие. А чувствую я себя снова плохо. Наверное, опять у меня упал этот самый сахар.

– Эля, это же не шутки. Я, между прочим, поэтому и приехал. Проверить одну свою догадку.

– Какую догадку?

– Потом скажу. Мы можем поехать к тебе домой? Ты действуешь на меня таким образом, что мы рискуем оставить твою репутацию прямо здесь.

– На асфальте? – Элла засмеялась, чувствуя, как у нее ослабли ноги. Она вспомнила, каким неутомимым в постели может быть стоящий рядом с ней мужчина, и почувствовала, что у нее пересыхает во рту.

– В машине. В моей или твоей, – прошептал он ей в нежное розовое ухо, чуть прикусывая его губами. – Поэтому мы сейчас поедem к тебе домой, где я проведу полный осмотр, мужской и врачебный. Ну и сахар измерим все же.

Ухо горело, импульсы от него бежали вниз, к сокровенной части ее тела, которая всегда оставляла ее равнодушной, не требуя к себе особого внимания, а сейчас чувствовалась остро, почти болезненно, отключая разум. Пожалуй, идея насчет того, чтобы заняться сексом прямо в машине, под офисными окнами, в которые наверняка глазают люди, не так и плоха.

– Поехали, – хрипло сказала она, переводя дыхание. – Давай оставим мою машину здесь, а поедem на твоей. Если моя мне понадобится, то я всегда смогу за ней вернуться.

Время остановилось. Прошрое, будущее, бизнес, семья – сейчас ничего не имело значения. Элла чувствовала удивительную свободу от обязательств, долга, мучительных мыслей и горьких сожалений. И эта свобода кружила ей голову, заставляя чувствовать себя совсем девочкой.

* * *

Наши дни

Майор Воронов

Наружное наблюдение за Бжезинской и Бутаковой пришлось снять. За две недели слежки не произошло ровным счетом ничего, что могло бы пролить свет на убийство Антона Попова. Угрозы жизни и здоровью обеих соучредительниц «ЭльНора» выявлено тоже не было. Бжезинская руководила своей компанией, ездила по встречам, занималась бизнесом и политикой, и ей на первый взгляд совершенно точно ничего не угрожало.

Конечно, по вечерам она оставалась одна в огромном загородном доме, но там ее охранял верный Меркурьев, и Дмитрий Воронов на собственной шкуре знал, что там «враг не пройдет».

Элеонора Бутакова по-прежнему трудилась главным инженером «Ганнибала» под началом Эдуарда Горохова. Несмотря на то что дама заверяла Воронова, что ее хотят убить, он в это не верил. Он был уверен, что наоборот, Бутакова с Гороховым объединились против Бжезинской и строят злонамеренные козни, пытаясь осуществить рейдерский захват «ЭльНора». Но влезать в бизнес-разборки враждующих дам ему было скучно. Пусть сами разбираются, ему вон убийство Попова раскрывать надо.

Наружка еще доложила, что у мадам Бутаковой явно наметился роман. Но адюльтеры майора Воронова интересовали еще меньше, чем рейдерские захваты. Он не считал для себя возможным лезть в то, что делают за закрытыми дверями два взрослых человека, даже если они и состоят при этом в браке, и любовью занимаются на стороне.

В общем, ничего такого, что оправдывало бы расходы на наружное наблюдение, с красавицами не происходило, и, посоветовавшись с Иваном Буниным, Воронов это наблюдение снял. За месяц с лишним, произошедший с момента убийства Попова, в городе было совершено еще с десяток особо тяжких преступлений, поэтому оперативникам было чем заняться, кроме двух Элеонор, которые даже самому Воронову уже изрядно надоели.

Дело об убийстве расследовалось, шло своим чередом, вон и новый подозреваемый в нем появился, прораб Михалыч, с которым Дмитрий собирался потолковать. Тело Степана Ушакова так и не было найдено, и у Воронова не угасала надежда, что парень до сих пор жив и обязательно найдется.

То, что прораб Михалыч – персона для следствия интересная, Иван Бунин отчего-то не согласился.

– Да ну, – усомнился он, когда Дмитрий рассказал другу и начальнику про вчерашний свой разговор с Меркурьевым, а также о том, что с утра пораньше успел заехать в «ЭльНор» за личным делом Сергея Михайловича Медякина, работавшего в «ЭльНоре» с самого его создания. – Не сходятся у тебя, Митя, концы с концами. Медякину этому пятьдесят пять лет. Ушаков тебе говорил, что его отца призвали в армию сразу после того, как у него сын родился. Мол, они с матерью поженились в восемнадцать лет. Степану двадцать шесть, значит, его отцу сейчас бы было сорок четыре. И сослуживцам его армейским столько же, может, на год больше. Но не пятьдесят пять точно.

– Хм... – О разнице в возрасте Воронов не подумал и сейчас разозлился сам на себя. – Если я прав и вторым другом Ушакова старшего был погибший Василий Лукьянов, то им с Антоном Поповым тоже по сорок четыре года. Правда, Медякина могли призвать в армию после института, не после школы. Тогда разница в возрасте вполне объяснима.

– В пять лет, – Бунин продолжал смотреть на товарища скептически, – но не в одиннадцать. Да и не было за плечами Медякина никакого института, ты же его автобиографию в руках держишь. В армию его призвали в 1979 году, а Ушакова и Лукьянова в каком? В восемьдесят девятом?

– Да не знаю я, в каком году их призвали, – вспыхнул Воронов. – Ответ из Архангельского военкомата пока не пришел. Но думаю, что поговорить с этим самым Михалычем все равно будет не лишним. Он в «ЭльНоре» давно, всех знает, со Степаном тоже общался, может, и знает что.

– Так пообщайся, – согласился Бунин. – И заодно остальные личные дела запроси. Водителей и каменщиков, про которых тебе Меркурьев сказал, что они тоже в Афгане служили. Хоть и хлипкая, но все-таки ниточка.

Дмитрий снова поехал в «ЭльНор», на пороге столкнулся с Элеонорой Бжезинской, которая так куда-то спешила, что даже его не заметила, попросил у секретарши Милы, по совместительству выполняющей обязанности кадровика, личные дела сотрудников, служивших в Афганистане, присел за стол в приемной, внимательно прочитал все документы, сделал необходимые выписки и почувствовал, что окончательно запутался.

В конце восьмидесятых годов двадцатого века в Афганистане служили только два человека из всех названных Меркурьевым. Водитель Владимир Сергеев и каменщик Валентин Балясин. Остальные тоже были намного старше и ушли в армию в конце семидесятых, в самом начале афганского пекла.

Воронов, который легко признавал свои ошибки, был внутренне согласен с тем, что прораб Михалыч не имеет к исчезновению Степана Ушакова никакого отношения. Проработку версии «сослуживец» нужно было начинать с Сергеева и Балясина. Что ж, не ошибается тот, кто ничего не делает.

Он потянулся, разминая затекшие мышцы, вернул Миле папки с личными делами и просительно улыбнулся ей.

– А можно у вас еще разжиться телефонами вот этих двух сотрудников, – он протянул ей листочки с фамилиями Сергеева и Балясина, – а также узнать, где они сейчас находятся, и, естественно, сохранить мой интерес в тайне.

– Можно, – Мила тоже улыбнулась, открыто и бесхитростно. Как успел убедиться Воронов, девушкой она была хорошей, отзывчивой, исполнительницей и неглупой. Что и говорить, Элеонора Бжезинская умела не только вести бизнес и строить качественные дома, но и подбирать персонал. – Чаю хотите?

Видя, что Воронов колеблется, она щелкнула кнопкой чайника и засуетилась, накрывая на стол.

– Мне же все равно еще на объекты звонить нужно, выяснять, где эти люди, которыми вы интересуетесь. Пока я все узнаю, вы как раз чайку выпьете. У нас вкусный же чай, с травками. Вы ведь знаете. Я его так-то никому не завариваю, кроме Элеоноры Александровны. Но для вас не жалко.

Обижать хлопотливую Милу Дмитрию не хотелось, и он согласился выпить чаю с травками. Горячий ароматный пар поднимался над чашкой, рассеивая осеннюю хмарь за окном, что-то щебетала Мила, и Дмитрий внезапно подумал, как было бы славно, если бы можно было никуда не спешить, а сидеть, обхватив двумя руками огненную чашку, смотреть в окно, за которым, кажется, наконец-то кончился дождь, и думать про то, что Лелька уже, наверное, отправила Верочку на прогулку с няней и сама поехала на работу, что вечером они снова встретятся на просторной уютной кухне, где будет пахнуть вкусной едой и где ему, Дмитрию Воронову, всегда рады.

Чай кончился, он заглянул в пустую чашку, вздохнул оттого, что ему было жалко рассеявшегося морока, распрощался с Милой и собрался ехать по первому из двух адресов, которые

она ему дала. Внезапно дверь в приемную распахнулась и туда ввалился дородный детина в распахнутом ватнике и замазанных глиной сапогах.

– Как работать? – возопил детина, стирая руки с многолетней въевшейся в кожу грязью в сторону Милы.

Девушка, впрочем, вовсе не казалась перепуганной, и Дмитрий, который решил уж было вступить за нее, предпочел промолчать. Детина был явно свой.

– Чего грязь носите? – строго спросила Мила. Детина стусевался, стянул с головы вязаную шапку, нервно помял ее в руках.

– Так я ведь это, по делу... Работать-то как? Сначала инженер запропастился, теперь прораб исчез. Бетону-то не привезли, я в вагончик шасть, чтобы Михалычу сказать, чтоб позвонил куда следует, а его и нет, Михалыча-то. Виданое дело, работа стоит, а никому и дела нет. Потом Элеонора премии лишит, я ж знаю, у нас со сроками, сама знаешь, строго, а разве ж рабочий человек виноват, что бетону нет, Михалыча нет, никого нет.

Информация доходила до Воронова как сквозь вату. Он чувствовал, как у него начинает кружиться голова, будто в преддверии важного открытия.

– Погодите, – сказал он, чувствуя, как язык почему-то перестал помещаться во рту и ворочается с трудом. Лоб покрылся испариной, по спине потекли струйки пота, хотя в приемной была открыта форточка. – Погодите, я правильно понимаю, что ваш прораб Сергей Медякин, которого вы зовете просто Михалычем, сегодня с утра не вышел на работу?

– Так как можно это неправильно понять, если он не вышел, – детина медленно переводил взгляд с Воронова на притихшую Милу и обратно.

– А вы ему звонить пробовали? Вы вообще кто?

– Так я старший бригадир. Соколов моя фамилия. Мы с ребятами с утра пришли, а бетону нет, не привезли бетон. Я пошел в вагончик к Михалычу, а там заперто, нет его, Михалыча-то. Ну мы, знамо дело, набрали номер-то его, а телефон выключен. Абонент временно недоступен. А домашнего-то у него нет. Вот я и поехал в офис, чтобы тут сказать, что бетона, значит, не привезли.

– С бетоном мне все понятно, – сказал Дмитрий каким-то чужим, скрипучим голосом. Во рту у него явственно ощущался металлический привкус, как будто он долго и упорно облизывал ржавый гаечный ключ, в глазах двоилось. Заболевает он, что ли?

Самочувствие было таким же, как после полученного от Меркурьева удара по голове, но сегодня его же никто по голове не бил. Дмитрий даже пощупал свою голову, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

– С бетоном все понятно, а вот с Медякиным не очень. Вот что, Мила, дайте мне его домашний адрес, пожалуйста.

– Пожалуйста. – Мила покопалась в какой-то тетрадке, каллиграфическим почерком выписала из нее что-то на маленький листочек бумаги и протянула его Воронову. – Вы себя плохо чувствуете? Может, вам помощь нужна?

– Нормально все, – проскрежетал Дмитрий, чувствуя страшную слабость.

Вот не хватало еще прямо на глазах у этих двоих свалиться в постыдный обморок, как женщина. Он стиснул зубы и, держась преувеличенно прямо, вышел из приемной в коридор, где тут же привалился спиной к стене. Идти он не мог.

Набрав номер Ивана, он быстро рассказал об исчезновении Медякина, продиктовал его адрес и попросил направить на квартиру к прорабу кого-нибудь из оперативников.

– А ты что? – спросил Бунин. – У тебя какой-то голос странный.

– Да я и сам странный, – признался Воронов. – Помнишь, как мне пару дней назад худо стало? Вот и сейчас то же самое. В глазах темно.

– Нет, все-таки надо было тебя проверить на сотрясение мозга, – озабоченно сказал Иван. – Ты это, не геройствуй там. Сядь где-нибудь в уголке, сейчас я за тобой кого-нибудь пришлю.

– Да кого ты пришлешь, рабочий день в самом разгаре, – попробовал протестовать Воронов, впрочем, не очень уверенно.

– Не твоя печаль, – отрезал Иван. – В крайнем случае сам приеду.

Пятнадцать минут, которые потребовались Бунину, чтобы добраться из городского УВД в офис «ЭльНора», показались Воронову вечностью. Он пристроился в холле фирмы на удобном, малахитового цвета кожаном диване под бдительным оком охранника, откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Шум шагов, голоса разговаривающих людей то наплывали на него, то отдалялись. Дмитрию казалось, что его качает на волнах в уютной деревянной лодчонке, которая без весел и руля плывет неведомо куда.

Невзирая на все протесты, Бунин отвез его в поликлинику. Дмитрия уложили на кушетку, обмотали какими-то проводами, взяли кровь из вены, а затем поставили капельницу.

– Что со мной? – спросил он у пожилой докторши, которую видел, когда проходил медкомиссию.

– Уровень сахара в крови резко упал. Гипогликемическая кома, слышали про такое? – Дмитрий кивнул. – Сейчас мы вам капельницу с глюкозой наладили. Полегчает вам, молодой человек. Есть по утрам нужно. Вы что же, голодный из дома уходите?

– Да я ел. – Дмитрий обстоятельно перечислил все, чем накормила его утром хозяйственная Лелька.

– Значит, надо на обследование ложиться, поджелудочную железу проверить. Не дело это, когда организм такие фортели выкидывает. Вы что, товарищ майор, пьющий?

Дмитрий покраснел, как рак. Несколько лет назад он действительно сильно пил, и понадобилась немалая сила воли и помощь настоящего друга Вани Бунина, чтобы он завязал и вернулся к нормальной жизни и работе. Да и Лельке спасибо, чего уж говорить. Но вон оно, когда сказалось.

– Я не пью, – фальшивым голосом сказал он. – Совсем. Но раньше позволял себе, да.

– Ты в завязке, что ли? – Врачиха смотрела понимающе, и под ее взором Дмитрию хотелось провалиться сквозь землю. – Может, позволил себе вчера, вот организм с непривычки и отреагировал? Эх, мужики-мужики.

– Да не было ничего, – жалобно сказал Воронов, чувствуя пристальный взгляд друга. – Вот те крест, не было. Я же даже на рождение Верочки не пил. Даже шампанское. Ваня, ну ты же знаешь, скажи ей. – Это прозвучало так по-детски жалобно, что Воронов окончательно сконфузился и замолчал.

– Ладно, лежи уж, разберемся, – сказал Бунин, которому стало жалко несчастного друга. – Медицина у нас сейчас все может. Давай ты лечись тут, а я поехал. Дел невпроворот. Как оклемаешься, приезжай, если медицина тебя отпустит.

Спустя пару часов Воронову действительно стало лучше. Навалившаяся на него дурнота прошла так же бесследно, как и в прошлый раз, и он, уверив докторшу, что обязательно пройдет полное обследование, поехал в отдел. Ему было интересно, чем закончились поиски Михалыча и что рассказали Сергеев и Балясин.

– В запое твой Михалыч, – сообщил Бунин, удостоверившись, что друг в полном порядке. – Жена сказала, что впервые за пять лет мужик у нее в запой ушел. Напоил его кто-то, вот он и сорвался. На даче сидит, водку глушит. Она утверждает, что дней на десять это у него. Раньше не остановить.

– И кто же его напоил?

– Да шут его знает. Жена говорит, знала бы, своими руками удавила бы гада. Столько они горя через эту водку приняли, так радовались, когда Михалыч завязал, и вот на тебе. – Он искоса посмотрел на Воронова.

– Да не пил я, – заорал тот. – Ванька, ну ты-то мне веришь?

– Да верю-верю. Не кипятись. А Балясина с Сергеевым опросили. Никакого Ушакова они не знают, в армии с ним не служили. Фамилия Василия Лукьянова им тоже ни о чем не говорит. Пустышку мы вытянули, Митя. Впрочем, и бог с ней. На, держи. Пока тебя не было, двоюродная сестра Ушакова по электронной почте фотографию переслала, посмотри.

Воронов взял в руки листок бумаги, который протягивал ему Иван. Распечатанная на плохоньком принтере фотография была нечеткой, да и оригинал, сделанный почти тридцать лет назад, явно оставлял желать лучшего, однако лица изображенных на ней обнявшихся людей вполне можно было разобрать. Один из молодых солдатиков, улыбающихся в объектив фотоаппарата, был Воронову совсем незнаком, во втором угадывались черты Степана Ушакова, видимо, это и был его отец, Валентин Николаевич. Третьим в ряду друзей стоял ... Олег Меркурьев.

– Черт, – Воронов не верил собственным глазам. – Получается, он тоже служил в Афгане, а мне про это даже не обмолвился. Ваня, ты понимаешь, что это значит?

– Ты знаешь кого-то из этих людей?

– Так это же, твою мать, Меркурьев. Бывший начальник службы безопасности «Эль-Нора», телохранитель Бжезинской. Получается, именно его тогда Степан видел в коридоре. Черт, черт, черт! Как же я так повелся-то?

– погоди, Митя, не горячись, – Иван успокаивающе положил руку Воронову на плечо. – Что ты делаешь поспешные выводы, как мальчик-первогодок. Тут разобраться надо.

– Разберемся, – сквозь зубы сказал Воронов и достал телефон. – Сейчас договорюсь с ним о встрече и обязательно разберемся.

– Ты только спиной к нему больше не поворачивайся, – вздохнул Иван. – А то опять по голове получишь, а у тебя и так здоровье хилое. Давай-ка лучше сюда его позови. Скажи, помощь его требуется. Вместе с ним и побеседуем.

Однако телефон Олега Меркурьева оказался выключен.

Глава пятнадцатая

Наши дни

Элла

До дома они, разумеется, не доехали. Жар, настигший обоих, требовал немедленного выхода, иначе Элла и Витольд рисковали заживо сгореть в том пламени, что бушевало внутри. Завидев впереди массивную стену вздымающихся в небо сосен, обрамлявших городской «Парк Мира», Семенов искоса посмотрел на Эллу, словно спрашивая разрешения, и она согласно кивнула, без слов распознав его молчаливый призыв.

Машина, скользя по чавкающей глине и мокрой опавшей листве, съехала с дороги и нырнула под деревья, заботливо расступившиеся перед ними. В осеннем парке было сумрачно и свежо. Снова начал накрапывать дождик, сводя на нет возможность встречи со случайными прохожими. Неподалеку проехал велосипедист, за которым в поводу пробежала большая собака, и все стихло, оставив их, наконец, вдвоем.

– Эля, – Семенов заглушил мотор и повернулся к сидящей рядом с ним женщине, нежно откинул с лица непослушный завиток волос, заправил его за маленькое точеное ухо, просвечивающее розовым, как жемчуг в перламутровой раковине, откашлялся, потому что голос его звучал хрипло. – Эля, я так тебя хочу, что меня сейчас просто разорвет на части. Иди ко мне. Извини, что все так, – он показал рукой на деревья за стеклом, – но я не могу ехать дальше.

– Не надо никуда ехать, – шепнула она, отодвигая свое сиденье и откидывая назад спинку. – Меня вполне устраивает место и время. Витольд, я так по тебе соскучилась. Я думала про то, что наше ночное свидание никогда не повторится, что я тебя нашла и тут же потеряла. И это было невыносимо, считать, что ты больше никогда меня не обнимешь. Если бы ты не приехал сегодня, наверное, я бы бросила все и сама поехала к тебе, хотя совсем не в моих привычках навязываться. Ты знаешь, всегда мальчишки за мной бегали, а я за ними никогда. Видимо, надо же когда-то начинать.

– Я знаю, – непонятно сказал он и накрыл ее тело своим, требовательно ища ее губы.

Царящая в парке тишина какое-то время прерывалась лишь барабанищими по крыше машины каплями дождя и их прерывистым дыханием. Элле было так хорошо, что в какой-то момент она вдруг испугалась, что сейчас умрет, потому что такое блаженство не могло быть испытано в земной жизни. По крайней мере, раньше она ни разу не испытывала ничего подобного.

Это был ЕЕ мужчина. От волнистых густых волос, которые она в экстазе перебирала, запуская в них пальцы, до упругих крепких ягодичек, ритмично двигающихся между ее скрещенными ногами. Он был крупным, мощным, гладким, очень приятным на ощупь, надежным и волнуемым ее до одури. Несмотря на то что Элла видела доктора Семенова второй раз в жизни, он казался странно знакомым, как основательно подзабытый персонаж из старой, прочитанной в далеком детстве книжки.

Его тело сотрясла длинная дрожь, почти судорога. Он протяжно застонал, почти завыл, как вышедший на ночную охоту волк, затем откинулся на водительское сиденье и шумно перевел дух.

– Однако... У меня такое чувство, что мне опять двадцать лет.

– И у меня, – призналась Элла, как смогла поправила сбившуюся одежду, запахнула полы кожаного плаща и требовательно уставилась на Семенова. – А что ты такое знаешь?

– В смысле? – он непонимающе уставился на нее.

– Перед тем, как меня поцеловать, ты сказал: «Я знаю», но не уточнил, что именно.

– А-а-а. Я знаю, что за тобой с самого детства бегали мальчишки.

– Откуда? – удивилась Элла, открыла дверцу и выпрыгнула на улицу, чтобы вдохнуть полной грудью прохладный, вкусно пахнущий сосновой хвоей воздух. Ноги ее, обутые в легкие щегольские ботиночки, явно не предназначенные для прогулок по осеннему лесу, тут же увязли в размокшей глине. – Ой, мамочки, я, кажется, тону.

Семенов, засмеявшись, тоже выбрался из машины, обошел ее кругом и остановился перед Эллой, с огорчением разглядывающей, как жирно чмокающая грязь подбирается почти к щиколоткам.

– Горе ты мое, – ласково сказал он, подхватил Эллу под мышки и выдернул ее из глины легко, будто она была не взрослой женщиной, а маленькой девочкой. Смутное воспоминание мелькнуло у нее в голове, и Элла, открыв рот, уставилась в лицо Семенову, ища подтверждение своей внезапной догадке. – Эх ты, я так сразу тебя узнал, как только увидел. Ты только в кабинет мой зашла, и я сразу понял, что это не кто иной, как Эля Яблокова. Оттого я и знаю, что за тобой мальчишки с детства бегали, что ты практически на моих глазах выросла.

– Тося? – Элла не верила собственным ушам. – Ты – Тося. А я-то в детстве ломала голову, как тебя зовут полным именем. А оказывается, Тося – это Витольд. Так необычно.

– Витольд – лесной властелин. Именно поэтому я умыкнул тебя в лес. – Он засмеялся, обнажая красивые ровные зубы. – Хотя обещаю в следующий раз заниматься с тобой любовью в постели, долго, обстоятельно и разнообразно. Как той нашей ночью. А вообще мама назвала меня в честь польского композитора Витольда Лютославского. Отчего-то были у нее в молодости столь странные музыкальные пристрастия.

– А Анну Ивановну помню. Еще бы, лучший детский доктор в Солнечном. Как она?

– Жива-здоровая. Отец тоже. После того, как он вышел в отставку, они поселились в Подмосковье. Но мама регулярно приезжает ко мне, ходит по театрам, по выставкам живописи. Обожают путешествовать по Европе. Слава богу, я могу ей это обеспечить.

– Она отдала мне твой велосипед. Тогда, в детстве, когда ты в институт поступил. Но я на нем так и не ездила. Не смогла. Он напоминал мне, что ты уехал. И я даже в сарай старалась лишний раз не заходить, чтобы его не видеть. Боже мой, Тося... Я даже представить себе не могла.

Вдруг Элла стала серьезной. Глаза ее расширились, рот приоткрылся, и она прикрыла его ладошкой, словно пытаясь сдержать рвущиеся наружу страшные слова.

– Что? Что опять случилось? – мягко спросил ее Витольд.

– Тося, я ж думала, что тебя убили.

– Почему в твою голову закралась такая странная фантазия?

– Потому что в гостинице, которую построила моя фирма, нашли труп, и полицейский, который ведет расследование, сказал, что убитого зовут Антон Попов и он приехал из Солнечного. Я решила, что Антон – это милый мальчик Тося из моего детства, но раз Тося – ты, то кого же тогда убили?

– Антона Попова убили? В вашем городе? Когда? – Семенов выглядел расстроенным.

– В последних числах августа.

– Это парнишка из Солнечного. Я его хорошо знал, потому что он тоже мечтал поступить в медицинский. И поступил. В тот самый Московский первый медицинский, где я уже учился. Ты его совсем не помнишь?

– Совсем. Странно это, я же пацанка была, все с мальчишками собак гоняла, но никого, кроме тебя, из детства не помню. Да и они на меня не смотрели.

– Очень даже смотрели. Конечно, когда я уезжал из Солнечного, ты еще совсем ребенком была. Но почему-то все равно на себя мое внимание обращала. Что-то в тебе такое было. Даже не знаю, как и объяснить, но Антошка влюбился в тебя до одури.

– Влюбился? В меня? – Элла-Эля не верила своим ушам. – Тося, а ты ничего не путаешь?

– Не путаю. Мы с ним, конечно, почти не общались. Курсы разные, компании тоже, но, возвращаясь из дома, он всегда со мной разговаривал, приветы передавал, а после его первого, а моего четвертого курса и приключилась с ним та самая история, которая ему всю жизнь переломала. Об этом в институте много судачили.

– Какая история?

– Эля, ты и впрямь не знаешь, что Попов из-за тебя подрался и в тюрьму загремел?

– Ка-кую тюрьму, – Элла даже заикаться начала от удивления.

– О господи, неужто мама тебе ничего не рассказывала? Про это весь поселок гудел. Хотя, может быть, твое имя и не упоминали особо, чего председателю сельсовета нервы трепать. В общем, Антон из-за тебя подрался со своим другом, Васькой Лукьяновым. Дурной парень был, гнилой. Ну до ножей у них дошло. Антон Ваську ранил, в тюрьму сел. Вот такая история.

– Господи, ужас какой, – Элла поежилась. – Я действительно ничего не знала, Тося. Я же, как по распределению уехала, в Солнечный больше и не приезжала. Как бабушка умерла, так меня совсем домой не тянуло. Больно слишком было. А потом, когда бизнес пошел, я маме квартиру в Москве купила, перевезла ее в столицу, к себе поближе. А что с Антоном дальше было?

– Из института его, естественно, выперли, а дальше я не знаю. Моя дорога в одну сторону пошла, его – в другую. Не пересекались мы с ним больше. На встречу выпускников я как-то раз съездил в Солнечный, про Антона спрашивал, рассказали мне, что он вышел из тюрьмы и домой вернулся, а Лукьянов в Афгане погиб. Вот, собственно, и все.

– Погоди, Тося, а в бассейне нового отеля Попов как оказался? Почему он из Солнечного приехал через столько лет?

– Это я не знаю, Эля. – Он снова ласково посмотрел на нее и обнял за плечи. – Залезай в машину, ты же замерзла совсем, с мокрыми-то ногами. А зачем он приехал и почему погиб, это полиция разберется, наверное. Хотя все это мне не нравится.

– Почему? – Элла вдруг встревожилась.

– Потому что вокруг тебя происходит что-то нехорошее, и я за тебя боюсь. Хорошо, что я приехал. Буду рядом на всякий случай, пока со всем не разберусь.

– Ты? Разберешься? – Элла звонко расхохоталась, ее голос разнесся гулким эхом по всему парку, словно белка запрыгала с дерева на дерево. – Тося, ты же врач. Как я понимаю, хороший врач. Я очень благодарна Сергею, что он направил меня именно к тебе, иначе бы мы не встретились. Но ты же не следователь. Не детектив.

– Следователям и детективам все равно, что с тобой может случиться, а мне – нет, – решительно заявил Семенов, садясь за руль и заводя машину. – Поэтому я убежден, что в качестве самого пристрастного дознавателя придусь как нельзя кстати. Поняла, Эля Яблокова?

– А я уже и не помню, что меня когда-то так звали, – тихо сказала Элла и вдруг заплакала. – Я так привыкла быть Эллой, хотя мне никогда не нравилось это имя.

– Зачем же ты на него соглашалась, если оно тебе не нравилось?

Элла задумалась, пытаясь вспомнить ощущения, испытываемые в теперь уже казавшейся крайне далекой молодости.

– Сама не знаю, – ответила она, слизывая слезы с губ. – Я была тогда такой неуверенной в себе провинциальной девочкой. А моя новая подружка Нора Фалери – настоящей москвичкой, стильной, современной, красивой. Я, как зачарованная, слушала ее рассказы. Мама – балерина Большого театра. И это в то время, как моя мама по улицам Солнечного в резиновых сапогах ходила практически круглый год, лишь в самые сильные морозы меняя их на валенки. Отец – крупный номенклатурный работник, по заграницам ездил, а потом с собой покончил. Я Нору и жалела, и равнялась на нее во всем. Мне так хотелось до нее дотянуться, ну хоть капельку стать такой же, как она.

– Дурочка, – Витольд нагнулся и губами собрал слезы с ее губ и щек, – какая же ты у меня дурочка.

Элла поцеловала его. Горячо, открыто, доверчиво, как целуются только в юности. И как же так вышло, что ни у кого не встречала она таких мягких и таких сладких губ.

– Скажи, а ты женат? – спросила она, руководствуясь непостижимой для мужчин женской логикой.

– Нет, не женат, – помолчав, ответил он.

– Развелся? – догадалась она. – Ты знаешь, а я тоже рассталась с мужем. Мне казалось, что мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день, а он бросил меня сразу же, как только у меня начались первые по-настоящему крупные неприятности. Я расстраивалась, дурища, а сейчас думаю, какое счастье, что это произошло. Мне теперь никто не помешает быть с тобой.

– И мне не помешает, – улыбнулся он. – Я не разводился, Эля. Я просто не женился. Конечно, у меня были женщины. Много женщин. Но отчего-то ни одну из них мне не захотелось познакомиться с мамой, привести в свой дом, да даже просто видеть каждый день. Мама расстраивается, что я у нее до сих пор неприкаянный, утверждает, что это она, выбирая мне имя, напророчила. Мол, Витольды женятся очень поздно, потому что выбирают себе будущую жену с особой тщательностью. Зато никогда не разводятся. Так что ты учти, когда я на тебе женюсь, обратной дороги у тебя не будет.

– Да ну ее, эту обратную дорогу, – махнула рукой Элла. – Ты знаешь, я только недавно поняла, что все женщины, какие бы сильные и самостоятельные они ни были, мечтают о том, чтобы спрятаться за спину мужчины. Все разговоры об эмансипации – это дурь, блажь и сушая ерунда. Да, я умею строить дома, я все эти годы каждый день принимала решения, но если бы ты знал, как я от этого устала. Рядом со мной не было мужчины, который разглядел бы эту мою каменную усталость, снял с моих плеч ношу, которая мне не по силам, и разрешил быть слабой.

– Теперь есть. – Семенов внимательно смотрел на дорогу, но Эля видела его серьезный, немного грустный взгляд. – Теперь у тебя есть я, но ты не обольщайся, Эля. Когда ты отдохнешь, ты обязательно взвалишь на себя какую-нибудь ношу, старую или новую. Ты не сможешь иначе. У тебя такой характер. И сидеть на моей шее ты не сможешь, хотя человек я обеспеченный, даже состоятельный. Тебе будет неловко и некомфортно. Поверь мне. Ты – человек долга. Такой и останешься.

– Ой, кстати, о долге, – спохватилась Элла. – Мне же на открытие «Истории» через два часа. Черт, в салон красоты я уже не успею. Наряд наглядить тоже. Поехали в магазин, я быстренько себе какое-нибудь новое платье куплю, волосы заберу и лицо в примерочной накрашу. А то вся великосветская тусовка скажет, что я на почве неприятностей с бизнесом и ссоры с подругой и мужем страшно подурнела.

– А по-моему, ты очень красивая, – заверил ее Семенов. – Глаза блестят, губы улыбаются. Секс в машине в лесу из любой Золушки способен сделать принцессу.

– Да уж, комплименты ты делать не умеешь, – расхохоталась Элла. – Тебя спасает только то, что на мужчину, с которым ты только что занималась сексом в машине в лесу, совершенно невозможно сердиться.

По дороге в магазин она раздумывала о том, как ей перегнать к дому брошенную на стоянке у офиса машину. Конечно, автомобилю там вряд ли что-то угрожало, но Элла любила доводить все дела до конца. Мама с детства внушала ей, что во всем должен быть порядок, кроме того, без машины под рукой она чувствовала себя неуютно, поэтому, прикинув все варианты, остановилась на самом, с ее точки зрения, приемлемом – обратиться за помощью к Олегу Меркурьеву. Безвылазно сидящий в коттеджном поселке, он должен был обрадоваться возможности вырваться в город.

– Позвоню-ка я Олегу, – вслух сказала она. – Ему я мою машинку могу доверить без всякого опасения.

– Кто такой Олег? – немного ревниво тут же откликнулся Витольд.

– Бывший начальник службы безопасности «ЭльНора». Ты знаешь, он мой друг. Как выяснилось в нынешней заварухе, чуть ли не единственный. Когда я это поняла, то даже испугалась. Это так страшно, остаться совсем одной.

– Ты не одна, Эля, – Семенов ласково посмотрел на нее. – Теперь не одна, у тебя есть я.

– Я счастлива, – просто сказала Элла и, достав из кармана телефон, набрала номер Олега. Забрать машину и перегнать ее во двор к дому он согласился без промедления.

– А ты на чем едешь, душа моя? – ласково и чуть насмешливо спросил он, зная, что Элла терпеть не может выпускать руль из рук.

– Я сегодня с водителем, – призналась она. – Меня возит близкий мне человек, и мне в его машине ничего не угрожает, я тебя уверяю.

– Ты с мужем, что ли, помирилась? – в голосе Олега удивление смешивалось с недоверием.

Элла с трудом вспоминала значение слова «муж». Ах да, у нее же есть муж. То есть был. То есть официально все еще есть. Даже в лучшие их годы ему никогда не приходила в голову мысль оставить все свои дела, чтобы возить ее на своей машине. Вся семейная жизнь промелькнула у нее перед глазами. С первого крика «Горько!» на молодежной, тогда еще комсомольской свадьбе до отвратительного последнего выяснения отношений. Сейчас ей казалось, что все это происходило не с ней, что ее жизнь остановилась летним днем посередине лужи на одной из улиц поселка Солнечный, когда красивый студент по имени Тося помог ей спасти утопленные сандалии, а заново пошла только что, в осеннем парке, когда все тот же Тося, возмужавший, повзрослевший, состоявшийся как профессионал, выдернул ее из топкой глины, как морковку из грядки. Нет, не из размокшей жижи выдернул, а из грязи всей ее последней жизни, которую она отчаянно пыталась выскрести из души, да не получалось. Ничего у нее без него не получалось.

– Нет, муж мой тут совсем ни при чем, – улыбнулась она в трубку. – Это мой старый знакомый, с которым мы снова встретились через много лет. Ты его не знаешь, Олег. Он из Солнечного, как и я. Его зовут Витольд Семенов, и я вас как-нибудь обязательно познакомлю. Если хочешь, прямо сегодня.

– Сегодня не получится, дела у меня, – извиняющимся голосом сказал Меркурьев. – Да и тебе после приема в «Истории» не до представлений будет. Так что давай, вы действуйте по своему плану, а я сейчас все дела в поселке переделаю, в город выберусь, в пару мест заскочу, а потом отгону твою машинку в лучшем виде. Часа через три устроит тебя?

– Конечно, Олег. Мне не к спеху. Можешь не торопиться. Домой меня точно Витольд отвезет, – согласилась Элла. – И да, спасибо тебе.

* * *

Наши дни

Элла и Нора

Прием в отеле «История» был пышным и торжественным. Строгая и модно одетая Наталья Удальцова на правах хозяйки встречала гостей. Им показывали современные уютные номера, стильный ресепшен, спа-зону, в которой Любовь Молодцова, жена Дмитрия Воронова, открыла филиал своего салона красоты «Молодильные яблоки», небольшие уютные кафе, продуманные до мелочей конференц-залы и переговорные комнаты.

Элла на экскурсию по отелю не пошла, поскольку знала его до последнего закоулка и могла сама водить по «Истории» туристов, причем с завязанными глазами.

– А мне любопытно, – признался ей Витольд. – Очень хочется посмотреть, что можно сделать из гостиницы в маленьком провинциальном городе.

– Сходи, – улыбнулась ему Элла. – Тут действительно есть на что посмотреть. Удальцова обладает отменным вкусом, кроме того, этот отель ее детище, выстраданное и долгожданное, так что постаралась она на славу. Да и «ЭльНор», признаться, хорошо поработал. Этим объектом мог бы гордиться любой строитель.

Последние слова прозвучали у нее с легким оттенком горечи. Отель «История» завершал большую и славную эпоху «ЭльНора». В нем были любовь, дружба, здоровый авантюризм и непомерные амбиции, огромное количество труда и вера в успех. Теперь Элла точно знала, что впереди ее ждет новая, не менее счастливая жизнь, но, как и на любом значимом рубеже, она испытывала грусть. Отель «История» – высокое здание из стекла и бетона, в котором было много воздуха и света, оказался памятником ее ушедшей безвозвратно молодости.

Неспешно бредя по пустынным коридорам, Элла направилась в сторону ресторана, в котором уже были накрыты столы в ожидании церемонии открытия. Стук ее каблучков отдавался гулким эхом, и внезапно она осознала, что в этом эхе слышны не только ее шаги. Кто-то шел вслед за Эллоу, и ей внезапно стало так страшно, что волоски вдоль позвоночника встали дыбом. Паника залила грудь. Стараясь не совершать резких движений и не выдавать своего страха, она повернулась и практически столкнулась с Норой, насмешливо смотрящей на нее.

– Для циничной стервы и подлой предательницы ты слишком пуглива, – безмятежно пропела Нора. – Что, грехи не дают чувствовать себя в безопасности? То ли еще будет, дорогая моя.

Обойдя Эллу, как неодушевленный предмет, Нора двинулась дальше по направлению к ресторану. Элла запоздало подумала, что бывшая подруга тоже не пошла на экскурсию по отелю, и по той же самой причине, что и она сама.

Глубоко вдохнув и выдохнув несколько раз, чтобы унять бешено колотящееся сердце, Элла взяла себя в руки. В зал ресторана она уже входила с высоко поднятой головой, и никто даже заподозрить не мог, как сильно и унижительно она испугалась всего несколько минут назад.

Вечер тек своим чередом. Закончилась экскурсия, зал наполнился людьми, среди которых было полно знакомых лиц. Элла то и дело раскланивалась, здоровалась, улыбалась, пожимала чьи-то руки.

– Почему у вас в городе принято пожимать руки женщинам? – недоумевал вернувшийся к ней Витольд, рядом с которым Элла чувствовала себя в полной безопасности. – Дикость какая-то.

– Потому что для большинства окружающих, да что там для большинства, для всех, кроме тебя, я – не женщина, а совладелица крупного бизнеса, деловой партнер, акула капитализма, да еще и в такой чисто мужской сфере, как строительство, – объяснила она, внимательно следя за происходящим в зале.

Каким-то седьмым чувством она ощущала, какую неловкость испытывают сейчас их общие с Норой знакомые. Они словно раздумывают, к кому из совладелец «ЭльНора» подойти, а если к обеим, то в какой последовательности. Разговаривая с Бжезинской, суетливо оглядывались на Бутакову и наоборот. Опускали глаза, сворачивали разговор и отходили, радуясь, что с честью выпутались из неловкой ситуации.

Элла подумала, что еще вчера, пожалуй, сильно расстраивалась бы из-за такого положения вещей, но сегодня ей было совершенно безразлично, достаточно ли она блистает в свете. В этом зале ее интересовало мнение о ней только одного человека. А он стоял рядом и, судя по всему, был именно от нее в полном восторге. Витольд. Тося. Ее первая, детская любовь.

Она с нетерпением ожидала окончания церемонии, чтобы уехать домой и наконец-то остаться с Витольдом наедине. Судя по его затуманенному взгляду, он думал о том же самом. Разнесли холодный брют, и Элла, которая любила очень сухое шампанское, вовремя вспомнив, что она не за рулем, взяла холодный запотевший бокал, в котором весело танцевали пузырьки.

– Твое здоровье, – сказала она Витольду и улыбнулась.

Слово для торжественной речи взял председатель совета директоров шведской фирмы, в мировую сеть которой входила «История». Элла сделала глоток и приготовилась слушать. Шипучая дорожка бежала у нее по пищеводу, от нее становилось тепло и щекотно внутри.

Где-то, видимо недалеко, громыхнул мощный взрыв, от которого жалобно задребезжали стекла. Первым делом Элла подумала о том, как некстати будет сейчас Удальцовой заниматься окнами, но тут же прогнала от себя эту глупую, ненужную, лишнюю сейчас мысль. Что же взорвалось? Есть ли жертвы? Как узнать, что случилось? Похоже, все присутствующие в зале сейчас думали об одном и том же. Витольд непроизвольно схватил ее за руку, словно для того, чтобы не потерять. От нехорошего предчувствия у Эллы сжалось сердце, и она вцепилась в эту теплую надежную руку, будто прося защиты.

Она видела, как опрометью выскочила из зала журналистка Инна Полянская. К уху она прижимала телефон. Если и мог кто быстрее других получить нужную информацию, то несомненно это была она, и Элла начала двигаться к выходу, таща за собой Семенова, чтобы первой перехватить журналистку, когда та будет возвращаться в зал. Краем глаза она заметила, что то же самое делает и Нора.

С Инной они столкнулись практически у самых дверей. Та, увидев Эллу, остановилась, будто принимая какое-то важное решение, и жестом позвала ее за собой в коридор. Толстая дверь из натурального дуба мягко закрылась за их спинами, отсекая ресторанный шум. Там продолжалась вечеринка, прерванная непонятным взрывом.

Инна Полянская смотрела на Эллу как-то странно. В ее взгляде смешались жалость, решимость и еще что-то неведомое. Нехороший это был взгляд, тяжелый, чужой.

– Элеонора, – Элла мимоходом отметила, что впервые в жизни Инна назвала ее по имени, не прибавив обязательного доселе отчества, – Элеонора, вы не волнуйтесь, пожалуйста. – Она взяла Эллу за вторую, свободную руку, и Витольд, внимательно посмотрев в глаза этой маленькой рыжеволосой женщины, вдруг крепко обнял Эллу и прижал ее к себе. – Этот взрыв, который мы все сейчас слышали... Это взорвали машину. Вашу машину, Элеонора.

– Но я здесь без машины, – прошептала Элла, до которой смысл происходящего доходил с трудом. – Меня привез Витольд Михайлович. Это взорвалась его машина?

– Нет, именно ваша. Вы оставили ее на офисной парковке, правильно?

– Да. Я уехала утром на работу и оставила машину. Мне обещали к вечеру перегнать ее к дому. – Элла выталкивала из себя слова, которые падали к ногам, словно тяжелые горячие камни.

– В вашу машину сел человек, включил зажигание, после чего раздался взрыв. Это просто счастливая случайность, что в машину сели не вы, Элеонора. Понимаете, вас хотели убить.

– Олег, – помертвелыми, непослушными губами прошептала Элла. Она побелела так сильно, что сквозь просвечивающую, словно фарфоровую кожу стали видны сосуды. – Олег Меркурьев. Он согласился перегнать мою машину. Я попросила его об этом, и он обещал помочь. Боже мой, что с Олегом?

За ее спиной громко захохотала Нора. Ее смех, надсадный, вызывающий, истерический перешел в икоту. Теперь он уже был больше похож на рыдание и в пустом коридоре звучал неуместно и страшно. От Нориного хохота кровь начинала стечь в жилах. Витольд повернулся к ней и с размаху ударил ее по щеке.

Глава шестнадцатая

Наши дни

Майор Воронов

Следы убийства Антона Попова и исчезновения Степана Ушакова неумолимо приводили к Олегу Меркурьеву. Приводили и обрубались бесследно в связи с его гибелью во взорванном автомобиле.

Дмитрий сам выезжал на место происшествия. Очередного происшествия, связанного с компанией «ЭльНор». Он понимал, что владелица машины не пострадала чудом, и самый главный вопрос, на который ему хотелось получить ответ, жертвой чего или кого стал Меркурьев. Замыслил подложить мину под машину Элеоноры и случайно привел в действие спусковой механизм? Или ни о чем не подозревая, сел за руль чужой машины, чтобы выполнить просьбу хозяйки, и стал случайной жертвой?

В первом случае главный злодей был наказан провидением, и о жизни и здоровье остальных участников строительного детектива можно было не волноваться. Во втором – оставался кто-то еще, несущий реальную угрозу фирме и одной из ее совладелец. Или даже не одной.

Как бы то ни было, в мотивах самого Олега Меркурьева тоже предстояло еще разобрататься. Но вот как, если фигурант погиб и уже не сможет дать показаний.

– У меня от этого дела голова кругом, – признался Воронов, проснувшись утром следующего дня и решив позволить себе немного поваляться в постели.

С осмотра места преступления, а потом опроса владелицы машины и ее спутника он вернулся глубокой ночью. Сегодня была суббота, и, хотя на работу ему нужно было все равно, он вполне мог проспять до десяти часов, выпить в постели принесенный Лелькой кофе и с аппетитом позавтракать, затем утолить голод совсем иного свойства, воспользовавшись тем, что Верочку вывезла на прогулку няня, и теперь лежать в кровати, прижимая к себе жену и делясь с ней служебными неурядицами. Она все понимала, его Лелька, и при случае могла дать вполне дельный совет.

Друзья иногда поддразнивали его, что после второй женитьбы он превратился в подкаблучника, но Дмитрий точно знал, что это неправда. Подкаблучником, несчастным, затюканным подкаблучником, не хотевшим по вечерам возвращаться домой, он был много лет назад. А после знакомства с Лелькой стал самым счастливым и свободным человеком на свете.

– Фасеточное зрение, – сказала его умная жена откуда-то из-под мышки.

– Чего?

– Ты не видишь картинку целиком, понимаешь, – терпеливо объяснила она. – Ты видишь разрозненные кусочки, как стрекоза, обладающая фасеточным зрением. Только тот самый участок мозга, который отвечает за сбор картинки воедино, у тебя почему-то не включается. Это как пазл, состоящий из тысячи маленьких деталек. Каждую из них ты вертел в руках и так, и сяк, рассматривал со всех сторон и знаешь до последней мелочи, но ты не можешь расставить эти пазлы по местам и сложить целостную картинку. Вот и все.

– А почему?

– Что почему? – не поняла Лелька.

– Почему не могу? Обычно же мог.

– Митька, ты же мне сам объяснял, что все дела разные и каждый раз новое дело словно проверяет на прочность. И тебя, и ребят. Просто это дело имеет свои особенности. Оно не хуже и не лучше, не легче и не тяжелее. Оно просто другое.

– Все дело в том, что я не умею расследовать экономические преступления, – мрачно сказал Воронов. – Я ничего не понимаю в бизнесе, и от всех этих рейдерских захватов, девелоперов и консалтингов у меня голова взрывается.

– Да брось ты. – Лелька вдруг рассмеялась, скинула его тяжелую руку, удобно устроившись вокруг ее мягкой большой груди, и села на кровати, спустив ноги и явно собираясь встать. – Это не экономическое преступление, Митя, а самое что ни на есть бытовое. И ты с ним рано или поздно обязательно справишься.

– Как это бытовое? – не понял Воронов. Ему было отчаянно жалко, что все положенные радости сегодняшнего утра заканчиваются, и не хотелось выпускать из постели Лельку, теплую, уютную, желанную.

– Да так. – Жена запахла халат и потуже затянула пояс, давая понять, что все, жизнь продолжается, и дела и обязанности вместе с ней. – Причины всех неприятностей «ЭльНора» кроются в низменных страстях: зависти, ревности, трусости, дурной любви наконец. А там, где речь идет о бремени страстей человеческих, экономика отстывает. Она слишком логична для того, чтобы состязаться с безумным накалом чьих-то чувств.

– Лелька, как же любовь может быть дурной? – тоже рассмеялся Воронов, признавая, что во всем остальном жена, скорее всего, права. – Любовь – это светлое чувство. Великое. И все оправдывающее.

– Даже убийство? – Лелька прищурилась. – Митенька, ты лучше меня знаешь, сколько крови проливается из-за любви и нежелания делиться с кем-то объектом своей страсти. И это как раз я и называю дурной любовью. Она не к созиданию ведет, а к разрушению. Себя в первую очередь. Ну и заодно всего вокруг.

– Философ ты мой. – Дмитрий сбросил мощное тренированное тело с кровати. О бессмысленном и приятном валянии в постели он уже не думал, полностью переключившись на работу. – Итак, по-твоему, когда я смогу увидеть всю картинку?

– В любой момент. Как только найдешь недостающий кирпичик, тот единственный кусочек пазла, который пока не встал на свое место, так и увидишь.

– Знать бы еще, где этот самый кирпичик, – пробормотал Дмитрий и отправился в душ.

Первым делом Воронов собирался съездить в загородный поселок, где жила Элеонора Бжезинская, и осмотреть гостевой домик, в котором поселился Меркурьев. Конечно, особой надежды, что в жилище будет найдено хоть что-то, проливающее свет на убийство, у Воронова не было, но любое дело он привык доводить до конца тщательно и методично, а потому осмотреть вещи Меркурьева хотел сам, чтобы быть уверенным, что ничего важного не пропустил.

Дмитрий не спеша допивал вторую чашку кофе, выстраивая в голове дела, которые требовалось завершить именно сегодня, в субботу, у всех нормальных людей являющуюся выходным днем. Осмотреть дом Меркурьева он хотел без суеты и спешки, а для этого нужно было разобрать кучу бумаг на столе, возмнивших себя Эверестом, переговорить с Ванькой Буниным и дождаться ответа экспертов по взорванной машине и останкам в ней. Что ж, тогда сначала в управление, а уже часика в три – в усадьбу. Надо только не забыть позвонить Бжезинской и договориться, чтобы она была дома, открыла ему коттедж и...

От мыслей его отвлек телефон, заливающийся из заднего кармана джинсов. Джинсы были фирменными, дорогими, явно не по карману нищему оперу, но разве ж Лельке докажешь? У нее свои правила и свои представления о жизни.

Он улыбался, выковыривая телефон из кармана, но при взгляде на экран улыбка тут же увяла. Звонила та самая Элеонора Бжезинская, с которой он собирался связаться.

– Да, Элеонора Александровна, – приветствовал ее Воронов. – Я так понимаю, что раз вы мне звоните, значит, случилось что-то еще? Вас похитили? Ограбили? Подожгли дом?

– Дмитрий. – Она даже не отреагировала на его неуместные, как он сам понимал, шутки, что еще раз доказывало, что Бжезинская – леди до кончиков ухоженных пальцев. – Дмитрий, вы должны срочно приехать ко мне. Срочно, Дмитрий. Это вопрос жизни и смерти.

– Чьей жизни и смерти? – Воронов вдруг действительно встревожился так сильно, что волоски вдоль шеи поднялись дыбом, как шерсть у волка. Элеонора Бжезинская не производила впечатление истерички.

– Дмитрий, мы с утра решили сходить в домик Олега. Конечно, это некрасиво входить в чужое жилье без приглашения, и я бы ни за что этого не сделала. Но Олег погиб, и я сочла необходимым поискать записную книжку или хоть что-то, чтобы понять, кому нужно сообщить о его гибели. Это же не по-людски, никому не сообщить. Он был очень закрытым человеком, и, несмотря на то что мы проработали вместе больше шести лет, я совсем ничего о нем не знала. Поэтому решила поискать.

– И что вы нашли? – Воронов внезапно охрип и прокашлялся, возвращая звонкость голосу.

– Не что. Кого. Дмитрий, в это невозможно поверить, но в подвале коттеджа мы нашли Степу. Степу Ушакова, моего главного инженера, который пропал десять дней назад.

– Что-о? – Воронов не верил собственным ушам.

– Да. Мне страшно представить, что бы было, если бы мы не услышали стоны. Мне бы в голову не пришло спуститься в подвал. Но у нас в поселке очень тихо, и мы услышали, как Степа стонет. Включили свет в подвале и увидели его. Он был пристегнут к батарее наручниками.

– Что он сказал? – спросил Воронов. – Что он говорит, Элеонора Александровна? Я сейчас же приеду, но мне очень важно знать, что он вам сказал?

– Он ничего не говорит, – печально сказала Бжезинская и всхлипнула. – Он без сознания. И, кажется, бредит. Мы оказали ему первую помощь и вызвали «Скорую», Дмитрий. Поэтому вы поторопитесь, пожалуйста.

– Я уже еду. – Воронов на бегу надел куртку и ботинки, схватил ключи от Лелькиной машины и жестом показал жене, что убегает по срочному делу. Она понимающе качнула головой. – Элеонора Александровна, вы все время повторяете «мы, мы». Вы – это кто?

Казалось, она удивилась вопросу.

– Мы – это я и Витольд. Мой друг, врач из Москвы Витольд Михайлович Семенов. Если бы не он, то я бы ни за что не осмелилась спуститься в этот чертов подвал. Он сейчас со Степой. А я звоню вам.

– Скоро буду, – еще раз пообещал Воронов, дал отбой и выскочил на лестницу, захлопнув дверь и оставив за ней все счастье и безмятежность сегодняшнего утра.

* * *

Наши дни

Элеонора Первая

Только бы выжил. Только бы мальчик выжил.

Бескровные губы беззвучно шевелились, монотонно повторяя эти слова, как мантру. Элеонора Бжезинская сидела на краешке кресла перед незажженным камином, засунув сложенные лодочкой руки между коленями, раскачивалась вперед-назад, словно кресло было не обычным, а вовсе креслом-качалкой, и твердила одно и то же.

– У нее шок? – тревожно спросил майор Воронов, примчавшийся к ним уже после того, как «Скорая» увезла в больницу Степу Ушакова, и немного огорченный этим обстоятельством.

Витольд Семенов бросил на Бжезинскую короткий взгляд и снова повернулся к Воронову.

– Нет. Не волнуйтесь за Элю. С ней все в порядке. Она просто переживает за этого парня, которого, оказывается, держали прикованным к батарее в подвале практически ее дома. Чело-

веческая психика устроена очень причудливо. В опасные моменты она включает защиту от «перегрева», так что Эля сейчас просто выпускает напряжение.

– Вы давно знакомы с Элеонорой Александровной?

Семенов усмехнулся.

– Знакомы мы с ней с детства. Я, видите ли, тоже родился в Солнечном. В Элином детстве, а моей юности мы, конечно, пересекались. В школе, на улицах. Сказать, что я как-то по-особенному к ней относился тогда, было бы неправдой. Но отчего-то я про нее помнил и, когда она приехала на прием в мою клинику, сразу узнал. А вот она меня – нет, хотя говорит, что в детстве была в меня отчаянно влюблена.

– В тебя были влюблены все девчонки поселка. – Бжезинская ненадолго перестала раскачиваться, тень улыбки пробежала по ее губам. Дмитрий мимолетно отметил, что впервые видит ее без безупречно нанесенной помады. – Скажите мне, что мальчик выживет. Что организм справится.

– Мои коллеги уже отправились в больницу, так что вскоре мы все узнаем, – успокаивающе сказал Воронов. – Степан молод. Организм у него крепкий. Так что будем верить в лучшее. Можно я все-таки с вашего разрешения осмотрю коттедж?

– Конечно, там открыто, – Элеонора слабо махнула рукой. – Только извините, Дмитрий, но я туда пока снова пойти не готова. Вы уж как-нибудь сами.

Обстановка в гостевом домике, стоящем на участке Бжезинских, была современной, стильной, продуманной до мелочей, но, несмотря на то что Меркурьев жил здесь более месяца, все равно сохранила нежилой и даже какой-то казенный вид. Элегантные светильники на стенах, кованые элементы декора, светлый дубовый пол, мягкие дорогие шторы почему-то все равно несли печать солдатского быта. Воронов подумал о том, что Меркурьев был человеком неприхотливым, не привыкшим к уюту и совершенно одиноким.

– Ах да, он же из детского дома, – вспомнил он. – Степан говорил, что друг его отца вырос в Казахстане и что родителей у него не было. Отсюда и равнодушие к интерьерам.

Двухспальная кровать, разобранная наполовину, аккуратно разложенные в тумбочке книги и очки для чтения, ровный ряд гигиенических принадлежностей в ванной комнате. Каждой вещи здесь было отведено свое место, и все, что находилось в двух комнатах – гостиной и крохотной спальне, можно было собрать и упаковать за пятнадцать минут, максимум, полчаса. Вещей у Меркурьева был самый минимум.

На прикроватной тумбочке стояла черно-белая фотография. Смеющееся лицо на ней казалось задорным и по-юношески прекрасным. Несмотря на то, что прошедшие годы сильно изменили Элеонору Бжезинскую, в девчонке на фото легко узнавалась именно она, Эля Яблокова. Повинуясь неожиданному инстинкту, Дмитрий достал фотографию из рамки и сунул в карман. Больше ничего важного в вещах Меркурьева он не нашел.

«Интересно, а где он жил до того, как перебрался сюда?» – подумал Воронов и, позвонив Бжезинской, испросил разрешения вернуться в дом и задать несколько вопросов.

– Сначала, когда Олег пришел к нам работать, он снимал квартиру, – рассказывала та через силу. Говорить о своем бывшем начальнике службы безопасности – похитителе Ушакова и, возможно, убийце Антона Попова ей было тяжело. – Потом года через три мы выделили ему квартиру в одном из построенных нами домов.

– Выделили, в смысле, подарили? – уточнил Дмитрий.

– Да. У «ЭльНора» была такая практика. Мы перспективным сотрудникам после нескольких лет работы передавали в собственность жилье. Именно поэтому к нам многие стремились на работу и трудились на совесть. Олег получил однокомнатную квартиру и переехал в нее.

– Вы можете назвать адрес? Мои товарищи съезжают к нему домой. Ведь основные его вещи там остались?

– Я не знаю, – голос Бжезинской звучал неуверенно, – наверное. Я не проверяла, что он привез сюда. Конечно, не все, ведь телохранитель мне был нужен не навсегда, а лишь на время. Я сейчас позвоню Миле, попрошу ее съездить на работу и посмотреть адрес в личном деле. Я его просто не помню.

Она сделала звонок, отдала необходимые распоряжения и с отчаянием в глазах посмотрела на Воронова.

– Господи, как же я так ошиблась в Олеге? Никогда себе этого не прощу.

– Не знаю, будет ли вам от этого легче, но я тоже ошибся в Меркурьеве, – буркнул Воронов. – Мне он с первой же нашей встречи понравился, и я не раз по ходу расследования обращался к нему за помощью.

– Но почему он так поступил? – спросил Семенов, напряженно морща лоб. – Что заставило его пойти сначала на убийство, а потом на похищение человека?

– Не знаю, – признался Воронов. – Хотя этот вопрос на самом деле самый главный. Он никогда не встречался с Антоном Поповым. Возможно, Лукьянов когда-то рассказывал ему о смертельной вражде с бывшим другом и о девчонке-соседке, из-за которой они рассорились. Но зачем Меркурьев устроился на работу к этой самой девчонке, зачем утверждал, что тоже в нее влюблен, зачем при встрече с Поповым убил его?

– И что такого мог знать про него Степа, если он его украл и прятал здесь, на даче? – вмешалась Бжезинская.

– Ну, это мы как раз скоро узнаем. Как только Ушаков придет в себя, так сразу нам все и расскажет. Будем надеяться, что его информация даст хотя бы частичный ответ и на остальные наши вопросы. Кстати, Элеонора Александровна, вы узнаете эту фотографию? – Он достал из кармана снимок, который забрал с тумбочки в домике Меркурьева.

– Конечно, это я, – удивленно сказала Бжезинская. – Это с выпускного вечера в школе фотография. Откуда она у вас?

– Позаимствовал у Меркурьева.

– У Олега? А к нему она как попала?

– Не знаю. Скорее всего, от его сослуживца Василия Лукьянова. Он был в вас влюблен так сильно, что из ревности отправил Антона Попова в тюрьму. Неудивительно, что, уходя в армию, он взял с собой вашу карточку. Возможно, после его гибели Меркурьев забрал ее себе.

– Тогда получается, что он не случайно приехал в наш город и устроился ко мне на работу? Получается, он меня искал? Зачем? – Голос Бжезинской звучал недоуменно.

– А вы можете припомнить, как именно он у вас оказался?

Элеонора сморщила гладкий лоб.

– У меня тогда внезапно уволился начальник службы безопасности. Только накануне мы с ним обсуждали приобретение новых камер слежения, и он ни слова не сказал, что не собирается работать дальше, а наутро написал заявление и наотрез отказался объяснить, что случилось. Я была в отчаянии, потому что фирма развивалась в те годы очень бурно и безопасность была ключевым моментом в работе. Я спросила, где мне теперь искать нового сотрудника такого уровня, и он предложил Олега. Сказал, что давно его знает, что он – отличный специалист. Мы встретились, я посмотрела его послужной список, и меня все устроило. Олега тоже.

– Странная история, – задумчиво сказал Воронов. – Пожалуй, надо будет найти этого вашего бывшего безопасника, чтобы порасспросить подробнее, отчего он так активно сорвался с места.

– Все это интересно, но для меня совершенно не важно, – вдруг сказал Семенов. – Мне бы хотелось, чтобы вы еще установили, какое отношение убийство имеет к развалу «ЭльНора», а также к покушению на Элю.

– Да. Меня действительно уже несколько раз хотели убить, – печально сказала Бжезинская. – Сначала в мою машину стреляли. Потом ее взорвали, и Олег погиб вместо меня по

счастливой случайности. Мне кажется, что в этой истории есть кто-то еще. Это все вряд ли затеял Меркурьев.

– Что значит, в вашу машину стреляли? – спросил Воронов. – Элеонора Александровна, почему вы мне ничего про это не рассказывали?

– Я боялась, что эта история привлечет дополнительное внимание к нехорошей обстановке вокруг «ЭльНора», – призналась Бжезинская и вдруг заплакала горько и безутешно, как ребенок. – Любой скандал вокруг компании, любой интерес к ней со стороны СМИ еще больше обрушили бы продажи, а я никак не могла это допустить. Я страшно боялась и много раз порывалась вам рассказать, но каждый раз не могла себя перебороть. Поэтому я наняла Олега, чтобы он меня охранял, и решила, что этого достаточно.

– Боже мой, какая глупость, – вздохнул Воронов. – Неужели вы не понимаете, что все это время ходили по краю пропасти? Вы ведь взрослая женщина, Элеонора Александровна, а ведете себя, как девчонка.

Она подняла на него залитое слезами лицо, строгое, гордое, прекрасное, несмотря на отсутствие косметики и струящиеся из глаз слезы, и Воронов вдруг понял, отчего в эту женщину влюбляются так бесповоротно. Нет, его сердце было навеки отдано Лельке, но Антона Попова, Василия Лукьянова, Олега Меркурьева и Витольда Семенова он сейчас понимал прекрасно. А вот Бориса Бжезинского не понимал вовсе. Своими руками отдать такой бриллиант... Дурак, вот как есть дурак.

– Это еще не все, – голос Семенова изменился, стал глубже, сильнее, словно внутри рокотал вулкан, собираясь с силами, чтобы извергнуть огненную лаву.

– Что значит – не все? – Дмитрий смотрел на Семенова очень внимательно, понимая, что сейчас тот скажет что-то действительно важное.

– Не все покушения. Я не знал, что в нее стреляли, взрыв машины случился только вчера, но уже несколько дней я убежден, что ее пытаются убить. Точнее, отравить. Точнее, не совсем отравить. Из-за этого-то я и приехал из Москвы.

– Что значит – не совсем отравить? – Воронов вдруг изнемог от всех загадок, недомолвок и тайн последних дней. – Витольд Михайлович, пожалуйста, говорите яснее.

– Последний месяц Эля очень плохо себя чувствовала. У нее кружилась голова, она плохо спала, ее бросало в испарину, в глазах темнело, тахикардия мучила... Из-за ухудшения своего состояния она обратилась ко мне в клинику.

– Да, меня Сережа Бутаков отправил, – тихо сказала Бжезинская. – Надо же, как непредсказуема жизнь. Я всегда подозревала, что он меня недолюбливает. Я была уверена, что он встанет на сторону Норы, что выскажет мне что-нибудь неприятное, а он мне помог, отправив меня к Витольду. И от Норы ушел, потому что посчитал, что она поступает подло. Предаст меня и интересы «ЭльНора».

– Бог с ним, с Бутаковым, – нетерпеливо сказал Воронов. – Рассказывайте дальше, Витольд Михайлович.

– В первый же вечер Эля упала в обморок. Я ускорил обследование, и оно показало, что у нее в крови крайне низкий уровень сахара. Настолько низкий, что у нее в любой момент могла начаться гипогликемическая кома. Мы прокапали ей глюкозу, наблюдали несколько дней и выписали. Сахар пришел в норму, и это было странно. Эля была абсолютно здорова, и ее поджелудочная железа работала нормально. Чем был вызван сбой, я тогда так и не понял. Потом Эля уехала, а я все перебирал в голове, что могло вызвать такую реакцию. И мне пришлось в голову, что ей кто-то дает препараты, понижающие уровень сахара в крови искусственно. Понимаете меня?

– Если честно, не очень. – Воронов слушал очень внимательно, ощущая внутри легкое неудобство. Организм словно пытался что-то ему напомнить, но он пока не понимал, что именно.

– Ох, господи, боже ты мой. Все же так понятно. Есть ряд медицинских лекарственных препаратов, которые принимают больные сахарным диабетом, чтобы снизить уровень сахара в крови. Если давать этот препарат здоровому человеку, да еще постоянно, то у него обязательно начнется гипогликемия.

– И так можно убить?

– Убить не уверен, но сделать инвалидом – вполне. Вообще все это от особенностей организма зависит. В общем, еще неделя-другая, и Элю волновало бы только собственное здоровье, а никак не дела ее компании и строительство какого-то там «Изумрудного города».

– Тося, но это невозможно, совершенно невозможно, – воскликнула Бжезинская, и Воронов улыбнулся оттого, насколько не сочеталось с мощным и уверенным в себе Семеновым его ласковое прозвище. – Как можно давать мне лекарства так, чтобы я про это не знала? Я не принимаю никаких таблеток, так что подменить мне их невозможно. Я не делаю уколы. Я даже витаминов не принимаю. Завтракаю я дома, обедаю в ресторанах, причем все время в разных. Это зависит от того, какие у меня на этот день запланированы деловые встречи. Ужин я, как говорится, отдаю врагу. То есть вечером я не ем. Все. Как можно меня травить, да еще и систематически?

– Эля, ну что же ты, даже чай в течение дня не пьешь? – улыбаясь ее горячности, спросил Семенов.

– Пью, конечно. Мне его Мила заваривает, своими собственными руками. Или ты считаешь, что меня Мила и травит?

Мила заваривает чай. В голове у Воронова всплыла мягкая улыбка молоденькой секретарши, озабоченной поиском мужа.

«Чаю хотите? Я только для Элеоноры Александровны заваривала. У нее особенный чай, с травками», – вспомнил он.

Мила дважды угощала его чаем с травками, который обычно не доставался никому, кроме директрисы «ЭльНора». И оба раза после этого ему, Воронову, становилось плохо. Как там сказал Семенов? Кружится голова, по спине течет пот, пропадает зрение, сердце высккивает из груди... Все это и происходило с Вороновым дважды после чая, выпитого в офисе «ЭльНора». В первый раз он списал свою дурноту на последствия удара по голове. А во второй не знал, на что и думать.

Врачиха, сердитая, уставшая врачиха в их ведомственной поликлинике, сказала Дмитрию, что у него низкий уровень сахара в крови, и предположила, что у него нарушены функции поджелудочной железы, потому что он – алкоголик. Господи, ему было так стыдно в тот момент, что он мечтал провалиться сквозь землю, а все дело в том, что он просто выпил чайку.

– Я все понял, – сказал он, вставая со стула, – поехали. Быстро.

– Куда? – растерянно спросила Бжезинская, а Семенов молча потянул со спинки стула висящий на нем джемпер.

– В офис вашей фирмы. Вы же попросили приехать на работу вашу секретаршу. Вот и поехали. Попросим ее заварить нам горячего крепкого чаю с травками.

Глава семнадцатая

Наши дни

Нора

Все летело в тартарары. Тщательно продуманные планы, еще совсем недавно казавшиеся нерушимыми, оказались воздвигнутыми на песке. Проклятая Элла, заклятая подруга Элеонора Бжезинская, не только не думала помирать, но даже особо и не болела. То ли выбранная Норой помощница недобросовестно пичкала ее лекарствами, то ли лошадиное здоровье справлялось с любой химией.

Лошадь она и есть лошадь. Нора вспомнила, как увидела Элю Яблокову впервые. Длинная, нескладная деревенская девица с испуганным взглядом, бьющим по спине лохматым «конским» хвостом неухоженных волос, слишком большим ртом и нескладными движениями отличалась от нее, ладной, худенькой куколки с белокурыми волосами и яркими синими глазами, свет из которых холодными брызгами достигал окружающих, немевших от такой небесной красоты.

Первые годы Эля Яблокова, с легкой руки Норы превратившаяся в Эллу, ходила за ней по пятам, только что в рот не заглядывая. Во всем, во всем Нора была несоизмеримо выше ее. Коренная москвичка с мамой-балериной, папой – партийным бонзой, квартирой на Тверской. Что могла противопоставить ей безотцовщина из-под Урюпинска, которая не знала, что помимо красной бывает еще и черная икра, считала, что слово «эглет» означает пирожное, и в мороз поддевала под платье ужасные шерстяные панталоны с начесом.

Надо отдать Элле должное, она быстро училась, схватывая все на лету. Ловко орудовать столовым ножом, правильно садиться, держа колени сведенными вместе, к месту использовать редкие термины, говорить по-английски свободно, легко, непринужденно. С шиком носить одежду, разбираться в моде, рассказывать, держа внимание аудитории, любить балет.

Тот момент, когда ученик превзошел своего учителя, Нора как-то пропустила. Выкрутасы мамы, ее депрессия и последовавшая за ней распушенность, дикое ее замужество, из-за которого Норе пришлось даже уйти из дома, переехать в общежитие, на Эллину койку, которая освободилась из-за того, что подружка выскочила замуж за Борьку Бжезинского... Ей было о чем подумать и кроме изменений, происходящих с Эллой.

Первый тревожный звоночек, впрочем, прозвучал именно тогда. Второсортная Элла вышла замуж за писаного красавца, а звезду Нору отчего-то никто не спешил звать в ЗАГС. Замуж она вышла, уже приехав по распределению. Не сказать что Сергей Бутаков был тем самым принцем на белом коне, которого она так отчаянно ждала, но на безрыбье, как говорится...

Сергея она не любила. Относилась к нему с теплотой, понимая, что человек он хороший, но не любила. Не было у нее ни бабочек в животе, ни томления в груди, ни сбоев в дыхании. Их отношения до недавнего времени назывались стабильным браком, в котором не было места эмоциям, скандалам, ссорам и примирениям.

Элла с Борисом жили иначе. Бурно ссорились, бурно мирились, целовались взахлеб, ночами, взявшись за руки, гуляли по новому для них городу, встречали рассвет над Волгой. И их семейному счастью Нора завидовала истово.

Она вообще как-то незаметно для себя все больше и больше, чаще и чаще завидовала Элле. За прекрасную фигуру, не испорченную двумя родами (сама же она после рождения Вики сильно располнела и обратно в форму так и не пришла), за умение держаться с достоинством королевы, которое сама Нора с годами отчего-то растеряла, за бесстрашие, с которым она вела их общий бизнес-корабль, прорывающийся сквозь любые бури. Элла, Элеонора Бжезинская, была прирожденным лидером, а Нора, Элеонора Бутакова, оказалась жалким аутсай-

дером. Элеонора Первая и Элеонора Вторая. Примириться с тем, что она вторая, Нора так и не смогла.

Она была уверена, что в этот раз победит. Столкнет Эллу с авансены, займет ее место, приберет к рукам «ЭльНор», обеспечив собственное будущее и поквитавшись с соперницей. Все должно было получиться, но в какой-то момент пошло наперекосяк.

Кому понадобилось убивать этого мужика в бассейне? Если сначала Нора решила, что само провидение посылает ей дополнительный шанс угробить репутацию «ЭльНора», то сейчас она понимала, что это злосчастное убийство спутало ей все карты. Слишком много внимания было привлечено теперь к фирме. Слишком сложно совершать нужные действия, когда за тобой по пятам ходит полиция.

Элеонора Бутакова никак не могла признаться самой себе, что с мечтами об «ЭльНоре» предстоит распрощаться. Элла жива и здорова, а значит, ни за что не выпустит из рук бразды правления фирмой. Значит, на деньги, настоящие деньги, а не те жалкие гроши, которые платят ей в «Ганнибале», можно даже не рассчитывать. Впрочем, работа в «Ганнибале», скорее всего, совсем скоро тоже останется в прошлом.

Нора зажмурилась, вспомнив утреннюю сцену, устроенную ей любовником. Да-да, директор «Ганнибала» Эдуард Горохов не просто взял ее на работу, чтобы с ее помощью устроить рейдерский захват «ЭльНора», но и влез к ней в постель, приласкал, сделав ручным зверьком. Только с ним она поняла, что значит физическая страсть. Только с ним осознала, что это такое – хотеть мужчину. До дрожи, до обморока, до потемнения в глазах.

Он доводил ее до иступления, а потом выспрашивал о делах «ЭльНора» так искусно, что она даже не отдавала себе отчета в том, что выбалтывает. Теперь Эдик знал все, что хотел. Вернее, он знал вполне достаточно для того, чтобы решить, что больше не нуждается в ней как женщине. По крайней мере, сегодня утром после того, как она откинулась на подушки, полностью обессиленная тем вихрем чувств, которые только что бушевали внутри, заливая волной немислимого блаженства каждую клеточку ее тела, он холодно сообщил, что больше они встречаться не будут.

– Как это? – искренне не поняла Нора. – Ты что, хочешь сказать, что разлюбил меня?

– А с чего ты взяла, что я тебя вообще любил? – Он смотрел холодно, насмешливо, оценивающе, и под его взглядом ей захотелось поплотнее укутаться в одеяло, скрывая наготу. Этот взгляд давал понять, что тело ее несовершенно. – Ты была мне нужна, скажем так. Я с тобой спал, потому что это соответствовало моим планам. Сейчас планы изменились. Ты мне больше не нужна.

– Это подло. – Норе захотелось плакать, но она сдержалась, понимая, что не может себе позволить унизиться перед ним еще больше.

– Подло? – Он, казалось, искренне удивился. – Не тебе говорить мне о подлости. Ты за полтора месяца слила мне всю информацию по «ЭльНору». Теперь я могу сожрать эту фирму со всеми потрохами Бжезинской.

– Так сожри! – Несмотря на физическую боль от того, что она теряет этого мужчину, Нора вдруг испытала глухую надежду, что он напоследок сможет отомстить за ее разрушенные планы. Ей «ЭльНор» теперь не отобрать, это очевидно. Так пусть же и Бжезинской он тоже не достанется. Эдик – более сильный противник, чем она, Нора.

– Нет, не буду. Слишком хлопотно. – Он быстро одевался, словно не желая проводить с ней ни одной лишней минуты. – Менты круги нарезают вокруг Бжезинской. Мне лишние неприятности ни к чему. Еще дознаются...

Он резко оборвал себя на полуслове. Лицо Горохова словно окаменело.

– О чем дознаются? – как можно безмятежнее спросила Нора.

– Ни-о-чем, – отчеканил он. – Все, дорогая моя. Без радости была любовь. Разлука будет без печали. Не поминай лихом.

Он ушел, и Нора осталась сидеть на разоренной постели, еще хранившей запах его кожи, так пьянящий ее голову. Она понимала, что вместе с любовником наверняка потеряла еще и работу, и не очень представляла, что ей делать дальше. На что жить... Внезапно ей захотелось услышать голос Вики.

Дочь, вставшая на сторону отца, звонила теперь даже не каждый день. Как-то попала в то время, когда в квартире Норы был Горохов. Да что там в квартире, в постели. Нора, разговаривая с дочерью, продолжала ласкать любовника, он стонал, и Вика, конечно, все поняла. Не маленькая уже, семнадцать лет. Поняла и матери звонить практически перестала.

Вспомнив сейчас о дочери, она вдруг подумала и о своей крестнице, Варе Бжезинской. Девочка в последнее время на связь со своей крестной не выходила, и это было странно. Нора вдруг подумала о том, что у нее остался один-единственный способ поквитаться с Норой – настроить против нее дочь. И она решительно взялась за телефон.

– Варежка, – ласково сказала она, когда Варя после длительных гудков все-таки взяла трубку. – Здравствуй, Варежка. Как ты живешь, девочка моя?

– Хорошо, – в голосе Вари сквозила какая-то бесконечная, совсем недетская усталость. – Я поживаю хорошо, тетя Нора.

– Тетя Нора? С каких это пор ты перестала звать меня Крёской?

– С тех пор как вы перестали быть моей доброй феей. И стали злой волшебницей.

– Варежка, ты что? Это тебя мама против меня накрутила? Так она же врет. Она просто меня ненавидит и поэтому говорит гадости, чтобы нас поссорить. Не верь в плохое про меня. Мама это специально делает.

– Тетя Нора! Вы. Больше. Никогда. Не будете. Говорить. О маме. Плохо, – девочка чеканила каждое слово, как Горохов десять минут назад. – По крайней мере мне. Впрочем, у вас не будет такой возможности. Вы просто больше не будете никогда ничего мне говорить. Я не стану с вами разговаривать, даже если вы мне позвоните. Имейте в виду – я вношу ваш номер телефона в черный список.

– Варежка, – Нора не выдержала и все-таки заплакала, хотя расклеиваться перед какой-то девчонкой было не в ее правилах. – Что ты говоришь, Варежка? Мы же с тобой всегда так друг друга любили. Ты и с Викой всегда дружила, и мне все свои девичьи тайны доверяла. Ты вспомни, ты же всегда со мной обсуждала то, что с мамой не могла.

– Тетя Нора, – голос четырнадцатилетней девочки был взрослым-взрослым. Ну надо же, а Нора даже не заметила, как она повзрослела там, в этой своей Франции. – Если вы думали, что, выбирая между вами и мамой, я выберу вас, то вы ошибались. Но вы ведь не могли так думать, правда? Потому что маму я люблю больше всех людей на свете. Она – самая замечательная женщина, которую я знаю, и я могу только мечтать о том, чтобы хоть немного быть на нее похожей. Я любила вас, да, не спорю. Но никогда, ни при каком раскладе вы не смогли бы заменить мне маму. Всего доброго. И не звоните мне больше.

В ухе запищали тонкие противные гудки. Нора сползла с кровати, уткнулась в смятое одеяло лицом и завывала в голос. В последний раз она так выла, когда узнала про самоубийство отца. С его уходом разрушилась та привычная, сладкая, налаженная жизнь, в которой Эля Фалери была маленькой, всеми любимой, избалованной и капризной принцессой. Сейчас, четверть века спустя, жизнь разрушилась снова. Все нужно было начинать сначала. И не было ни одного человека, на которого бы она могла опереться. Который бы ее любил.

Звук поворачивающегося в двери ключа заставил ее напрячься. На минуту в голову пришла шальная мысль, что Горохов решил ее убить и подослал киллера. Нора с криком вскочила на ноги, как была нагая, выскочила в коридор и со страхом уставилась на родную дочь, спокойно запирающую за собой дверь.

– Вика?

– Мама? Ты чего в таком виде? Или, – она чуть помедлила, – или я не вовремя. Ты не одна?

– Одна, – сдавленно пробормотала Нора, захлебываясь слезами. – Я совсем одна. Окончательно. Бесповоротно. Насовсем.

– Он тебя бросил, что ли? – проницательно спросила дочь, которая тоже повзрослела, совсем незаметно для Норы. – Мамочка, так это же было понятно с самого начала. Он подонок, а тебя угораздило увлечься подонком. Через это все проходят. Это не смертельно.

Она подошла к матери и обняла ее, прижав растрепанную голову к своей груди.

– Ой, мамочка, мамочка. Неужели ты не знаешь, что от несчастной любви не умирают, а разбитое сердце лечат коньяком. Налить тебе?

Нора вспомнила заветную бутылочку, которую таскала в сумке в последнее время, и покраснела. Еще не хватало спиться для полного счастья. Впрочем, еще один раз ничего не решает.

– Налей, а я пока пойду надену что-нибудь, – пробормотала Нора и вспомнила свою мать, бездумно стоящую у залитого дождем окна, спрятавшись в складках тюлевых штор. И себя, ставшую матери надеждой и опорой до тех пор, пока та не вышла замуж за подонка и проходимца. Нет, она не повторит судьбу своей матери и не испортит жизнь Вике. Это единственное, что она еще в силах сделать для своей семьи. – Налей, – повторила она. – И я поплачу у тебя на груди, как будто мне снова семнадцать лет. И запомни, доченька, это будет в первый и последний раз. Только сегодня. Я обещаю тебе.

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

Секретарша Мила удивилась их приходу очень сильно. Удивилась, но не испугалась. Это Воронов отметил опытным глазом сразу.

– Ой, Элеонора Александровна, вы приехать решили? – прощепетала она. – А я уже почти все нашла. Вот личное дело Олега Николаевича, сейчас адрес выпишу. Вы извините, что я припозднилась, просто я не сразу смогла из дома выйти. Я, – щеки девушки покрылись легким румянцем, – была не одна. Я вас подвела, да?

– Вот что, Мила. – Воронов взял в руки папку с личным делом Меркурьева, но листать не стал, внимательно глядя на девушку. – Вы бы нам чаю вашего волшебного заварили, с травками. И мне, и Элеоноре Александровне, и Витольду Михайловичу.

– Конечно, – с лица Милы не сходила доброжелательная улыбка. – Сейчас я все сделаю. Элеонора Александровна, в кабинете накрыть?

– Зачем же в кабинете, давайте здесь накроем, в приемной. Заодно и вы с нами попьете. Чаек-то у вас больно знатный.

– Да как же мне с вами пить, – оскорбилась Мила. – Мне такой чай не положено. Он же специальный, лечебный, для восстановления сил. Дорогой очень. Его специально для Элеоноры Александровны с Тибета привезли.

– Мила, вы что, издеваетесь надо мной? – не выдержала Бжезинская.

– Почему издеваюсь? – голос девушки теперь звучал испуганно, и она в растерянности переводила взгляд с одного человека на другого. – Это же правда.

– Мила, а покажите мне коробочку с этим самым тибетским чаем, – задумчиво попросил Воронов. – Очень посмотреть хочется.

– Пожалуйста. – Мила встала из-за стола и подошла к шкафу, за дверцей которого, как знал Воронов, устроились чайник, сервиз и сахарницы. – Только это не коробка, а банка. Стекло-баночка с притертой крышкой, чтобы лечебные свойства не испарялись. Вот.

И она протянула достаточно большую банку, наполовину засыпанную коричневым чаем вперемешку с непонятными цветами и ягодками.

– И от чего лечит этот чай? – устало спросила Элеонора. – Мила, отвечай, а то я и впрямь решу, что ты хотела меня отравить.

– Да бог с вами, что вы такое говорите, Элеонора Александровна, – девушка вдруг заплакала. – Как я могу хотеть вас отравить, вы что? Это просто чай. Полезный. Из Тибета. Он нервную систему укрепляет. Иммунитет. Его полезно пить, когда осень и когда нагрузки повышенные. А у вас сейчас такое тяжелое время, что вам он очень полезен.

– Ты сама, что ли, на Тибет-то за ним ездила? – Голос Бжезинской звучал насмешливо, но из него пропал былой металл. – Мила, не реви. Я понимаю, что ты не замышляла против меня ничего дурного.

– Ну, конечно, не сама. Я же с работы не отлучалась. И отпуска у меня не было. Мне его для вас дали. Чтобы я вас поддерживала этим чаем.

– Да кто дал-то? – рявкнул, не выдержав, Семенов.

Мила отшатнулась и заревела теперь уже в голос.

– Да не пугайте вы ее, – с досадой сказала Бжезинская. – Она не со зла. С глупости. Мила, посмотри на меня. Я тебя ни в чем не обвиняю. И эти господа тоже. Просто успокойся и скажи, кто дал тебе этот чай и сказал, что мне очень полезно его пить?

– Так Элеонора Константиновна, конечно. – Мила даже руками всплеснула. – Разве ж я у кого чужого что-нибудь бы взяла?

– Бутакова. – В голосе Бжезинской теперь звучала каменная усталость. – В общем-то, я так и думала.

– Мила, – вступил в разговор Воронов. – Правильно ли я понимаю, что Элеонора Константиновна Бутакова принесла вам эту банку, сказала, что там уникальный чайный напиток и что вы для поддержания здоровья Элеоноры Александровны должны ей заваривать его каждый раз, как она попросит у вас чаю?

– Правильно, – всхлипнула Мила. – Сказала, что давно заказала этот чай на Тибете, но теперь из-за ссоры не может отдать лично. Но что Элеонора Александровна по-прежнему не чужой ей человек, поэтому она просит меня следить за ее самочувствием и подбадривать чаем. Я так и делала. А что такого-то?

– Ну, чай нужно на экспертизу отдать, – сказал Воронов, забирая банку из рук взволнованной секретарши. – Думаю, что там мы найдем средство, резко понижающее уровень сахара в крови. Господи, ну и здоровье у вас, Элеонора Александровна. Я дважды после чашки этого чаю чуть богу душу не отдал, а вы его полтора месяца каждый день пили и все еще на ногах держитесь.

– То-то и страшно, что я мог опоздать, – тихо проговорил Семенов. Лицо его было бледным, синеватым даже. – Эля, если бы я не успел, то никогда в жизни себе бы этого не простил.

– Тося, ну ты-то тут при чем? – спросила Бжезинская и ласково провела рукой по его не бритой с утра щеке. Оно и понятно. Хлопотное у них сегодня выдалось утро. – Ты меня спас. Я бы никогда не догадалась, что мне подсыпают в питье лекарство от диабета. И пила бы дальше этот волшебный эликсир.

– Там что, яд? – Глаза Милы были широко открыты от ужаса. – Это что получается, Элеонора Константиновна хотела вас отравить?

– Получается, получается, – пробормотал Воронов. – А сама при этом еще распускала слухи о том, что госпожа Бжезинская балуется наркотиками. Ее плохое самочувствие было видно невооруженным глазом. Люди начали перешептываться, и важно было, во-первых, отвести подозрения от проблем со здоровьем, а во-вторых, репутацию подпортить. Заодно, так сказать.

– Боже мой, какая гадость. – Бжезинская повела плечами, как будто ей вдруг стало холодно. Семенов тут же ее обнял.

– Ладно, вызову я группу, чтобы оформить изъятие банки по всем правилам и снять показания с этой милой девушки, – сказал Воронов. – А пока ребята едут, давайте посмотрим личное дело Меркурьева, чтобы время зря не терять. Мила, вы можете заварить нам чаю? Только не этого, обморочного, а нормального обычного чаю. Есть у вас нормальный чай, Мила?

– Есть. Тот, что я сама пью.

– Вот его и заварите. Судя по вашему внешнему виду, чувствуете вы себя хорошо, и ваш чай можно пить смело.

Они прошли в кабинет Бжезинской и расселись вокруг стола для переговоров. Воронов открыл личное дело Меркурьева. С первой страницы на него смотрел Олег. Внимательный, доброжелательный взгляд, тот же самый, что и в жизни. Открытое лицо. Глаза цвета стали. Прямой нос. Твердая линия губ. Красивый мужик. Про таких еще говорят: породистый. А преступник. Что-то же толкнуло его на убийство и похищение человека. Что? Где искать концы той запутанной нити, которая приведет к разгадке?

Воронов перевернул страницу. Биография. Родился в Казахстане. Рос без отца. Мать умерла, когда ему было семь лет, и Меркурьев попал в детдом. Закончил училище связи. Ушел в армию. Попал в Афганистан. После ранения был комиссован, долго лечился. В Казахстан не вернулся, зато поступил в военное училище, после которого служил в армии. Пятнадцать лет отдал военной разведке. Выйдя в отставку, переехал в старинный русский город на Волге, с которым его, казалось, ничего не связывало, но в котором жила Элеонора Бжезинская, чью фотографию он бережно хранил, хотя знаком с ней до этого не был.

Приехав в город, Меркурьев поступил на службу в «ЭльНор» и проработал здесь шесть лет. Уволился в одночасье, объяснив свой поступок довольно странно. Мол, он чувствует свою вину в разладе соучредителей и теперь сомневается в собственной профпригодности. Что ж, скорее всего, на самом деле уволился Меркурьев потому, что в фирму пришел работать новый главный инженер Степан Ушаков. Парень очень похож на своего отца, да и фамилия у него та же. Поэтому Меркурьев понял, что теперь вынужден ходить по одним коридорам с сыном своего бывшего сослуживца, и почему-то предпочел с ним не пересекаться.

– Вы советовались с Меркурьевым перед тем, как пригласить на работу Ушакова? – спросил Дмитрий у Элеоноры.

– Да, конечно. Я всегда обсуждала с ним все кандидатуры. Олег сначала изучил все данные, потом сказал, что считает подобную должность преждевременной для Степы. Мол, у него нет опыта. Но я с этим не согласилась. Опыт – дело наживное, а Степан очень талантлив. Я была уверена, что смогу сделать из него прекрасного топ-менеджера.

– Ну да, ну да. – Воронов побарабанил пальцами по полированной поверхности стола. – Он не нашел достаточных контраргументов и решил, что, скорее всего, ему ничего не угрожает. В конце концов, Степан его никогда не видел, и шансов, что он опознает его по старой армейской фотографии, было немного. Меркурьев же не знал, что эта фотография в доме Ушаковых стояла в «красном углу» и Степа с детства изучал лица отцовских друзей до мельчайших подробностей. Когда он понял, что Степа его все-таки узнал, он уволился от греха подальше. Но этого Меркурьеву показалось мало. Степан знал что-то очень опасное для Меркурьева, поэтому он похитил парня и спрятал его там, где его никому не пришлось бы в голову искать – в вашем загородном доме, Элеонора Александровна.

– И сколько он собирался его там держать?

– Не знаю. Может, ждал, пока парень погибнет, чтобы вывезти тело. Может быть, рука не поднималась убить Ушакова, и он судорожно искал выход из положения. Думаю, что этого мы уже не узнаем. Ну или Степа расскажет, когда придет в себя.

– Дмитрий, позвоните, пожалуйста, в больницу, – попросила Бжезинская. – Наверное, уже нам смогут сказать хотя бы что-нибудь.

Воронов послушно взялся за телефон. Семенов протянул руку и взял папку с личным делом Меркурьева, которое Дмитрий пока оставил в покое, не найдя там ничего, чего бы он не знал раньше. Домашний адрес если только. Так по нему ребята сегодня же съездят.

– Минуточку, – Семенов произнес это таким странным голосом, что Воронов перестал тыкать пальцем в экран телефона и внимательно посмотрел на него. – Позвольте. Но этого же просто не может быть. Нет, я решительно ничего не понимаю.

– Тося, что случилось? – Бжезинская подошла поближе и взяла его за плечо.

– А случилось то, что этот человек, которого вы называете Олегом Меркурьевым, на самом деле совсем не тот, за кого себя выдавал.

– Что значит не тот? – напряженно спросил Воронов, чувствуя, что последний пазл его никак не складывающейся картинке сейчас встанет на место.

– Да то и значит. Элька, я не понимаю, неужели ты его за столько лет так и не узнала? Это же Васька Лукьянов. Тот самый одноклассник Тохи Попова, с которым они подрались из-за тебя.

– Вы уверены? – Воронов взял Семенова за плечи и резко потрянул. – Черт подери, Витольд Михайлович, вы уверены?

– Абсолютно. Он, конечно, изменился, поэтому, наверное, Эля его и не опознала. Да и он сильно старше ее был. Попова же она не узнала тоже. А я всего на пару лет старше, так что обоих помню прекрасно. Это Василий Лукьянов, говорю я вам.

Телефон в руках Воронова зазвонил, и все трое вздрогнули от неожиданности.

– Да, – хрипло сказал Дмитрий в трубку. – Привет, Иван. У меня тут охренеть какие новости. Ты бы приехал.

– У нас тоже охренеть какие новости, – ответил ему Бунин. – Только что пришли результаты экспертизы. При взрыве в машине Бжезинской пострадал не Олег Меркурьев. За рулем сидел один из охранников того коттеджного поселка, в котором она живет. Он и погиб.

Воронов вспомнил славное открытое лицо паренька, с которым разговаривал на въезде в поселок, и заскрипел зубами. И как только преступник уговорил его сесть в машину, которую затем взорвал?

– Что ж, – медленно сказал Дмитрий. От его лица отлила кровь, и он вдруг стал особенно собран, как боец перед атакой. – Ну что ж. Значит, теперь посостязаемся. Ты вызвал меня на бой, Василий Лукьянов. Что ж, я принимаю вызов. Я тебя найду. Обязательно найду.

Глава восемнадцатая

1986 год

Василий Лукьянов

Что ж, вызов принят. И ничего не попишешь, из сложившейся ситуации придется как-то выпутываться.

Василий прислонился к скале – жаркой, впивающейся в его спину острыми каменистыми краями, будто обкусанными злобным солнцем, стоящим высоко в зените. Для принятия решения у него оставалось полчаса, максимум час.

Итак, какие есть варианты? Их немного, собственно говоря, всего два. Первый – уговорить Олега не сдавать его, прикрыть, а точнее говоря, покрыть. Беда только в том, что слишком честный Меркурьев никогда не пойдет на то, чтобы покрыть предательство. Второй – избавиться от боевого товарища, с которым почти год они вместе продержались в этом аду. Бесмысленном, кровавом аду, в котором перестаешь быть человеком. Перестаешь настолько, что сами черти по сравнению с тобой выглядят форменными младенцами.

Василий не был склонен к самообману. Поэтому точно знал, что человеком быть перестал уже давно. В тот самый момент, когда согласился на сотрудничество с душманами и в первый раз передал им информацию о складах с оружием. Впоследствии он делал это так часто, что даже почти перестал следить за собственной безопасностью. Поверил в то, что неуязвим. А зря.

Обидно, что его выследил именно Олег. Лучший дружбан за всю жизнь. Надежный, верный, не способный на предательство Олег Меркурьев, которого теперь оставалось либо уговорить, либо убить. Лукьянов склонялся ко второму варианту, поскольку уж если ты перестал быть человеком, то степень бесчеловечности уже не имеет ни малейшего значения. Он закурил, поскольку сухой папиросный дым помогал ему думать.

Их троих отправили в разведку. Он, Василий, точно знает, где заложены мины. Ему передали точный план заминированной дороги, чтобы, упаси аллах, не потерять ценного агента. Он может сделать так, что вся троица вернется в расположение части целой и невредимой, зато остальные, пойдя той же дорогой, обязательно попадут в расставленные сети. Погибнет человек сорок-пятьдесят. Уцелеют единицы.

Разорванные куски человеческой плоти разлетятся по ущелью, будет вонять горелым мясом, и этот запах, чуть сладковатый, тошнотворный, забьет ноздри, как мокрый снег в метель. Картина побоища предстала перед его взором во всех своих ужасающих мельчайших деталях, но своим внутренним взором он смотрел на нее спокойно, равнодушно даже. Всех этих людей ему было совсем не жалко. Вот если только Олега... Но он сам выбрал свою судьбу, только что, десять минут назад обозвав Василия предателем.

Меркурьев специально выбрал момент, когда третий их кореш, Валька Ушаков, спустился вниз ущелья набрать воды. О том, что он знает о предательстве друга, Олег говорил спокойно и обыденно, словно статью в газете читал вслух. И так же обыденно сообщил, что по возвращении в часть обязательно доложит обо всем командиру.

Черт, как получилось, что накануне вечером Олег не лег спать в пещере, в которой они устроились на ночлег, а только притворился спящим, чтобы выследить Василия при его встрече с афганским полевым командиром. Он все видел и слышал, он все сопоставил и сделал выводы. Правильные выводы, черт его подери.

Василию Лукьянову не хотелось предстать перед военным трибуналом. А альтернативой могло стать только убийство. Убийство друга. Нехорошая усмешка пробежала по его губам. Немного тонкие, они в целом не портили его открытого, мужественного лица. Простого русского лица, коих много в средней полосе России. Он знал, что ничем не примечателен, что

не выделяется из толпы, и искренне считал это достоинством, а не недостатком. Начальство меньше внимания обращает, когда глазу зацепиться не за что.

Пожалуй, только ради одного дела он хотел бы быть красавцем, таким, чтобы девчонки оборачивались вслед. Он расстегнул карман гимнастерки и достал черно-белую фотокарточку, с которой задорно улыбалось милое личико, обрамленное локонами русых волос. Да. Первого друга он потерял из-за этой девчонки. Теперь вынужден потерять второго, потому что иначе потеряет свободу, а то и жизнь.

Он снова слегка улыбнулся. Все-таки причудливые круги на воде пускает судьба. Он сделал так, чтобы первый его друг-враг сел в тюрьму. А сейчас у него у самого есть все шансы загреметь за решетку, да еще и по такому малоприятному обвинению, как измена Родине. Пожалуй, нет. Так не пойдет. Значит, выход только один – избавиться от Меркурьева.

Он снова и снова прикидывал в уме, как это лучше сделать, вызывая в памяти карту минного поля. Если бы они были здесь вдвоем, то комар бы носа не подточил, но их трое, а убивать Вальку Ушакова, который постоянно треплется о том, что дома его ждет жена и маленький сынишка, как-то совсем бесчеловечно. Он не может убить без нужды, он ведь не зверь.

Перед глазами мелькнуло лицо Антохи Попова, друга-врага, гниющего сейчас в колонии где-то под Тюменью. Как он крикнул тогда на суде? Мол, свидимся еще. Пусть через пять лет, через десять, да хоть через пятьдесят отомщу... Мать опять же писала, что по поселку слухи ползут, что некрасиво поступил Лукьянов, не по-божески. Что ей теперь хоть из поселка уезжай, так совестно в глаза людям смотреть. Дура старая. Будто не знает, что стыд не дым, глаза не выест.

Нет, как ни крути, а в родной поселок после армии возвращаться совсем не тянет. А куда? Хотя, как говорит все тот же Меркурьев, страна большая. Он после своего казахского детдома на родину тоже не рвется. Сказал, вернется из армии, в военное училище будет поступать. Нравится ему в армии. И страну посмотришь, и без куска хлеба не останешься. Хорошо Меркурьеву, один как перст. Все дороги ему открыты, никто камнем на шее не виснет. О прошлом не напоминает. Мечта, а не жизнь.

Он затыкнулся поглубже, ошарашенный только что пришедшей в голову шальной мыслью. Да нет, это невозможно. Вообще невозможно. Хотя почему бы и нет. У Меркурьева такой же рост, такое же сложение, как у него, такое же простое, ничуть не запоминающееся лицо. В учебке их первое время даже путали постоянно. Потому что они действительно похожи. А что, это выход.

Он прикурил вторую сигарету, тщательно шлифуя в голове детали предстоящего задания. Да, он воспринимал это именно как задание, которое нужно было сделать виртуозно, пройдя по краю. Если не получится, то придется убить еще и этого пентюха Ушакова, хотя не хочется. Совсем не хочется.

Он отлепился от скалы, чувствуя, как к онемевшей спине начинает приливать кровь. Позвал тихо, вполголоса:

– Олег, пойдём, поговорим.

Загадал про себя, что, если только будет шанс не совершать задуманного, он не станет. Отступится.

– Чего тебе? – Меркурьев смотрел спокойно, не настороженно. Он не боялся, потому что уверенные в своей правоте люди не испытывают страха. Это Лукьянов знал по себе. Ведь ему тоже сейчас было совсем не страшно.

– Давай по-мужски. Поборемся в поединке, кто победит, того желание и выполняется. Поборешь меня, я сдамся сам. Я одержу верх – ты промолчишь, понял?

На секунду мелькнула спасительная мысль, что так все и будет. Он знал, что Меркурьев никогда не нарушит данного им слова.

– Я не промолчу, – тихо ответил тот. – Но если ты хочешь по-мужски, то я не против.

– Давай, пока Валька не вернулся.

– Да, не нужно ему это видеть, – спокойно согласился Олег. – Но он все равно все узнает. Рано или поздно все узнают. Ты запомни, Васька. Нет ничего тайного, что не стало бы явным.

Василий секунду-другую прислушивался, не идет ли Ушаков, а затем повернулся к скале и с размаху приложился к ней лицом. От нечеловеческой боли у него потемнело в глазах, он сжал рот, чтобы не закричать, прокусил губу, чтобы одной болью попытаться затмить другую, первую, практически невыносимую. Кровь заливала лицо, он часто моргал, чтобы видеть ошеломленное лицо Меркурьева.

– Ты что? Сдурел?

Бывший друг, в одночасье превратившийся во врага, сделал шаг, всего лишь один маленький шаг навстречу Лукьянову, и этого было вполне достаточно, чтобы нанести удар. Точный удар ножом, вошедшим под ребра.левой рукой он зажал Олегу рот, гася предсмертный хрип, а правой повернул нож, довершая начатое. Спокойно, без тени отвращения, ужаса или брезгливости, пожалуй, даже с любопытством он смотрел, как из глаз Олега уходит искра жизни. Глаза эти, серые, прозрачные, словно осеннее небо над начинающей замерзать рекой, так похожие на его собственные, подернулись мутной дымкой, закатились, стали страшными, пустыми, мертвыми.

Кровь Меркурьева лилась по его рукам, смешивалась с кровью, капающей из разбитого лица самого Лукьянова, он размазывал ее по себе, горячую, будто все еще живую. Глянув вниз, в долину, ведущую к горному ручью, он видел маленькую точку – возвращающегося Ушакова. В драме, которую он только что писал наперегонки с судьбой, нужно было поставить финальную точку.

Василий быстро достал из нагрудного кармана свои документы, расстегнул карман Олега, вытащил его книжицу, тщательно измазал в крови, а затем сунул себе в карман. Свой военный билет он запихал Олегу в сапог. Это уже не имело никакого значения. Поднял тело, водрузил на плечи, обошел скалу, размахнулся и бросил. Туда, где, как он знал, находились мины. Взрывной волной его бросило на скалу, оторвало лоскут кожи на лице, кровь снова залила глаза, стало так больно, что на секунду он решил, что потеряет сознание, но сейчас это было нельзя. Совсем нельзя.

Он оглядел себя и остался доволен увиденным. Высокая фигура в рваной гимнастерке, заляпанной кровью, на лице одни глаза. Чьи? И не поймешь сразу. Встал во весь рост, раскинул руки, качаясь. Пошел навстречу бегущему Вальке. Лениво подумал, что если тот сам напорется на мину, то одной проблемой будет меньше, достал из кармана «лимонку» с половинным запахом, выданную ему «на всякий случай» афганскими товарищами, подпустил Вальку поближе, совсем близко, фактически упал ему на руки.

– Что случилось? – Валька говорил шепотом. Ему было очень страшно, сразу видно. – Что это было?

– Васька подорвался, – Лукьянов говорил глухо, понимая, что находящемуся в шоке Вальке сейчас не до того, чей голос он слышит. – И меня задело. Ты стой, не ступай, тут мины, везде мины. – Вытащил чеку и успел подумать лишь о том, что если духи обманули, то он встретится с Олегом на небесах прямо сейчас. Толкнул Вальку, подсунув гранату ему под спину, и упал сверху. Второй взрыв оказался гораздо слабее первого. Через пару секунд Василий пошевелился, чтобы убедиться, что жив. Сел, ощупал руки, ноги, голову, перевернул хрипящего без сознания Вальку, в боку которого зияла большая страшная дыра, взвалил его на плечи и, пошатываясь, пошел прочь, остатками угасающего сознания держа в голове карту минного поля.

Он шел в другую сторону от своей роты, зная, что сегодня к вечеру в ней не уцелеет практически никто. Шел «к соседям», зная, что дойдет, потому что не имеет права не дойти.

«Меня зовут Олег Меркурьев, – бормотал он, словно в бреду. – Мой друг Василий Лукьянов подорвался на mine, а нас с Валькой просто зацепило. Зацепило».

Где-то через час ему повезло выйти к своим. Тем своим, среди которых ему отныне предстояло всегда быть чужим. Ему навстречу бежали люди, бережно приняли тяжелое тело Вальки.

– Жив, – сказал кто-то, и Василий равнодушно подумал, что ему все-таки удалось сохранить пентюху жизнь. – Вы кто такие, парень?

– Меня зовут Олег Меркурьев, – непослушными губами выговорил он, такими же непослушными пальцами вытащил окровавленный военный билет с заляпанной бурыми пятнами фотографией в нем. Услышал далекие взрывы, в которых, как он знал, сейчас гибли его товарищи, не предупрежденные о минном поле, и упал без сознания, успев подумать, что теперь уж точно обратной дороги нет. Вместе с военным билетом выпала из кармана черно-белая фотокарточка с милым девичьим лицом. И чьи-то чужие руки заботливо положили ее внутрь военного билета. Чтобы не пропала.

* * *

Наши дни

Дмитрий Воронов

По домашнему адресу, который значился в личном деле начальника службы безопасности фирмы «ЭльНор» Олега Меркурьева, на самом деле оказавшегося числившимся убитым в Афганистане Василием Лукьяновым, дверь открыла молоденькая девчушка в лосинах, длинной майке и с двумя смешными хвостиками волос на голове.

– А он здесь больше не бывает, – сообщила она в ответ на вопрос, где Меркурьев. – Мы у него квартиру купили и теперь здесь живем.

– Мы это кто? – уточнил Воронов.

– Мы – это я и мой муж, Генка, – слово «муж» она произнесла очень гордо. – Нам родители квартиру на свадьбу подарили. Повезло очень. Большая, светлая квартира, в хорошем районе, а продавалась очень дешево. Папа мой сначала подвох заподозрил, а потом оказалось, что человек, который тут жил, просто спешил очень. Ему нужно было срочно уезжать, поэтому он отдавал почти на триста тысяч дешевле. Представляете, как нам повезло?

– Представляем, – согласился Воронов, отчетливо понимающий, что ему повезло гораздо меньше, точнее, не повезло совсем. Ясно как день, что к отъезду из их города Меркурьев, то есть Лукьянов, готовился загодя, квартиру продал, деньги наверняка снял. Ищи его свищи теперь по необъятной России-матушке.

Запрос по бывшему месту службы Меркурьева тоже не принес ничего нового. После полученного в Афганистане ранения в лицо лже-Олег был направлен на лечение, а затем поступил в Новосибирское высшее военное училище. Подмены никто не заметил, поскольку многие его товарищи погибли, подорвавшись на заложенном душманами минном поле, командирам не пришлось в голову идентифицировать солдата с ранением мягких тканей лица, а к моменту выписки из госпиталя до него и вовсе не было никому никакого дела. Есть документы на имя Олега Меркурьева, значит, перед вами Олег Меркурьев.

Новосибирск оказался далеко от Казахстана, где вырос настоящий Меркурьев. Конечно, шанс встретить кого-то из одноклассников и воспитанников детдома все-таки был, но такой мизерный, что лже-Олег решил положиться на удачу. Служил он в военной разведке, трусом не был, задания выполнял на «отлично», в том числе и самые рискованные, быстро рос в звании и вышел в отставку в положенный срок, получив подполковника.

Последним местом его службы стала Калуга, где семье Меркурьевых – Олегу, его жене Рите и дочери Аленке была дана двухкомнатная квартира по жилищному сертификату для

военных. Женился лже-Меркурьев в первые годы службы, на момент выхода в отставку его дочери уже исполнилось пятнадцать лет, по словам сослуживцев, жили они мирно.

«Олег» жене никогда не изменял, скандалов в семье отродясь не было, и сообщение о том, что он уходит из семьи, застало Риту Меркурьеву врасплох.

– Я до сих пор не понимаю, какая муха его тогда укусила, – рассказывала женщина пришедшим к ней оперативникам. – Мы с ним за город в тот день поехали, на дачу друзей. Сослуживец Олега демобилизовался на год раньше, ушел в бизнес, занялся строительством и всего за год построил себе шикарную дачу. Он все звал Олега к себе в фирму, предлагал возглавить службу безопасности, а муж все отнекивался, что эту сферу не знает совсем. На даче ему еще друг все журналы строительные показывал. На, мол, почитай, подкуйся теоретически, а потом поговорим. Мы с этими журналами домой уехали. Вечером Олег начал их листать, а я в спальню пошла. Он минут через тридцать приходит, спокойный такой, и говорит: «Рита, мы разводимся». Я даже сначала решила, что он шутит. Но нет, оказалось, не шутил. Через месяц уже наша семейная жизнь была в прошлом. Квартиру он нам с Аленкой оставил. Из вещей только чемодан со своей одеждой взял и все. И из Калуги сразу уехал. Даже не сказал куда.

– В каком году это было?

– Почти семь лет назад.

Оперативники подняли данные о том, какие строительные журналы выходили в свет в это время, изучили подшивки и обнаружили в одном из номеров журнала «Жилищное строительство» большое интервью с генеральным директором волжской фирмы «ЭльНор» Элеонорой Бжезинской. Элегантная блондинка с уверенным взглядом красовалась примерно на десятке качественных фотографий, рассказывала о создании строительного бизнеса с нуля, о своем жизненном пути и успехах «ЭльНора».

– Теперь понятно, как он ее нашел, – задумчиво сказал Воронов, когда узнал про добытые факты. – Он увидел ее фотографию в журнале, а так как любил всю жизнь, то решил перебраться поближе к своей пассии. Одно непонятно, почему он не боялся, что она его узнает.

– Это было невозможно, – Иван Бунин пожал плечами. – Она была девчонкой совсем, а тут больше двадцати лет прошло. Ну похож он на парня из поселка ее детства, ну и что?

– Да, пожалуй, ничего, – согласился Воронов. – Почему он приехал в наш город и устроился к Бжезинской работать, мы теперь знаем, вот только это ни на йоту не приближает нас к ответу на вопрос, где его теперь искать.

– Думай, Митя, думай.

– Да я думаю, – уныло отметил Воронов.

Он выпросил у Элеоноры Бжезинской, не выходили ли какие-нибудь ее интервью во всероссийских журналах в последние несколько месяцев. Оказалось, что да, выходили. Большая статья о фирме, возглавляемой женщиной – генеральным директором, в середине августа вышла в журнале «Дома и интерьеры». Так и осталось загадкой, где именно Антон Попов взял этот журнал, но его мать подтвердила, что журнал такой у Антона действительно был, и, внезапно сорвавшись в поездку в далекий город, он взял его с собой. Другими словами, Попов, как и Лукьянов, нашел свою юношескую любовь через статью в журнале и отправился в далекий путь, чтобы ее увидеть.

Скорее всего, он пришел в «ЭльНор», чтобы повидать Элеонору, но вместо своей зазнобы встретил там своего заклятого врага, которого все считали убитым. Встретил и, естественно, тут же узнал. Лукьянову просто не оставалось ничего другого, кроме как убить Попова. Иначе обязательно бы вскрылось, что он много лет выдавал себя за другого человека.

– Не сходится, – покачал головой Воронов. – На камерах «ЭльНора» Попова не было. Я это сам проверил.

– Скорее всего, они на улице случайно столкнулись, всяко могло быть, – ответил Бунин. – Думаю, что на этот вопрос нам Лукьянов ответит, когда мы его найдем.

Параллельно с поисками Меркурьева-Лукьянова сыщики раскручивали линию отравления Элеоноры Бжезинской. Припертая к стене показаниями секретарши Милы, Элеонора Бутакова дала признательные показания. Да, это она из личной неприязни затеяла травить свою бывшую подругу медицинским препаратом, понижающим уровень сахара в крови. Надеялась на то, что Бжезинская, занявшись испортившимся здоровьем, не сможет уделять много внимания «ЭльНору» и Бутаковой вместе с ее любовником Эдуардом Гороховым удастся осуществить планы по рейдерскому захвату предприятия.

– Покушение на убийство ей не пришьешь, – сказал Иван. – Не доказать, что она хотела не просто вывести Бжезинскую из игры, а вообще на тот свет отправить. Шатко все это. Лекарство. Механизм его действия. В суде не устоит.

– Тем более что Бжезинская отказывается писать заявление. Говорит, что все хорошо, что хорошо кончается, а подвергать Бутакову уголовному преследованию она не станет. После того как рассчитается с бывшим мужем за пакет его акций, постепенно выкупит и долю Бутаковой, чтобы больше не иметь с ней дела. Пусть живет, как знает, – подхватил Бунин.

– Может, я скотина, но не понимаю я такого благородства, – Воронов пожал плечами. – Эта стерва завистливая ее убить хотела. Так что же ей, теперь все с рук сойдет? И лекарство, и выстрел, и все гадости, которые она за спиной подруги говорила и слухи распускала.

– Ну, к выстрелу она отношения не имела. – Бунин растер руками лицо. Видно было, что за последние несколько дней он сильно устал. – Ты же знаешь, что в лобовое стекло машины Бжезинской Эдик Горохов стрелял, хотел напугать, чтобы она из города уехала. Он же не знал, что его любовница Бутакова ее лекарствами пичкает, вот и затеял свою игру по устранению конкурентки. А Бжезинская-то не из того теста оказалась. Испугалась, конечно, но никуда не уехала, осталась свой бизнес спасать.

– Она была уверена, что это ее муж в нее стрелял. – Воронов задумчиво посмотрел на друга. – Вот ты представь, Вань, что твоя Иришка или моя Лелька могут подумать, что мы в их машину камень кинули или из пистолета выстрелили? Это же уму непостижимо. Зачем жить с таким человеком, которого можешь заподозрить в том, что он в тебя стреляет?

– Ну наши жены и не живут с таким человеком, – разумно возразил Бунин. – И Бжезинская, кстати, больше тоже не живет. У нее теперь этот доктор есть. Вполне себе приличный дельный мужик, который за нее любому пасть порвет.

– Да уж, она такие эмоции у мужиков вызывает, что прям дрожь по коже. Такие страсти, почитай, с самого детства. И дрались из-за нее, и в тюрьму угодили, и из семей уходили, и спасать из Москвы приехали. Просто роковая женщина, а не бизнес-леди. Страсти на части. Они же все трое, джентльмены из Солнечного, за нее убить готовы.

Говоря эти слова, Воронов вдруг почувствовал небывалое волнение. Внутри высказанной им мысли крылся ответ на вопрос, где искать Меркурьева-Лукьянова, только его нужно было выкристаллизовать, очистить от налипшей на него ненужной словесной шелухи. А главное, добиться от всех сторон согласия на проведение очень рискованного следственного эксперимента.

– Нет. Я категорически против! Это совершенно невозможно. – Элеонора Бжезинская в волнении заходила по своему кабинету, не в силах совладать с бушующими в ней эмоциями. – То, что вы предлагаете, очень опасно. Вы не имеете права подвергать Витольда такому риску.

– Эля, – Семенов мягко придержал ее за руку, заставив остановиться рядом с собой, – Элечка, ты говоришь глупости. Товарищ майор очень здорово придумал. Я согласен с тем, что, пожалуй, это единственный способ выследить и поймать Ваську.

– А мне наплевать, – запальчиво вскрикнула Бжезинская. – Пускай лучше он останется непойманным, чем с твоей головы упадет хоть волос.

– И как ты только бизнесом занимаешься, если не можешь выстроить простейшей причинно-следственной связи? – Семенов ласково смотрел на нее, и Воронов благоразумно решил

не вступать в их спор, понимая, что умный и обстоятельный доктор сейчас уговорит любимую гораздо быстрее, чем это сделал бы сам майор. – Ты пойми, что я окажусь в безопасности только тогда, когда Ваську поймут. А пока он на свободе, мне не может быть ни минуты покоя!

– Но почему? – Элеонора с отчаянием смотрела на них обоих.

– Да потому что ты открытым текстом сказала ему, что у тебя появился любовник, и этот человек я, – терпеливо объяснил Семенов. – Услышав мою фамилию и предложение нас познакомиться, он, во-первых, понял, что я обязательно его узнаю, и придумал весь этот трюк со взрывом в надежде, что все решат, что он погиб. А во-вторых, он понял, что у него появился соперник. И теперь не успокоится, пока не отправит меня к праотцам, вслед за Антохой Поповым.

– Но я же не сказала «любовник», я сказала «близкий человек», – в ее голосе слышалось отчаяние.

– Так это еще хуже.

– Но Олег, то есть Василий, он же шесть лет работал рядом со мной, зная, что у меня есть муж. Он каждый день видел Бориса и не пытался на него покушаться. На чем основывается ваша уверенность, что он обязательно захочет избавиться от Витольда? – Элеонора смотрела так требовательно, что Воронов счел за лучшее честно признаться:

– Я вовсе не уверен, Элеонора Александровна. Я просто предполагаю. И рассуждаю с точки зрения психологии преступника. Когда-то он вступил из-за вас в драку. Потом он усадил своего потенциального противника в тюрьму. Потом произошло что-то, что заставило его поменять имя. Вполне возможно, что ради этого ему пришлось убрать настоящего Олега Меркурьева, и он тогда впервые не остановился перед убийством. Представьте себе человека, который много лет носит чужую маску. Он всегда настороже, у него надломлена психика, потому что в его прошлом кроется какая-то грязная история. Но любовь к вам живет в нем по-прежнему, потому что он трепетно хранит вашу юношескую фотографию, а случайно увиденное интервью с вами приводит к тому, что он бросает семью и уезжает в чужой город, поближе к вам.

Бжезинская поежилась.

– Как-то страшно вы это рассказываете, – призналась она.

– А это действительно страшно. Он путем шантажа и угроз вынуждает вашего бывшего начальника службы безопасности в одночасье уволиться, а сам занимает его место. Он – военный разведчик, он умеет собирать информацию и выискивать слабые места противника. У вашего бывшего сотрудника была молоденькая любовница, и Лукьянов угрожал ему рассказать все жене, если мужик не напишет заявление. Лукьянов – настоящий мерзавец, который идет на все, чтобы воплотить свои планы в жизнь. Да, он не трогал вашего мужа, но только потому, что ваш муж, вы уж меня простите, ничтожный человек, который даже мизинца вашего не стоит. Вы его давно разлюбили, это Лукьянову было видно невооруженным глазом, потому что он и не ревновал. Жизнь его устоялась, устаканилась, он к ней привык, и вот происходит то, что переворачивает эту устоявшуюся жизнь с ног на голову. Он встречает Антона Попова, понимает, что его тайна вот-вот будет раскрыта. Он вынужден убить Попова, но это еще не все. По стечению обстоятельств вы берете на работу Степана Ушакова, который оказывается сыном их с настоящим Олегом Меркурьевым сослуживца. Василий снова вынужден идти на преступление.

Он живет в постоянном страхе, его нервы напряжены до предела. Он и мне по голове дал с перепугу, потому что все время боится. Не узнал меня и отреагировал не совсем адекватно. Наверное, в голове он строит планы, как спасти вас от свалившихся на голову неприятностей, стать вам близким, нужным, может быть, наконец-то осуществить свою мечту приблизиться к вам по-настоящему.

– И тут появляюсь я, весь в белом, – Семенов процитировал известный анекдот так к месту, что Воронов невольно улыбнулся, хотя ситуация мало располагала к веселью.

– Не смешно, – мгновенно отреагировала Бжезинская.

– Не смешно, но по сути верно, – доктор поцеловал ее в висок. – Тут появляюсь я. Очередной человек из его далекого прошлого, которое он все эти годы пытался забыть. Мало того, что я несу в себе угрозу его изобличить, я фактически краду тебя у него из-под носа. Увожу ценный приз, ради которого он пошел на все эти жертвы и риски. Нет, майор прав. Он ни за что мне этого не простит и успокоится только тогда, когда убедится, что я мертв.

– Он окончательно съехал с катушек. Невозможно пройти через все вышеперечисленное и остаться совсем нормальным, – подтвердил Воронов. – Именно поэтому он рассуждает так, как считаем мы с Витольдом Михайловичем. Ему нужен приз как признание его правоты.

– И этот приз – я? – В голосе Бжезинской послышались слезы.

– Ты, – просто сказал Семенов. – И поверь мне, ты – самый ценный и дорогой приз, который только можно пожелать. Дмитрий, – он повернулся к Воронову, – скажите мне, что я должен сделать?

Эпилог

Три года спустя

На въезде в город со стороны Москвы встал крышами в небо микрорайон «Изумрудный город». Необычная отделка его стен, выполненная из панелей цвета молодой травы, неизменно приковывала внимание. Благодаря удобной транспортной развязке, которую Элеонора Бжезинская выторговала, выклянчила, вырвала у мэрии, продуманной до мелочей инфраструктуре, в которой значился и уже открытый детский сад, и офис врача общей практики, и отличный продовольственный супермаркет, и пока еще не открытые, но уже возводящиеся цветочный магазин, химчистка и бассейн, просторным парковкам с навесами от дождя и снега и прочим комфортным «мелочам», сильно облегчающим быт, квартиры в микрорайоне разлетались, как горячие пирожки, еще на стадии закладки фундамента.

Три первых дома, сданных точно в срок, отличались редким ныне качеством, просторными квартирами и удобной планировкой. Близость огромного городского парка, приведенного в порядок силами компании «ЭльНор», позволяла дышать полной грудью. В парке были проложены велосипедные и пешеходные дорожки, установлены скамейки и баки для мусора, оборудованы детские и спортивные площадки, сделан искусственный пруд, в который планировали запустить карпов.

Другими словами, «Изумрудный город», затеянный Бжезинской несколько лет назад как рискованное мероприятие, в успех которого мало кто верил, превратился в элитный городской микрорайон, в котором мечтали жить практически все, да не всем он был по карману. Квартиры здесь стоили заоблачно дорого, но толпа из покупателей в офисах продаж не редела почти никогда.

Сегодня здесь открывали вторую очередь бассейна, со спа-комплексом и салоном красоты, и по этому поводу в микрорайоне собрался весь городской бомонд.

– Молодец ты, Лелька, – говорила статной холеной красавице Любове Молодцовой ее подруга, шустрая, верткая, огненно-рыжая Инна Полянская, она же знаменитая журналистка Инесса Перцева, – рискнула третий салон открыть.

– Так какой же тут риск, – искренне удивилась Молодцова, краем глаза приглядывающая за трехлетней дочкой, которая вместе с другими детьми играла на детской площадке, удобной и безопасной. – Почитай, весь городской средний класс сюда жить перебрался, а кто еще не успел, тот подумывает об этом. Людям же удобно по вечерам и выходным ходить на процедуры рядом с домом, так что я все вложения окуплю быстро. По бизнес-плану получается, что меньше чем за год.

– Признайся, здание-то тебе Бжезинская по дешевке продала, – поддела подругу Инна. – За то, что Димка твой ее мужа от убийцы спас.

– Не говори глупостей, – Лелька мимолетно улыбнулась. – Бжезинская женщина деловая, эмоции с бизнесом не путает. Скидку дала, конечно, но не из-за Мити, а потому что заинтересована, чтобы в микрорайоне только проверенные фирмы работали, с лучшим качеством. А я же лучшая...

– Это да, – согласилась журналистка. – Мой Гоша тоже тут супермаркет открыл, потому что выгодно. И за год работы не пожалел ни разу. Так что права ты, подруга. Во всем права. А Воронов тогда действительно отлично сработал. Это тоже правда.

Обе подруги замолчали, вспоминая трагические события почти трехлетней давности. Майор Воронов тогда вычислил все правильно. Доведенный до отчаяния преступник Василий Лукьянов действительно не уехал из города, а снял квартиру и взял под круглосуточное наблюдение особняк Бжезинской, чтобы поквитаться с Витольдом Семеновым. Дождался, пока доктор останется один, пробрался в дом и напал на него с ножом. Он только не учел, что там его

будут поджидать оперативники. Так что нападение провалилось, преступник был задержан и сознался во всех своих грехах, начиная с Афгана и заканчивая убийством Антона Попова и похищением Степана Ушакова.

Своего заклятого врага Антона он действительно встретил на улице. Пешком шел к офису «ЭльНора» с одного из строительных объектов, решив прогуляться. И примерно за квартал увидел бредущего по улице Попова, сверяющего адрес на табличках домов с какой-то бумажкой. Увидел и узнал, разумеется.

Допустить визита Антона в «ЭльНор» и встречи с Элеонорой было нельзя. Столько лет тщательно скрываемая Лукьяновым-Меркурьевым правда тогда неумолимо всплыла бы наружу. Недолго думая, Василий окликнул Попова и предложил проводить его к Элеоноре.

– Я виноват перед тобой, – говорил он. – Столько лет у тебя украл. Веришь, ночами не спал. Так что это здорово, что сейчас у меня есть шанс искупить свою вину. Я у Элеоноры работаю, пойдем, отвезу тебя туда, где она сейчас. Пусть она узнает, как ты за нее пострадал.

– Так ты же вроде погиб? – ошарашенно спросил Попов. – Как это получилось, что ты вдруг воскрес, да еще рядом с Элей?

– Потом расскажу. Все потом, – отмахнулся Лукьянов. – Поехали, а то у Эли скоро совещание начнется. Не до нас ей будет.

До конца своих дней Антон Попов оставался немного наивным, романтичным человеком. Он послушно пошел за своим убийцей на место преступления. Лукьянов привез его в отель, который знал как свои пять пальцев, и убил в бассейне, в котором все работы уже были закончены, а значит, никого не было. Конечно, он рисковал, но риск стал неотъемлемой частью его жизни, вьелся в кровь и плоть, поэтому на него Василий попросту не обращал внимания.

Сейчас, как знала Инесса Перцева, он отбывал наказание на знаменитом «Белозерском пятаке», колонии для пожизненников в Вологодской области.

– Здравствуйте, девочки, – мелодичный голос заставил женщин обернуться. К ним подходила сама Элеонора Бжезинская – высокая, стройная, до невозможности элегантная, с высокой прической безукоризненно уложенных белокурых волос, практически незаметным макияжем, блестящими в ушах капельками бриллиантов. Облегающая юбка подчеркивала красоту стройных ног.

После взрыва ее машины, красного «Лексуса», она ездила на маленьком «Мерседесе» серого цвета.

– Надоело привлекать внимание, решила спрятаться от любопытных глаз и ездить, как серая мышка, – рассказывала она Инне, когда только купила новую машину.

Журналистка вспомнила, как тогда, иронически оглядев маленькую машинку, ценой с элитный особняк, насмешливо сказала: «Умные люди отличают мышку от шиншиллы. Так что если вы хотели спрятаться, то считайте, что у вас не получилось».

– Здравствуйте, Элеонора Александровна, я так рада, что вы смогли выбраться на открытие, – сказала Лелька, оборвав воспоминания подруги. – Насколько я знаю, вы же сейчас в нашем городе только наездами бываете?

– Стараюсь. – Бжезинская рассмеялась тем чистым звонким смехом, который бывает только у очень счастливых женщин. – В основном я в Москве, конечно, чтобы Витольд без меня не скучал. Но каждый месяц приезжаю на неделю-две. Хоть Степа и прекрасно рулит «ЭльНором», да и вообще дела идут как по маслу, но я стараюсь выполнять свое главное бизнес-правило: «Доверяй, но проверяй». Тем более что подвести Витольда я не могу. Деньги, которых мне так не хватало на строительство, мне он дал. Приходится следить, чтобы инвестиция оказалась прибыльной.

– Говорят, ваш первый муж уехал из города, – спросила любопытная Инна, не страдавшая излишним политесом.

– Да, ресторан его прогорел, а больше ему здесь делать нечего. Продал свою квартиру и вернулся домой, к родителям. Говорят, устроился в какую-то фирму финансовым директором. Женился. Дети говорят, что вроде как всем доволен.

– А как ваша Варежка? Учится еще?

– Школу закончила, поступила в Сорбонну. Мы с Витольдом стараемся выбираться к ней почаще, чтобы не скучала. У них прекрасные отношения. Я так рада, что Варя приняла его сразу и бесповоротно. Впрочем, иначе и быть не могло. Он прекрасный человек.

– А Бутакова? – Инна понимала, что ведет себя неприлично, но не могла остановиться. Ей действительно было интересно.

– Нора? Она в Москве. Живет с матерью. Работает где-то, но я особо не интересовалась где. С Сергеем они развелись. Он тоже переехал в Москву, практикует у Витольда в клинике. Он же прекрасный врач. А Вика здесь, в городе. Недавно замуж вышла.

– А Мила, секретарша ваша, она вышла замуж? – В глазах Инессы заплясали смешинки. – Сколько я ее видела, она всегда была так озабочена замужеством.

– А как же. Она вышла замуж за нашего Степу. Так что она теперь мадам Ушакова, степенная дама, воспитывающая годовалого сына Валечку. Девочки, это так неправильно, что мы с вами редко встречаемся. Мне и сейчас особенно болтать некогда, у меня встреча в банке «Волга-кредит», там новый управляющий, обещает волшебные условия сотрудничества. Обещала приехать, поговорить.

Она попрощалась с двумя подругами и пошла прочь, стремительная, уникальная, ни на кого не похожая женщина, над которой, казалось, было не властно время. Цок-цок... дробно и мерно стучали по плиткам пола каблучки умопомрачительных туфель в виде двух копий Эйфелевой башни. Именно так – бодро, уверенно, непобедимо и должны были звучать шаги к счастью.